

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 46 НОЯБРЬ 1981

Л Е Н

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ,

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 46 (2835)

14 НОЯБРЯ 1981

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», «Огонек», 1981

И Н

7 НОЯБРЯ 1981 ГОДА

Продолжение
фоторепортажа
см. на стр. 28—29.

ЖИЗНЬ ПО ЗАВОДСКОМУ ГУДКУ

I

Мне посчастливилось родиться, вырасти, получить трудовую закалку в рабочей семье, в большом рабочем поселке. Одно из самых ранних, самых сильных впечатлений детства — заводской гудок. Помню: заря только занимается, а отец уже в спецовке, мать провожает его у порога. Ревет басовитый гудок, который, казалось мне, слышен по всей земле.

Радио не было, часов рабочие не имели, завод сам созывал их на работу. Первый предупредительный гудок давался в полшестого утра, затем в шесть — на смену, потом в полшестого вечера — предупредительный и опять на работу — в шесть. Народу в нашем Каменском, будущем рабочем городе Днепропетровске, было тогда двадцать пять тысяч, и весь отсчет времени, весь бытовой уклад, привычки, нравы, сам труд людей — словом, вся жизнь шла по гудку.

Я быстро одевался и босиком, не поев, бежал вслед за отцом. Если он брал меня за руку, я гордо оглядывался вокруг: вот, дескать, какой вырос большой, уже иду на завод, а мне тогда шел пятый год. Из соседних домов, из боковых улочек и переулков выходили другие рабочие, нас становилось все больше, одеты были почти все в потертые куртки и штаны из грубой «китайки». И мне, помню, очень нравилось шагать вместе со всеми.

Тысячная толпа валила вниз, к Днепру, к Базарному спуску. Тут отец оставлял меня, и вскоре его картуз терялся среди множества картузов, кепок, войлочных шапок — я только издали видел, как втягивала смену черная дыра проходной. А лет, наверное, семи я и сам первый раз вошел в эти ворота — с судками в руках, в которых нес обед для отца.

Завод работал в две смены, каждая по двенадцать часов, а бывали дни (при ломке смен), когда рабочие и по восемнадцать часов оставались на производстве. Столовой не было, обеденного перерыва не полагалось — нас скоро перекусывали тем, что брали с собой из дома. Некоторым еду в узелках приносили жены, дочери, сестры. Позже я узнал: отец и мать мои встретились не на гулянье, не в городском саду, не в гостях и не в клубе, которого, впрочем, в их пору и быть не могло, а здесь же, в железопрокатном цехе Днепропетровского завода.

Отец был помощником вальцовщика, а сварщиком на нагревательных печах стоял старый рабочий Денис Мазалов. Я его хорошо помню: кряжистый, немногословный, настоящий русский мастеровой. Родом он был из Енакиева, работал прежде в Никополе, на наш завод перебрался уже с большой семьей, и обед ему часто приносила взрослая дочь Наталия. Вот здесь-то, у нагревательных печей, у стана «280», молодые люди и познакомились, а год спустя поженились. Отцу было тогда двадцать восемь лет, матери — двадцать.

Что можно еще сказать о своем происхождении? Родословных рабочие семьи, как известно, не вели. Знаю, что отец, Илья Яковлевич Брежнев, поступил на завод в 1900 году. Он пришел сюда из Курской губернии, из деревни Брежнево Стрелецкого уезда. Название деревни, как и фамилия наша, происходило, надо полагать, от прибрежного ее положения, а возможно, и от понятий «берець», «оберегать», что вполне согласуется с крестьянским бережным отношением к земле-кормилице. Землю ценили, защищали, берегли, веками поливали ее и потом и кровью. Но веками же бедность не покидала людей, иначе не пришлось бы отцу уходить на заработки из родных мест.

Между прочим, впоследствии жил с нами в одной квартире дядя Аркадий, по фамилии тоже Брежнев, но отцу он братом не приходился, а был земляком. Приехал, как все, на заработки, отец пустил его к себе, он вышел в металлургию и уже после этого, женившись на младшей сестре моей матери, стал нам родней, а мне дядей. По-видимому, как это повелось в русских селеньях, однофамильцев в нашей деревне было немало.

Таким образом, по национальности я русский, по происхождению — коренной пролетарий, потомственный металлург. Вот и все, что известно о моей родословной.

Уместно в связи с этим вспомнить родословную рабочего класса России. Бурный его рост начался как раз на рубеже XIX—XX веков, что и вызвало перемещения огромных масс народа, крутые перемены в жизни миллионов людей. Судьба каждого из них в отдельности могла показаться случайной, но общая их судьба была исторически обусловлена, можно сказать, предпрешена промышленной революцией, которая совершалась в стране. И совсем не случай привел моих родителей именно на Екатеринославщину (в нынешнюю Днепропетровскую область), заставил обосноваться именно на юге России.

В этом краю счастливо соседствовали уголь Донбасса и руда Криворожья, железная дорога связала их, водная магистраль Днепра позволяла отправлять готовый металл машиностроителям Бежицы, Брянска. Все это, вместе взятое, а также неограниченные возможности привлечения дешевой рабочей силы тянули сюда не только российских предпринимателей, но и иностранных капиталистов. Днепропетровский завод, например, объединял бельгийский, польский и французский капитал («копитал», говорили у нас в слободке, имея в виду слово «копить»). Завод рос чрезвычайно быстро: с 1887 по 1896 год население в Каменском увеличилось с 2.000 душ до 18.000.

Эти цифры приведены в книге В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». «То, что прежде складывалось веками», — писал он, — осуществляется теперь в какой-нибудь десяток лет». Много позже, будучи студентом, я читал этот классический труд и обратил внимание на то, с какой тщательностью и глубиной Владимир Ильич исследовал рост металлургии Юга. Для меня, помнится, было очень важно, что великий вождь мирового пролетариата, анализируя общественно-экономическое развитие всей страны, окидывая взором всю Россию, видел и наш край, в том числе бывшее село Каменское, изучил его прошлое, знал настоящее, предвидел будущее.

В 80-х годах прошлого века по технической оснащенности первыми шли Санкт-Петербургская губерния, Московская, Киевская, Пермская, Владимирская, но уже в 90-х годах после столичной, оттеснив старые промышленные центры, шла Екатеринославская губерния. На Урале «число паровых сил» за десять лет возросло в два с половиной раза, а на Юге за то же время — почти вшестеро. При этом южные заводы в отличие от уральских использовали уже не древесный, а каменный уголь, чугун выплавливали уже не на холодном дутье и в выделке железа отбросили древний так называемый кричный способ.

«Насколько Урал стар, — делал вывод

В. И. Ленин, — и господствующие на Урале порядки «освящены веками», настолько Юг молод и находится в периоде формирования. Чисто капиталистическая промышленность, выросшая здесь в последние десятилетия, не знает ни традиции, ни сословности, ни национальности, ни замкнутости определенного населения».

Все это, повторяю, я прочел и осмыслил позже, в студенческие годы. Но то, о чем писал Ленин, я видел и запомнил еще с детских лет. Многоязычный говор, толпы испуганных мужиков, стекавшихся к нам из разных губерний, бараки, сколоченные на скорую руку, и строительство домен, мартенов, мощных прокатных станов — помню все это до мелких подробностей. Завод, в ту пору самый крупный на Юге, возвышался над поселком. Все у нас тяготело к нему, и я, как и другие сыновья рабочих, знал, что вслед за отцом приду в цех, к живому огню. Об иной доле в поселке не помышляли. Завод громко гудел, напоминая о себе, и я знал: это моя судьба.

По тому времени завод считался хорошо оснащенный, но, разумеется, ни рольгангов, ни подъемных столов в цехе не было. Вагоны разгружались лопатами, уголь в топки тоже кидали лопатами, понурая лошадь возила черные слитки к нагревательным печам, у которых орудовал мой дед Денис. Отсюда раскаленные добела «штуки» весом в полтонны крючьями волокли к стану, потом вручную перетаскивали с одного калибра на другой, а из последней клетки, ухватив щипцами еще горячую, но уже раскатанную, тонкую ленту, бегом тянули ее на плитовой наст, где металл должен был остывать.

Снова и снова замирал на своем месте (у нас говорили: «в петле») высокого роста, плечистый, в фартуке и чунях рабочий. Я хорошо видел: он весь в напряжении, клещи в любой момент наготове. Едва лишь вырвется из клетки раскаленная, шипящая, злая змея, как он тотчас ее усмирит и широким взмахом перебросят, «задаст» в другие валки. Сказочным силачом, великаном представлялся мне в тот момент человек. А это был мой отец.

Заметив меня, отец звал дядю Аркадия, или нашего соседа Луку, или еще кого-то из рабочих, чтобы подменили его, ополаскивал руки, лицо, выходил наружу, щурился на солнце и садился на чухлую траву обедать. Ел он молча. Иногда гладил шершавой рукой мою голову, спрашивал, что дома, как мать. Кончался обед всегда одинаково, отец говорил: «Иди гуляй». И я, не понимая, какой адов труд снова ему предстоит, бежал со своими друзьями к дымящим трубам, за которыми кончался завод.

За краем построек рос краснотал, и в этих зарослях мы пробирались к Днепру. Берег в том месте был очень высок и обрывист. Мы смотрели сверху, и даль перед нами открывалась неоглядная. Внизу голубела вода, виднелся зеленый остров, поросший кустарником, дальше все было подернуто синевой: вода, луга, заречные села Николаевка и Куриловка — для нас это уже был край света.

Детство есть детство. Тут, у Днепра, все для нас было радостью: сбегали вниз по обрыву, купались, переплывали на остров. Но только не весной. В разливе вода скрывала островные деревья, дальний берег едва был виден. Сейчас, вспоминая Гоголя — «редкая птица долетит до середины Днепра...», — я думаю, этот образ реки возник у него из памяти детства.

Память о детстве всегда приятна, но хотелось бы избежать ошибки, в которую нередко впадают авторы воспоминаний: прошедшее им рисуется в розовом свете хотя бы потому, что сами они тогда были молоды.

МИНАНИЯ

2

Наша семья жила в рабочей слободке, которая называлась «Нижняя колония», в Аксеновском переулке. Здесь я и родился 19 декабря 1906 года. Все в той же комнате явились на свет мои брат Яков и сестра Вера.

Забота о духовных потребностях жителей исчерпывалась тем, что в поселке Каменском были две православные церкви, католический костел, лютеранская кирха и еврейская синагога. Прочие «очаги культуры» начинались прямо у заводской проходной: трактир Стригулина, трактир Смирнова и еще бесчисленное количество трактиров, казенных винных лавок.

А к юго-западу от поселка, в «Верхней колонии», был совсем иной мир: стояли двухэтажные, просторные, благоустроенные дома администрации завода. Даже дым, извергавшийся из многочисленных труб — высоких и низких, круглых и восьмигранных, — отворачивал от них в сторону, тянулся почти всегда к рабочей слободе. Потом-то я понял, что тут учтена была роза ветров Приднепровья. По этой причине дымным было небо моего детства, слой копоти покрывал наши дома.

Рабочим на территорию «Верхней колонии» вход был строго-настрого запрещен. Там светила по вечерам электрический свет, туда подкатывали пролетки на дутых шинах, из них выходили важные дамы и господа. Это была как бы другая порода людей — сытая, холеная, высокомерная. Инженер, в форменной фуражке, в пальто с бархатным воротником, никогда бы не подал руки рабочему, а тот, подходя к инженеру или мастеру, обязан был снимать шапку. Мы, дети рабочих, лишь издали, из-за решетки городского сада, могли смотреть на фланирующую под духовой оркестр «чистую публику».

Чтобы хорошо понимать и ценить нынешнее, человек должен в истинном свете видеть минувшее.

«Такие каторжные условия, как на Каменском заводе, вряд ли где встретишь», — свидетельствует одна из большевистских листовок, распространенных в нашем поселке. — «Где это видано, чтобы работа продолжалась целый год без всяких праздничных дней и чтобы приходилось работать по двенадцать часов подряд, а иногда и по восемнадцать, не имея перерыва на завтрак и на обед? Где это слышано, чтобы с рабочих вычитали на ремонт зданий, на поправку машин и инструментов? Нашим кровопийцам, видно, мало тех барышей, которые они получают от нашего труда, и они, придираясь к каждому случаю, штрафуют нас... Вечно работая, вечно в грязи живем мы затем, чтобы кошелек хозяев был полон, а наши желудки пусты».

Революционная история рабочих юга России известна. Напомню, что первые социал-демократические кружки появились здесь еще в 1885 году. Был такой кружок и в Каменском, куда впоследствии регулярно доставлялась ленинская «Искра». В разные годы по заданию В. И. Ленина в этом краю вели активную работу такие его ученики и соратники, как И. Х. Лалаянц, В. П. Ногин, В. А. Шелгунов, М. Г. Цхакая, Р. С. Землячка, В. В. Воровский, П. Н. Лепешинский, Г. К. Орджоникидзе. Но особо хотелось бы сказать о трех большевиках из плеяды первых рабочих, ставших сознательно на путь революционной борьбы.

Екатеринославский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» организовал в 1897 году Иван Васильевич Бабушкин. В. И. Ленин, как известно, называл его гордостью партии, народным героем. «Без таких людей, — писал Ленин, — русский народ остался бы навсегда народом рабов, народом холопов. С такими людьми русский народ завоюет себе полное освобождение от всякой эксплуатации».

В кружке Бабушкина приобрелся к революционному движению Григорий Иванович Пет-

ровский. Имя этого рабочего-революционера, впоследствии видного деятеля нашей партии, присвоено заводу, на котором он работал токарем. В память о его заслугах и город Екатеринослав был переименован в Днепропетровск.

Никифор Ефремович Вилонов — третий из тех, о ком хотелось вспомнить; он менее других известен. Между тем это тоже был герой и мученик освободительной борьбы. Летом 1903 года, когда стачечная волна охватила весь юг России, он стал в Екатеринославе членом искровского комитета РСДРП. Принял партийную кличку Михаил Заводской, да и был человек заводской, квалифицированный слесарь, истинный рабочий по духу.

Когда в эти места пришла весть о расколе, происшедшем на II съезде РСДРП, Вилонов сразу причислил себя к большевикам. Он написал большое письмо В. И. Ленину, но ответа не получил, потому что вскоре был арестован и сослан в Сибирь. А Владимир Ильич ему ответил, и эти письма встретились десятилетия спустя в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. На ленинском ответе сохранилась приписка, сделанная рукою Н. К. Крупской: «Мише Заводскому послано 22/XII».

Больше того, основатель нашей партии полностью поместил мнение «одного заводского рабочего из города -ва» в своей брошюре «Письмо к товарищу о наших организационных задачах». А встретились они с Вилоновым лишь через шесть лет, в Париже, и когда Крупская заметила, что из Екатеринослава им писал когда-то интересные письма Миша Заводской, Вилонов улыбнулся: «Так это я и есть». Тут только выяснилось.

Вилонов прошел обычный путь революционера — аресты, одиночки, тюрьмы, побеги, новые аресты, ссылки. Жандармы бросали его

в сырые карцеры, отбили ему легкие, довели до ранней чахотки. И все равно он вырос в одного из видных организаторов и пропагандистов партии, а в революцию 1905 года был в Самаре председателем Совета рабочих депутатов. Ему исполнилось в ту пору всего двадцать два года.

Уже смертельно больной попал он в эмиграцию, жил на Капри, оказался в самом центре фракционной борьбы. Время было тяжелое. Наступили годы реакции, начался идейный разброд, появились «отзовисты», «богостроители», «эмпириомонисты» и проч. Рабочему-революционеру непросто было разобраться во всем этом, но он безошибочно сделал свой выбор — пошел за Лениным. Известно письмо Владимира Ильича А. М. Горькому, где, рассказав о долгой беседе с Михаилом Заводским, он выражает глубокую веру, что рабочий класс выкует свою партию — «выкует скорее, чем кажется иногда с точки зрения треклятого эмигрантского положения, выкует вернее, чем представляется, если судить по некоторым внешним проявлениям и отдельным эпизодам. Такие люди, как Михаил, тому порукой».

Да, такие люди, как Бабушкин, Петровский, Вилонов и тысячи других, были тому порукой. И я пишу об этих беззаветных борцах, чтобы стало еще яснее, почему рабочий класс России шел всегда за В. И. Лениным, за большевиками, за великой партией коммунистов. В революции 1905 года рабочие-днепровцы принимали уже самое активное участие. Вслед за Советами рабочих депутатов в Иваново-Вознесенске, Петербурге, Москве, Киеве, Екатеринославе, Луганске и других крупных городах создан был Совет и в поселке Каменском. Тон в нем с самого начала задавали большевики и председателем был избран большевик И. М. Беседов, заводской электрик. Впоследствии

Семья Брежневых. Днепродзержинск. 1930 год.

мне приходилось с ним встречаться: после гражданской войны он был у нас председателем городского Совета, а затем директором завода.

Борьба продолжалась и после поражения первой русской революции. Несмотря на массовые аресты, несмотря на идейные шатания, меньшевики и эсеры сильных позиций здесь никогда не имели. Борьба ширилась, работали подпольные кружки, были стачки, проводились маевки. Например, 4 июля 1912 года «Правда» писала: «Вчера на Каменском заводе полиция арестовала 22 человека по обвинению в попытке устроить политический митинг». В одном из следующих номеров газеты сообщалось уже, что «на Каменском заводе арестовано 32 рабочих». Но боевой дух рабочего класса нельзя было сломить.

«Только подняв всеобщее вооруженное восстание от края и до края,—призывала листовка, ходившая на нашем заводе в 1916 году,—только разрушив окончательно дряхлую деспотию Николая II и учредив на ее развалинах демократическую республику, мы сможем предохранить себя от повторения ужасов человеческой бойни... Пусть наша борьба будет единой, всеобщей, ибо в единении—сила!»

Конечно, в те годы я этих листовок не читал, на маевки нас, мальчишек, не брали, да и вообще далеко не все было нам доступно и ясно. Но в этой атмосфере я рос, думы и чаяния рабочих были мне изначально близки, я приобщался к ним, слушая разговоры взрослых, видя их в трудные дни забастовок. Могу сказать, что с детских лет мне открылись лучшие черты рабочего человека.

Он великий труженик, ему присуще неиссякаемое терпение, он знает свое дело и привык делать его хорошо. Даже в царское время, даже в условиях эксплуатации ему претил плохая работа, ибо всегда он ценил мастерство и уважал свой труд. Почти все богатства, накопленные человечеством, созданы его мускулистыми руками, но сам он не привязан к собственности, душа его не убита корыстным расчетом, а живы в ней широта, удаль и вечная тяга к справедливости. Он находчив, смекалист, наделен живым умом и юмором. Он решителен, смел, верен дружбе, готов в любой момент прийти на помощь товарищам. Заводской гудок всех разом звал на смену, он же и сплывал рабочих, возникало высокое чувство единения, общности интересов, той пролетарской солидарности, которая миллионы людей, разных по возрасту, опыту, обычаям, национальности, делала могущественным, монолитным, подлинно революционным классом.

К этому классу я принадлежал по рождению, в этой среде был воспитан, с нею связан, можно сказать, кровными узами. Мой отец до конца дней оставался рабочим. Рабочими были мой дед, братья матери—мои дядя, и сам я, когда пришел срок, поступил на завод, а за мной следом брат, сестра, муж сестры... Семья Брежневых многие десятилетия своей жизни отдала родному заводу, нашу фамилию вы и сегодня найдете в заводских списках.

3

Скажу подробнее о семье, потому что именно тут лежат истоки характера человека, его отношения к жизни. Мои родители испытали на себе всю тяжесть царского гнета, жили большую часть жизни трудно, но дома у нас всегда царило согласие. Возможно, не обходилось и без каких-нибудь трений, но мы, дети, этого не ощущали, даже повышенных голосов нам слышать не пришлось.

Отец был человек сдержанный, строгий, нас он не баловал, но, сколько я помню, и не наказывал никогда. По-видимому, в том не было нужды: росли мы в духе уважения к родителям. Ростом отец был высок, худощав и, как большинство прокатчиков, физически очень силен. Черты лица имел тонкие, у него были хорошие, внимательные глаза. Он всегда следил за собой, дома был чисто выбрит, подтянут, любил аккуратность во всем. И эти его привычки, видимо, передались и нам. Ему в высшей степени было свойственно чувство собственного достоинства, он не лукавил, был прямодушен, тверд и его уважали товарищи. Видеть это нам, его детям, было приятно.

— Если уж ты обещал, то держи слово,—говорил мне отец.—Сомневаешься—говори

правду, боишься—не делай, а сделал—не трусь. Если уверен в правоте—стой на своем до конца.

Так он и сам поступал, слова у него не расходились с делом.

Народ в поселке Каменском собрался разный. В администрации завода состояли французы, бельгийцы, поляки. Среди рабочих тоже было немало поляков, но больше местных—украинцев и очень много елецких, курских, орловских, калужских мужиков. Отец мой разницы между тружениками не делал, как мы сказали бы теперь, разделял людей не по национальному, а по классовому признаку. И для меня тогда, вспоминаю, сын урядника или купца-богатея, хотя они и русские, был чужим, а дети рабочих, тех же поляков, были свои.

После революции, когда завод перешел на восьмичасовой рабочий день и надо было укомплектовать третью смену, отца назначили фабрикатом. Долгие годы он проработал вальцовщиком, считался мастером своего дела, однако новые обязанности требовали не только опыта, но и солидных знаний. Фабrikатор дает заявки в мартеновский цех, определяет, из каких болванок можно получить заказанные профили, какие выбрать марки стали, как вести термическую обработку, чтобы уменьшить потери тепла, и т. д. По существу, тут требовался уже инженерный расчет, а отец дошел до всего многолетней практикой и природным умом.

В советское время мы переехали на улицу Пелина, в новый заводской дом, где получили двухкомнатную квартиру на первом этаже. Одну из комнат отец уступил семье дяди. Жили мы дружно, весело, часто принимали гостей, пели песни, вели беседы до полуночи, и мать, бывало, никого не отпустит, пока не накормит. Дом стоял у станции Тритузной, тогда это считалось окраиной города, позади был зеленый дворик, цвели акации, утро начиналось с пения птиц.

Отец вышел в ударники, стал в 30-е годы стахановцем, был окружен уважением, детей поставил на ноги, мы все уже работали, помогали семье, тут бы ему только и пожить. Но он вдруг заболел и умер, когда ему не исполнилось шестидесяти лет.

Отец до последних дней жил заводскими заботами. Он всегда проявлял живой интерес ко всему, что происходило в стране, в мире. В моей памяти сохранился один разговор, который я часто вспоминаю потом и хотел бы здесь его воспроизвести. В тот день я пришел со смены и начал, как повелось, рассказывать отцу о заводских делах. Но отец думал о чем-то своем. Он перебил меня:

— Скажи, Леня, какая самая высокая гора в мире?

— Эверест.

— А какая у нее высота?

Я опешил: что это он меня экзаменует?

— Точно не помню,—говорю ему.—Что-то около девяти тысяч метров... Зачем тебе?

— А Эйфелева башня?

— По-моему, триста метров.

Отец долго молчал, что-то прикидывая про себя, потом сказал:

— Знаешь, Леня, если б поручили, мы бы сделали повыше. Дали бы прокат. Метров на шестьсот подняли бы башню.

— Зачем, отец?

— А там бы наверху—перекладину. И повесить Гитлера. Чтобы, понимаешь, издали все видели, что будет с теми, кто затевает войну. Ну, может, не один такой на свете Гитлер, может, еще есть кто-нибудь. Так хватило бы места и для других. А? Как ты думаешь?

Весь век—рабочий, и такие мысли в голове. И когда? Еще задолго до войны, до нашей Победы, до Нюрнбергского процесса, пригвоздившего гитлеровских главарей к позорному столбу. Человек не изучал марксистской теории, но, как говорится, нутром чувствовал великую правоту нашего дела, видел опасность фашизма и очень верно выразил отношение рабочего класса, всех трудящихся к угрозе войны.

Мать моя, Наталия Денисовна, намного пережила отца. И если от него я воспринял, как говорили у нас, упорство, терпение, привычку, взявшись за дело, непременно доводить его до конца, то от нее мне достались в наследство общительность, интерес к людям, умение

встречать трудности улыбкой, шуткой. Всю жизнь она работала, растила нас, кормила, обстирывала, выхаживала в дни болезней, и, помня об этом, я навсегда привык уважать тяжелый, невидный, конца не знающий и благородный женский, материнский труд.

Работая впоследствии в Запорожье, Днепропетровске, Молдавии, Казахстане, я пользовался каждым случаем, чтобы повидаться с матерью, всегда относился к ней с глубоким сыновним почтением. Скажу больше: человек, который не любит мать, давшую ему жизнь, выкормившую и воспитавшую его,—такой человек мне лично подозрителен. Не зря говорится в народе—Родина-мать: кто мать способен бросить и забыть, тот и Родине будет плохим сыном.

Я уже работал в Москве, а мать все никак не соглашалась переехать ко мне, жила в том же доме на улице Пелина, все в той же тесной квартирке—с сестрой и ее мужем, дельным инженером, выросшим до начальника цеха на нашем заводе. Позже я узнал—не от родных, они мне об этом не писали,—такую историю. Местные власти сочли неудобным, что мать секретаря ЦК КПСС живет в такой квартире, и предложили более просторную, более светлую, со всеми удобствами. К тому времени, надо заметить, в Днепропетровске широко развернулось жилищное строительство. Однако мать, как ни уговаривали ее, отказалась от переезда, продолжала жить в прежнем доме. Ходила в магазин с кошелкой, сердилась, если пытались уступить ей очередь, вела по-прежнему все домашнее хозяйство, очень любила угостить людей. До сих пор вспоминаю ее домашнюю выделку лапшу: никогда такой вкусной не ел. А вечерами в своей старушечьей кофте, в темном платочке она выходила на улицу, садилась на скамейку у ворот и все говорила о чем-то с соседками.

Находились, как водится, люди, которые знакомство с матерью Брежнева хотели использовать в своих целях, совали ей для передачи «по инстанциям» всякого рода жалобы и заявления. И, должен сказать, я поражаюсь ее уму и такту, высочайшей скромности, с какой держалась она. Мне опять-таки ни разу мать ничего не говорила, а узнавал я стороной, от других. Она считала, что не вправе вмешиваться в мои дела. Знала, как я уважаю ее и люблю, но если помогу кому-то по ее просьбе, скажем, с жильем, то это ведь за счет других, кто не догадался или не смог обратиться к ней. А те, может быть, больше нуждаются в поддержке. Так примерно думала мать, а говорила просто:

— Вот мои две руки.—И поднимала жилистые, изработавшиеся, старые руки.—Чем могу, я всем тебе помогу. Но сыну наказывать, чего ему делать, я не могу. Так что извини, если можешь.

В 1966 году мать переехала ко мне в Москву. Она дождалась правнуков, жила спокойно, в ладу со своей совестью, была окружена любовью всех, кто ее знал, гордилась доверием, которое народ и партия оказали ее первенцу, и для меня великим счастьем было после всех трудов сидеть рядом с мамой, слушать ее родной голос, смотреть в ее добрые, лучистые глаза.

4

Я еще не сказал: не только отец мой знал грамоту, но и мать умела писать и любила читать, что в пору ее молодости в рабочей слободке было редкостью. Лишь повзрослев, я понял, чего стоила родителям их решимость дать нам, детям, настоящее образование. А они хотели этого и добились: девяти лет от роду я был принят в подготовительный класс каменской мужской классической гимназии. Вспоминаю, мать все не верила, что приняли, да и вся улица удивлялась.

Детей рабочих прежде в гимназию вообще не допускали, да и тут не распахнули двери, а только чуть приоткрыли. По-видимому, с одной стороны, это вызывалось потребностями растущего производства, а с другой—сказывалось влияние революционных событий в России. Тем не менее для нас был устроен особый конкурс, брали самых способных, примерно одного из пятнадцати, и всего-то сыновей рабочих приняли в тот год семерых. Все прочие гимназисты приезжали из «Верхней

Л. И. Брежнев
среди
работников
завода
имени
Ф. Э. Дзержинского.
Днепродзержинск.
1949 год.

колонии», принадлежали к среде чиновников, богатого купечества, заводского начальства.

Нас именовали «казенными стипендиатами». Это не значит, что мы получали стипендию, а значит лишь то, что при условии отличных успехов нас освобождали от платы за обучение. Плата же была непомерно велика — 64 рубля золотом. Столько не зарабатывал даже самый квалифицированный рабочий, и, конечно, отец таких денег при всем желании платить бы не мог.

Учился я, как, впрочем, и все мои друзья, хорошо. Во-первых, нравилось узнавать новое, во-вторых, отец строго следил за моими занятиями, а в-третьих, учиться плохо было попросту невозможно — для нас это было бы равносильно исключению из гимназии.

Отношение к нам, сыновьям рабочих, было иное, чем к гимназистам из «Верхней колонии». И нас зло брало и азартное желание доказать, что неправда это, будто мы неспособны к наукам, что не глупее мы сынков из богатых семей, которым многое прощалось.

Любимым нашим учителем был историк Ковалевич. Он прекрасно вел свой предмет, рассказывал не только о царях, но и о Разине, о Пугачеве, от него я узнал впервые о восстании декабристов, услышал имена Чернышевского, Герцена. Он учил нас думать, понимать закономерности развития общества и, как я понял впоследствии, далеко выходил за рамки официальной программы. Конечно, мы не догадывались, что лучший из наших учителей — большевик, подпольщик, и узнали об этом позднее, когда денкиныцы расстреляли его. Сейчас в городе Днепродзержинске есть улица Ковалевича. Возможно, не все молодые знают, в чью честь названа она, и я рад, что могу об этом сказать.

Февраль семнадцатого года докатился до Каменского раскатами отдаленного грома. Самодержавие рухнуло. Однако война продолжалась, очереди за хлебом не уменьшились, на земле по-прежнему сидели помещики, заводами по-прежнему владели фабриканты. И у нас «Верхняя колония» все так же свысока, хоть уже не без страха, взирала на «Нижнюю». Хозяева остались хозяевами, рабочие — рабочими.

Совсем по-иному запомнились, я бы сказал, навеки врезались в мою память великие дни Октября.

Заводской гудок заревел вдруг в неурочный час. Время как бы раскололось, переломилось надвое, начало свой новый отсчет. Это было совсем необычно для нас, и мы вслед за отцами кинулись к заводу. Едва ли не весь город бежал туда, люди высыпали из цехов, грозно гудели людские голоса, безграничное людское море бушевало на площади. Видны были солдатские папахи раненых, вернувшихся с фронта, кое-где мелькали женские платки, но больше всего было рабочих-металлургов. И мне запомнилось ощущение всеобщего подъема, настоящего торжества.

Начался митинг, на котором выступил М. И. Арсеничев, первый руководитель каменских большевиков. Он работал у нас в котельном цехе, рано втянулся в революционную борьбу, печатал и распространял листовки, потом, когда за ним установили слежку, уехал в Петроград, прошел славный путь подполья, не избегал и сибирской ссылки, был среди тех, кто встречал В. И. Ленина на Финляндском вокзале, слышал его знаменитую речь, кончавшуюся призывом: «Да здравствует социалистическая революция!» Впоследствии Арсеничев был в годы гражданской войны расстрелян белыми, и учиться мне довелось в Metallургическом институте имени Михаила Арсеничева.

Тогда на митинге он говорил о великой победе пролетариата, рассказывал о II Всероссийском съезде Советов, объявил о том, что образовано первое в мире рабоче-крестьянское правительство, а во главе его стоит Владимир Ильич Ульянов-Ленин. Народ пришел в движение, раздались крики: «Ура!» И еще я помню, с каким замиранием сердца, задрожав голову, смотрел на красное полотнище, реявшее на фоне осеннего серого неба.

Каждое поколение, хочется добавить, получает в наследство от предшествующих поколений то, что было ими завоевано, добыто, построено, сделано, и идет дальше, продолжает свой путь — уже на новой высоте, на новой ступени исторического развития. Молодым кажется порой, что все главное осталось

позади. Позади революция, позади бои гражданской войны, годы социалистического переустройства гигантской страны, позади героика Великой Отечественной войны... Так думают юноши и девушки, но наступает их время, эстафета от дедов и отцов переходит к ним в руки, и тогда выясняется, что и на их долю выпадают немалые испытания и величественные дела.

Меня сегодня согревает мысль, что у поколений революционных борцов, строителей первых пятилеток, воинов Отечественной войны выросла достойная смена. Задачи немалых прежде масштабов мы можем поручать комсомолу, всем молодым людям Советской страны и видим, что им присуще благородное чувство личной ответственности за все, происходящее на нашей земле, что во всякое начинание они вносят свой романтический порыв и, я бы сказал, молодую окрыленность. Молодежь растет коммунистически убежденной, глубоко преданной делу партии, делу великого Ленина, верной идеалам Октября.

Вот об этом и думаю я, вспоминая красное знамя революции, реявшее на фоне хмурого осеннего неба. Никогда не уйдет из моей памяти приход Октября в наш рабочий поселок. Знамя поднято было высоко-высоко, на трубу доменной печи номер один.

* * *

Велика была сложность социального бытия в годы моей юности, на сломе эпох. Днепровцам пришлось тогда нелегко: власть Центральной Рады сменили немецкие войска, за ними появился Петлюра, в январе 1919 года его выбила из Каменского конница Красной Армии, но спустя полгода пришли белые, а там махновцы, григорьевцы. Всякая шушера вылезала на поверхность, витийствовали на собраниях украинские «самостийники», меньшевики, кадеты, эсеры, анархисты. Политическое воспитание мы в те годы проходили весьма наглядное, мужали, как говорится, не по дням, а по часам.

И вот что хотелось бы еще раз подчеркнуть: город наш был рабочий, население в боль-

шинстве своем было рабочим и потому пролетарскую революцию у нас всегда считали своей, партию большевиков — своей, власть Советов — своей! То есть проблемы выбора, самого вопроса, с кем идти, чью сторону держать, у рабочих-днепровцев не было. Мой отец, например, в партии, а точнее, ни в каких партиях не состоял, но с первых лет революции активно поддерживал большевиков, и позже, когда я вступил в комсомол, а затем стал членом Коммунистической партии, отец и мать встретили это как большие и радостные события.

В первые трудные послереволюционные годы, едва только отгремели выстрелы гражданской войны, в литейном цехе нашего завода был отлит из чугуна памятник, можно сказать, уникальный. Он и сегодня стоит на одной из красивейших площадей Днепропетровска. На высокой колонне поднялся легендарный титан Прометей, оковы его сорваны, в руке у

него огненный факел, у ног — поверженный орел, веками терзавший его. Символика эта очевидна и в годы моей юности была понятна всем. Мы ведь помнили, как повержен был двуглавый царский орел, а животворящее пламя всегда было в руках металлургов. Они создали гимн из металла тому, кто похитил у богов и навек подарил людям огонь. Это памятник Прометею и одновременно — монумент рабочему классу.

Настал знаменательный день моей жизни. В свои пятнадцать лет я стал рабочим. Гимназия, преобразованная в Первую трудовую школу города Каменского, выдала мне свидетельство об окончании школы. Надо было работать, помогать семье, меня взяли на завод кочегаром, потом перевели в слесари, и я довольно быстро освоил эти профессии. Завод давно был мне знаком, цеховой шум, грохот, запах нагретого металла — все здесь мне было по нраву.

Итак, пришел заветный день, когда заводской гудок прогудел и для меня, вместе с отцом я вышел на смену и трудился, как все. Ныли до ломоты мускулы, пот слепил глаза, но был я по-настоящему счастлив. И потом была радость: вернулся домой, скинул дочернюю прокопченную фуфайку, и мать, как, бывало, отцу, сливала студеной воды на мои руки и я отмывал лицо. Помню, поднял голову и увидел слезы в ее добрых глазах.

— Чего ты, мама?

— От радости, Леня, от радости. Вот и ты уже стал кормильцем.

Мне приходилось однажды об этом говорить, но здесь повторю: я всегда помню своих наставников и старших товарищей, с которыми работал на Днепровском заводе. Они дали мне первую профессию, учили меня сложной науке жизни, показали великую силу и духовную красоту человека труда.

Такие университеты не забываются.

ЧУВСТВО РОДИНЫ

I

Чувство родины у всех у нас развито очень сильно. Прекрасное чувство! И оно питается, конечно, не только созерцанием красоты нашей земли. Надо, как говорится, вращаться в ней корнями, и когда человек до пота потрудится на ней, хлеб вырастит, заложит город, построит новую дорогу или окопы будет рыть на этой земле, защищая ее, — вот тогда он поймет до конца, что такое Родина.

Говорю об этом к тому, что в начале 20-х годов началась для меня пора узнавания родной страны. На поездах, на речных пароходах, иногда верхом на лошади, а больше пешком порядком пришлось «отмерить» многие тысячи километров. Началось все с поездки в края, откуда был родом отец. На курской земле я узнал, что такое крестьянская жизнь, приобщился к труду хлебороба.

Расскажу, чем вызван был такой крутой поворот в моей жизни. Разруха после гражданской войны совпала со страшной засухой в Поволжье. Тогда же, в 1921—1922 годах, засуха и голод обрушились также на Украину. По всей Екатеринославщине горели посевы, в день на рабочего давали полфунта хлеба, да и то не всегда. Но пока пылал огонь в печах, пока дышали трубы, пока работал завод, работали и мы. А потом настал черный день, когда пришлось остановить Днепровский металлургический завод.

В цехах воцарилась тишина, повсюду было запустение, подъездные пути с поразительной быстротой стали зарастать бурьяном, которому и сушь была не страшна. Люди разъезжались по окрестным селам, меняли что могли на продукты питания. Некоторые прихватывали с завода полосовое железо — богатые селяне брали его на обручи. Наша семья такой предприимчивостью не отличалась, да и для обмена, как выяснилось, мы ничего не накопили. Отец и я перестали быть кормильцами, а стали едоками.

Жизнь в Каменском утратила всякий смысл. Открыли биржу для безработных, но работы от этого не прибавилось. Пошли болезни, начался голод, каждый день в соседних домах кто-нибудь умирал. Город обезлюдел, пришлось и нам сниматься с места. Помню, уходя, я оглянулся в последний раз — проститься с заводом, и увидел на трубах, на эстакадах, на крышах цехов черные вороньи гнезда. Впечатление осталось тяжелое: вверх кружило воронье, внизу стоял омертвевший завод.

Таким образом, возвращение к земле оказалось вынужденным. Но по молодости меня и радовало неожиданное путешествие, оно было первым в моей жизни, к тому же давно хотелось побывать на родине отца, испытать себя в сельском труде. Я уже хорошо понимал, как важен этот труд для народа, жизненно необходим для страны, познавшей истинную цену хлеба. И когда пустили снова Днепровский завод, когда отец с матерью и младшими детьми

вернулись домой, то, как ни тянуло меня в родной цех, я считал себя обязанным остаться и долго еще работал в сельском хозяйстве — на курской земле, в Белоруссии, на Урале.

Вот с той поры и открылись во мне две привязанности, о чем хочу теперь рассказать. Уважение к сельскому труду передалось мне с детства — от родителей, от всей обстановки Каменского и окрестностей. Поселок наш был особенный. Наполовину Каменское оставалось селом, хоть и жил в нем настоящий, заводской закалки пролетариат. В самой душе пролетариев жил дух недавних крестьян. Отец частенько рассказывал, как сам он «мыкал крестьянство». Лиха в той жизни было немало, но я видел, с какой тайной печалью и нежностью отец говорил о сельском приволье, о пахоте, сенокосе, о молотье, о хлебе, добытом своими руками. И, конечно, совсем не случайно отношение к хлебу было в нашей семье предельно уважительное. Веселое присловье матери, которое каждый день звучало у нас за столом, запомнилось на всю жизнь: «Ну, ребятки, поели, а теперь каждую крошку — в ладошку!» Не от скудости и не от скупости родились в народе эти слова. Они воспитывали в детях бережное, я бы сказал, священное отношение к хлебу.

Без такого отношения к хлебу насущному не может, я считаю, вырасти достойный, нравственный в полном смысле этого слова человек. Сейчас в столовых, в кафе и булочных стали вывешивать красиво оформленные призывы беречь хлеб. Это, конечно, полезно. Однако грустно, что понадобились такие призывы. Бережливость должна прививаться с раннего возраста, и в первую очередь в семьях родителями.

Здесь уместно будет напомнить, что в 1918 году управделами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич спросил: «Владимир Ильич, можно ли одним словом выразить, за что мы сейчас боремся?» Не задумавшись ни на минуту, В. И. Ленин ответил: «Хлеб». Он писал в те годы, что борьба за хлеб есть борьба за социализм.

Мысленно возвращаясь к годам своей молодости, я вижу сейчас: работа на селе была очень нужной и важной для государства. И я тут многому научился и многое понял. Впоследствии я вернулся в Днепропетровск, пришел на завод, стал инженером-металлургом, но само время не дало полностью отгородиться от сельских дел. Они пересеклись с опытом заводской жизни, соединились, дополнили друг друга. Всю дальнейшую жизнь мне едва ли не в равной степени довелось заниматься и тем и другим. Две привязанности слились в одну. И я благодарен судьбе за то, что она дала мне уроки жизни и на крестьянском поле и под крышей завода.

Однако я забежал вперед, а тогда, узнав жизнь деревни в один из самых тяжелых периодов, поработав и на пахоте, и на севе, и на косовице хлебов, по-настоящему привязав-

шись к земле, в 1923 году я поступил в курский землеустроительный техникум. Сдавал конкурсные экзамены и прошел неплохо — дали мне повышенную государственную стипендию.

Техникум был старинный, с хорошей учебной базой, давними прогрессивными традициями. (В нем, между прочим, учился и В. Д. Бонч-Бруевич). За четырехлетний период обучения мы получали основательные знания по математике, физике, химии. На институтском уровне изучались специальные предметы — геодезия, общая геология, почвоведение, география, сельскохозяйственная статистика. Мы читали ленинские труды — не в привычных теперь томах собрания сочинений, а в тонких брошюрах, еще пахнувших типографской краской. Мы изучали советское строительство, государственное право СССР, и на первой же практике в Щигровском уезде я убедился, что землеустроителю эти знания не только теоретически, но и практически очень нужны.

Семнадцати лет меня приняли в комсомол, и после этого я считал себя обязанным участвовать во всех общественных начинаниях. А было их, надо сказать, немало. Мы выходили на красные субботники, проводили массовые кампании «Долой неграмотность!» и «Помощь беспризорным», открывали в деревнях избы-читальни, выпускали стенгазеты, ставили спектакли, проводили сельские сходы, разъясняли батракам их права, и на все нас хватало, до всего нам было дело.

2

Пришлось тогда усвоить одну истину: время имеет не только протяженность, но и объем. Можно бесцельно транжирить, убивать свои дни и часы, а можно их сжать, уплотнить, загрузить до предела. И тогда окажется, что очень многое успеешь сделать.

Жилось нам в общежитии на Херсонской улице иногда голодно, холодно, одежды мы были кто во что горазд: носили сатиновые комсомолки, рабочие промасленные кепки, кубанки, буденовки. Галстуки в те времена мы, разумеется, отвергали. Но комсомолы 20-х годов жила ярко и интересно. Нужды страны были нашими нуждами; мы мечтали о светлом будущем для всего человечества, шумели, спорили, влюблялись, читали и сами сочиняли стихи.

Знатоками поэзии мы себя не считали, превыше всего ставили актуальность, политическую направленность стихов. И поэты были у нас свои, комсомольские.

Однажды я ехал по железной дороге, в том же вагоне сидела девушка моего возраста, тоже студентка. Разговорились. Девушка показала тетрадь со стихами, какие обычно собирают в альбом. И вот что характерно: в этой тетради оказалось стихотворение, которое прежде я никогда не встречал, — «На смерть Воровского». Мы тогда тяжело переживали

убийство нашего посла, стихи взволновали меня, тут же я выучил их наизусть. С первой строчки — «Это было в Лозанне...» — и до последней строфы:

А утром в отеле с названием «Астория»
Посол наш убит был убийцы рукой.
И в книге великой российской истории
Жертвой прибавилось больше одной.

Помню, приехал в Курск Маяковский. Разумеется, мы, комсомольцы, прорвались в железнодорожный клуб, где был его вечер. Чисто одетая публика встретила поэта в штаны. «Вот вы считаете себя коллективистом, — кричали из зала, — а почему всюду пишете: «я, я, я!» Ответ был немедленным: «Как, по-вашему, царь был коллективист? А он ведь всегда писал: «мы, Николай Второй». Шум, хохот, аплодисменты. Или еще такой эпизод. Из последнего ряда поднялись двое молодых людей, для которых, видимо, интереснее было побывать наедине, а не слушать Маяковского. И вот, когда они медленно пробирались вдоль ряда, раздался мощный голос поэта. Вытащив руку в направлении к ним, Маяковский сказал: «Товарищи! Обратите внимание на пару, из ряда вон выходящую». И опять бурный взрыв смеха, аплодисменты.

Маяковский читал отрывки из поэмы «Владимир Ильич Ленин». Слушали не дыша. Смерть Ильича мы пережили совсем недавно, всенародная боль оставалась для каждого из нас глубоко личной болью.

Коротка и до последних мгновений
нам известна жизнь Ульянова.
Но долгую жизнь товарища Ленина
надо писать и описывать заново.

Эти слова звучали с необычайной силой. Маяковский говорил спокойно, как бы вслух размышляя, но бас его доходил до последнего ряда. И действительно, он «сиять заставил заново» самые высокие для нас понятия.

Партия и Ленин — близнецы-братья —
кто более матери-истории ценен?
Мы говорим Ленин, подразумеваем — партия,
мы говорим партия, подразумеваем — Ленин.

Чеканные строки входили в душу и сердце, запоминались сами собой.

Еще Маяковский читал на вечере «Рабочим Курска, добывшим первую руду...». Меня это стихотворение заставило вспомнить завод — доменные печи, мартены. Снова потянуло домой. Но как раз тогда, в 1927 году, я окончил учебу, стал землеустроителем и приступил к работе — в одном из уездов Курской области. Следующий полевой сезон провел в Белоруссии, под Оршей, потом получил новое назначение и выехал — уже не один, с женой — на Урал, вначале в Михайловский, а затем в Бисертский район. С моей будущей женой мы познакомились на одном из комсомольских вечеров. Она выросла в такой же рабочей семье, как и моя, приехала в Курск из Белгорода тоже учиться. С той поры Виктория Петровна всегда была для меня и остается не только женой и матерью моих детей, но и настоящим дорогим и отзывчивым другом.

Там пришлось задержаться надолго. Многие версты протопал я по уральской земле, много работал и навсегда полюбил этот край, его людей и величественную природу.

То было сложное время, когда рушились старые, устоявшиеся формы бытия, а ростки нового только еще пробивались и надо было настойчиво их искать, поддерживать и выращивать. XV съезд ВКП(б), который состоялся в декабре 1927 года, утвердил программу дальнейшего строительства социализма в стране. Осуществляя ленинский кооперативный план, съезд взял курс на коллективизацию сельского хозяйства. И советский народ под руководством Коммунистической партии совершал глубочайшие социальные преобразования в деревне, направляя ее на социалистические рельсы. Именно в те четыре года — с 1927 по 1931 — как раз и пришлось мне рабо-

тать в деревне, создавать колхозы, быть в гуще событий величайшей социальной революции на селе.

Раньше людей моей специальности чаще называли землемерами. Теперь название изменилось, мы стали землеустроителями в подлинном смысле этого слова. Создавая сельскохозяйственные артели, люди объединяли в них землю, скот, хозяйственные постройки, инвентарь. И нам, землеустроителям, нужно было не просто стереть межи, объединив на картах разрозненные единоличные полоски земли в одно коллективное поле. Необходимо было сделать это на новой социальной, научной, экономической и технической основе, исходя из интересов крупных социалистических хозяйств, рассчитанных на современную агротехнику и широкую механизацию всех работ в будущем.

Мы создавали новые карты — первые карты организованного, научного землепользования в колхозах. Наши карты долго служили колхозам, ими пользовались агрономы и после войны. А мне опыт землеустройства, приобретенный в период создания первых коллективных хозяйств, хорошо помог в будущем при организации сотен новых совхозов в Северном Казахстане, на целине.

В годы работы землеустроителем я впервые ощутил себя полномочным представителем Советской власти в глазах сотен людей. По тому, как ставились нивелир и мерная рейка, куда прокладывалась трасса, по тому, как проявлял себя человек в столкновениях с кулаками, крестьяне судили о политике партии: здесь, на поле, всем становилось ясно, за кого и против кого Советская власть.

Хорошо запомнился первый трактор, подаренный крестьянам бисертскими железнодорожниками. Это был маленький, слабосильный «Фордзон», но восторг он вызвал не меньший, а может, и больший, чем первый спутник. Не просто машина вышла на поля, это было орудие социального переустройства деревни, это был пропагандист и агитатор колхозного строя. Местные кулаки и подкулачники пустили слух, что-де земля не родит под «железным конем», но хлеба поднялись всем на диво, и тогда ночью они подожгли амбар. Только благодаря героизму бисертских колхозников удалось отстоять зерно.

И все это было не в кино, не в книгах, а в собственной жизни. Вместе с другими комсомольцами я сталкивался с кулаками на полях, спорил с ними на сельских съездах. Нам угрожали кольями, вилами, злыми записками, камнями, брошенными в окно. Однажды прочитали в газетах, что в соседней Тюменской области кулаки совершили гнусное преступление — одно из первых прогрессивных тогда, в период массовой коллективизации, на всю страну. Ночью они подкараулили тракториста Петра Дьякова, спавшего в кабине, облили керосином и подожгли. Мы тяжело переживали страшную смерть неизвестного нам, но сразу ставшего родным соратника и товарища. И еще решительнее, смелее повели наступление на ненавистных кулаков.

А вскоре появилась песня о том трактористе. Мы полюбили ее и пели без конца, притом часто стоя — в память о герое коллективизации.

По дорожке неровной, по тракту ли —
Все равно нам с тобой по пути.
Прокати нас, Петруша, на тракторе,
До околицы нас прокати!

Заканчивали в общем-то мягкую, лирическую, душевную песню мы уже грозно, обращая ее слова и к себе:

Огрызаются, лютые, даются,
Им нерадостен наш урожай...
Кулачье до тебя добирается:
Комсомолец, родной, не плошай!

Лишь через годы, лет через тридцать, я узнал, что Петр Дьяков чудом остался жив, да еще отвоювал всю войну. Словом, подлинно человек из песни.

А тогда был 1929 год, вошедший в историю как год великого перелома на всем гигантском фронте социалистического строительства, когда наряду с развитием крупной промышленности — ведущей отрасли народной экономики — началось создание в стране крупного, механизированного сельского хозяйства.

Недавно товарищи из Свердловского обкома КПСС прислали мне некоторые документы тех лет.

Вот выписка из протокола пленума Бисертского райкома ВКП(б) от 5 декабря 1929 года:

«Тов. Брежнев: Тот план, который у нас намечен по проведению весенней посевной кампании, связан с величайшими трудностями. Того с/х инвентаря, который нам необходим, мы не имеем, следовательно, вопрос заброски с/х машин стоит в острой плоскости. В связи с переводом некоторых с/советов на многопольный севооборот у нас уменьшится посевная площадь озимых и яровых культур. Прошедшее землеустройство лучшие земли передало бедняцкой и середняцкой части населения, в связи с этим мы должны приложить все усилия, чтобы эти земли были засеяны. Безусловно, здесь вредительство кулаков будет. Следовательно, должны быть полностью использованы все возможности, которые предоставлены бедняцкой и середняцкой части крестьянства. Особое внимание должно быть обращено на распределение кредитов бедняцким группам, которые организованы. Я считаю большим недостатком в работе по коллективизации отсутствие планов этой работы, и планово ее сельские Советы не вели. Выезжающие шефы вопросов коллективизации в деревнях не заостряли...»

В этом документе — подлинная картина времени, времени беспокойного и нелегкого. Дела в деревне требовали полной отдачи сил. Я своих сил не жалел и как доверие людей принял избрание меня депутатом Бисертского районного Совета депутатов трудящихся. Вслед за этим был назначен заведовать райземотделом, потом меня выбрали заместителем председателя райисполкома. А в начале 1931 года последовало новое назначение в Свердловск — заместителем начальника Уральского окружного земельного управления. Мы с женой перебрались в Свердловск, но через некоторое время я решил вернуться на родной завод — работать слесарем и учиться одновременно в институте.

3

Вот как это вышло. Все годы по письмам родных, по выступлениям газет я следил за тем, что происходило на нашем заводе. Рабочие-днепровцы сами потребовали его восстановления, их делегация ездила в Москву, добилась приема и помощи у Ф. Э. Дзержинского, тогдашнего Председателя ВСНХ. В 1925 году в печати появилось его выступление на XIV конференции РКП(б): «Я должен сказать, что из тех колоссов, которые в свое время были в действии на юге, один колосс давал ежегодную продукцию больше 20 миллионов пудов изделий. Этот колосс, так называемый Днепровский завод, со вчерашнего дня, 28 апреля, в 2 часа был открыт и на нем была пущена первая домна».

Разумеется, вести эти волновали, бередили душу, я не мог забыть, что наш завод наращивает мощности, растет, тем более что и на Урале повсюду к запаху полей и лугов примешивался хорошо знакомый запах индустрии. Куда ни поедешь, везде встают перед глазами фабричные трубы и дымки над ними. В самой Бисерти и неподалеку от нее находились старинные демидовские заводы — Нижнесергиевский, Михайловский, Ревдинский. О Свердловске и говорить нечего: как раз в ту пору здесь развернулось невиданное по масштабам строительство «завода заводов» Уралмаша.

Я рассуждал так: в коллективизации уже произошел необратимый сдвиг (к середине 1931 года в колхозы объединилось более половины индивидуальных хозяйств страны), а индустрия силу только еще набирает. Там, на индустриальном фронте, лежит сегодня передний край борьбы за социализм. Без промышленности, без электроэнергии, без широкой сети машинно-тракторных станций не построишь и сельское хозяйство. Стране был нужен металл, две трети чугуна давали заводы Юга, крупнейшим из них считался Днепровский завод, которому присвоили имя Ф. Э. Дзержинского, — значит, мое место там.

Вот так и произошло возвращение в родные места. Конечно, трудно было опять выходить в рабочей спецовке на смену, да еще и учиться по вечерам в институте, но сила была и упорства хватало.

В 1931 году на родном заводе меня приняли в партию. Как сейчас помню, это было

24 октября. Кандидатскую карточку сменил в моем кармане партбилет № 1713187, и я знал, что он не льготы мне даст, а новые, непростые обязанности. Думаю, однако, что каждый из нас, коммунистов, если спросят его, хотел ли бы он избрать другую дорогу, твердо ответит: нет. Потому что наша дорога — это дорога беззаветного служения народу, партии.

Время для меня уплотнилось еще больше. В цехах шла реконструкция, ею руководил главный инженер нашего завода И. П. Бардин, будущий академик, ставились новые агрегаты, внедрялась механизация — словом, работы хватало. В институте тоже кипела интересная жизнь. К знаниям мы все тогда тянулись с жадностью. Я же вдобавок был избран группарторгом факультета, затем председателем профкома и, наконец, секретарем парткома всего института. Это было большое доверие товарищей. Конечно, доверие радовало, да и по натуре я был из тех, кто любит находиться среди людей, полностью отдавать себя делу.

В 30-е годы особенно остро стояла задача обучения, воспитания, идейной закалки кадров, прежде всего научно-технической интеллигенции. И потому очень ответственной я посчитал предложенную мне в 1933 году работу: будучи студентом третьего курса, я был назначен руководителем рабфака, а затем и директором днепродзержинского металлургического техникума. Работал с душой. Хотелось побольше сделать для товарищей. Сохранилась книга приказов тех лет. С улыбкой просматривал я старые, в чем-то, может показаться теперь, наивные приказы, но тогда это была политика. Мы считали своим долгом биться за каждого нашего студента, уговаривали заводских ребят учиться, старались помочь им профсоюзными ссудами, а то и просто подкормить их в нашей столовой. Как-то приехал в город известный ученый-металлург, создатель теории доменного процесса академик М. А. Павлов, я уговорил его выступить перед рабфаковцами. И радовался, наблюдая, как слушали академика мои сверстники. Из этих парней выросли в будущем отличные командиры производства — не «спецы» старого типа, а энтузиасты, новаторы, люди, преданные идеалам коммунизма.

Работа в техникуме, партийные поручения и общественные дела не освобождали, однако, меня самого от учебы. Чертил курсовые проекты, сдавал экзамены, не только не ожидая для себя послаблений, наоборот. Положение обязывало быть для других примером — могли я требовать от других успеваемости и прилежания, если бы сам учился спустя рукава? Приведу еще один документ — выписку из протокола заседания Государственной квалификационной комиссии от 28 января 1935 года:

«Слушали: защиту дипломного проекта студента V курса теплосилового отделения Брежнева Л. И. на тему: «Проект электростатической очистки доменного газа в условиях завода имени Ф. Э. Дзержинского». Оценка работы кафедрой: теоретическая часть — отлично, проект — отлично.

Вдумчивый подход к решению задач газоочистки и расчеты в записке говорят о прекрасной инженерной подготовке автора проекта.

На все вопросы тов. Брежнев дал исчерпывающие ответы.

Постановили: дипломная работа выполнена отлично. Присвоить тов. Брежневу Л. И. звание инженера-теплосиловика».

О своей новой работе начальником смены силового цеха скажу коротко: это был год, наполненный напряженным трудом, поисками оптимальных производственных режимов, спорами, ударными вахтами, встречами планами, ночными вызовами, а подчас и авралами.

В том же году произошел и новый крутой поворот: меня призвали в Красную Армию.

Утром с повесткой я пришел в военкомат и встретил там нашего недавнего студента Аркадия Куценко. Оказалось, обоих, учитывая образование, посылают в Читу, в танковую школу, которая называлась тогда Забайкальской бронетанковой академией. Снова надо было прощаться с заводом, с друзьями, родными и ехать в края далекие.

— Хочешь быть военным? — спросил Куценко.

— Как знать, — сказал я. — Может быть, и это в нашей жизни крепко пригодится...

Сорок дней и сорок ночей продвигался на восток наш воинский эшелон. Ехали через Москву, и я надеялся побывать на Красной площади, увидеть Кремль, постоять у ленинского Мавзолея, но это удалось только на обратном пути.

Было грустно, как всегда бывает, когда позади остается какой-то этап жизни, и одновременно радостно, потому что впереди нас ждала другая, еще незнакомая жизнь и все новая открывалась, по словам поэта, за далью даль...

Наверное, такое уж свойство характера: все места, где приходилось работать, люблю и поныне, считаю родными. Мне нравятся и бело-зеленые острова украинских сел среди пшеничных полей, и неброская, но за сердце берущая красота белорусских пейзажей, и щедрое цветение садов Молдавии, и бескрайние степи Казахстана, особенно весной, когда сплошным ковром покроют их тюльпаны и маки... А за те сорок суток вся страна прошла перед моими глазами, и я не переставал дивиться ее просторам.

Военный лагерь, куда мы прибыли, располагался в районе станции Песчанка, недалеко от Читы. На желтой земле стояли длинные серые приземистые бараки, построенные еще японцами. Посредине был плац, вокруг громоздились дикие скалы. Запомнился сонный верблюд, тащивший бочки с водой. Вода тут была привозная, и в бане (она для солдата — первое дело) давали воду по норме две шайки на человека.

Нас обмундировали, разбили по ротам, я попал в первую роту танкового батальона, и пошла служба.

— Подъем! Пулей вылетай!

Жара ли, мороз, дождь, ветер — мы, голые по пояс, выскакивали на зарядку, потом строем на завтрак, потом занятия по уставу, долгие часы строевой подготовки и наставления старшины Фалилеева, который был с нами особенно строг:

— Тут вам не институт. Тут головой надо думать. Смир-р-но!

Ходили мы с песнями — любимая была тогда «Нас побить, побить хотели», — пели дружно, с присвистом, печатали шаг. Я быстро втянулся в эту жизнь.

Недавно, во время поездки в Сибирь и на Дальний Восток, пришлось побывать в Песчанке. Это уже совсем не тот поселок, хотя и сегодня в нем размещена учебная воинская часть. Есть музей воинской славы, где я увидел и мой портрет в танкистском шлеме прежних лет. С любовью собраны солдатами фотографии, материалы Великой Отечественной войны, документы малоземельцев. Потом молодые воины пригласили посмотреть дома, в которых они живут. И опять это были совсем не те бараки, где мы проходили службу. Современные помещения, светлые окна, заправленные койки, чисто вымытые полы. А тогда, по существу, жилого фонда не было, а танки стояли в траншеях, прикрытые сверху лишь брезентом.

Главным для нас была воинская служба. Много внимания, как всегда в армии, уделялось спорту — работа на турнике, игра в волейбол, зимой — лыжные походы. Помню, приходилось мне и в одиночку проделывать длинный путь на лыжах. Километров тридцать — сорок. Возил рапорты командованию на разъезд.

Нам часто говорили, что танкисты должны уметь совершать и пешие броски. Скатки на плечи, обувь подтянуть и команда: «Марш вперед!» Броски были далекие. Поначалу и ноги натирали и портянки наматывать не умели. Все это было. А однажды весной во время такого марш-броска между сопками разлилась речушка местная. Мы уже возвращались, шагали с песней, все вроде было хорошо. И вдруг водная преграда. Слышим голос командира: «Почему остановились?» Молчим: сам, мол, видишь, по воде не пройти. К тому же ветрище холодный. Ранняя весна в тех местах теплом не баловала. Видим, командир снял гимнастерку, обернул в нее личное оружие, поднял над головой и скомандовал: «За мной!» Вода студеная, миновали речку — зуб на зуб не попадает. Тут новая команда: «Вперед бегом!» Ничего, выдюжили.

Так закалялась воля, так вырабатывался характер, характер советского солдата. Потом

подшло самое интересное: занятия по тактике, изучение матчасти, вождение танков. Осваивали мы тогда средние танки «Т-26», «БТ-4», по нынешним временам, конечно, слабые. Но тогда они представлялись нам грозным оружием. Стреляли мы с места, с ходу по движущимся целям и были очень горды, когда сам комбат Копцов оценивал наши стрельбы на отлично.

С большим удовольствием до сих пор вспоминаю этого требовательного командира и душевного человека. Не могу сказать, что мы с ним стали друзьями (он был командир, я — курсант), но комбат относился ко мне хорошо, я тоже испытывал к нему уважение. По вечерам мы нередко говорили об армейской службе, о возможной войне. Впоследствии Василий Алексеевич Копцов участвовал в боях на Халхин-Голе, получил звание Героя Советского Союза, к Отечественной войне пришел генералом и на фронте героически погиб. Это был первый кадровый офицер, которого я узнал: о таких говорят обычно — военная косточка. По складу характера человек немногословный, волевой, всегда подтянутый, бодрый. Он был для меня и наставником и примером настоящего командира, посвятившего свою жизнь воспитанию советских солдат, которые в любой момент могли стать на защиту нашей великой Родины.

Помню такой эпизод. Недалеко от места, где располагалась наша часть, протекала река Читинка. Мы любили ходить на берег: прозрачная, чистая вода, во многих местах просматривалось дно. Как-то Копцов и говорит:

— Все вы здесь собрались инженеры. Вот попробуйте решить такую задачу. Вы на своих танках проходите по равнине, берете препятствие, ставите машину под углом на сопках, а никто из вас не задумался над тем, как бы пройти на танке по дну реки?

И что вы думаете: мы этим делом занялись. Начали прикидывать, что можно сделать. В конце концов задачу эту все же решили.

Что это? Воспитание своего рода удали? Нет, мы понимали приказ комбата так, что он нас готовит к любым сложностям, в которых может оказаться экипаж танка уже не на учебе, а в водовороте военных действий. И там придется решать задачи посложнее, чем на полигоне, на плацу. Вот к чему нас готовил Копцов. И многие были благодарны ему за это. Танкисты, вышедшие из нашего батальона, показали себя закаленными командирами в годы Отечественной войны. Как тут не вспомнить суворовские слова «тяжело в ученье — легко в бою». Правда, в бою никогда легко не бывает.

В Песчанке я одним из первых был назначен командиром взвода. Для меня это назначение было почетно, я рассматривал его как доверие командования.

Затем стал я политруком танковой роты. Дни были заполнены до предела. И воинская служба, и выпуск боевых листов, и политчас, воспитательная работа, да и поговорить с солдатами надо. Люди остаются людьми, у всех свои заботы, свои беды, свои радости. Но как бы занят я ни был, всегда улучал момент послать весточку домой. Однажды даже отправил своим карточку. Стоял на крыльце, подошел Копцов, кто-то щелкнул фотоаппаратом. И получилась фотография. Решил послать ее домой. Рассуждал так: отцу и матери всегда приятно не только получить письмо, но и поглядеть на своего сына.

Прошли годы. И теперь я особенно хорошо вижу, сколь полезны были для меня все эти переезды, назначения, новые встречи и новые дела, в которые приходилось вникать.

Разумеется, защищая диплом инженера, я не думал, что в будущем мне предстоит заниматься восстановлением «Запорожстали», руководить оборонной промышленностью области и даже всей страны. Работая землеустроителем, не предполагал, что вместе с товарищами придется мне переустраивать землю на миллионах целинных гектаров, а получая военную выучку, не представлял в полной мере, как пригодится она в тяжелейшей войне. Не знал и того, что все это, вместе взятое, при постоянном общении с массой людей превратится в сплав опыта, навыков, знаний, который именуется двумя простыми словами: партийная работа. И только с годами я стал по-

В. Шаталин. Род. 1926. СОБИРАЛИСЬ ОТРЯДЫ ЮНЫХ БОЙЦОВ.

Н. Пономарев. Род. 1918. НА ДОНУ. БРИГАДИР АЛЕКСЕЙ БОГАЕВСКИЙ. 1980.

нимать, что меня, как и тысячи других людей, действительно готовили, притом вполне сознательно, к будущим большим делам. Подготовку эту вела Коммунистическая партия.

Вскоре после возвращения из армии меня избрали заместителем председателя исполкома Днепродзержинского горсовета. Председателем был тогда Афанасий Ильич Трофимов, старый член партии, моряк-балтиец, участник Октябрьской революции, рабочий нашей Дзержинки. Образование он имел небольшое, очень обрадовался моей инженерной подготовке и сразу предложил ведать в исполкоме вопросами строительства и городского хозяйства.

Пришлось глубоко вникать в работу Совета — беспокойную, многоплановую, целиком обращенную к нуждам народа. Работа была не новой — я приобщился к ней еще в Бисертском районе, и все-таки многое надо было постигать заново. Этот опыт помог мне в 1960 году, когда я был избран Председателем Президиума Верховного Совета СССР, помогает и сегодня, когда наряду с обязанностями Генерального секретаря ЦК КПСС партия и народ вновь доверили мне этот высокий, почетный, но чрезвычайно ответственный пост, требующий неустанного труда.

Помня собственную практику, я с самого начала добивался разработки и принятия законов, расширяющих права депутатов, ставил вопрос об усилении роли местных Советов, о повышении их авторитета, о совершенствовании деятельности всего государственного аппарата.

Свою работу в Каменском, на моих глазах превратившемся в современный город Днепродзержинск, вспоминаю всегда с благодарностью. Время было интереснейшее. Именно тогда мы рукоплескали четверке папанинцев, покорившей Северный полюс, с замиранием сердца следили за чкаловскими перелетами, радовались вестям с Магнитки, Кузнецкого комбината и других новостроек. Днепровский завод в те годы тоже продолжал развиваться: при мне задули восьмью доменную печь, ввели аглофабрику, третий мартеновский цех. На весь Союз прогремел стахановский рекорд нашего сталевара Якова Чайковского. Нарком тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе призвал сталеплавателей страны перенять его опыт.

Вместе с заводом, а точнее, с заводами, которые появились у нас, рос город, в его черту вошли села Тритузное, Романково. Возникали проблемы — не хватало школ, поликлиник, детских садов, трудно было с жильем, в обновлении нуждались водопровод, канализация, транспорт. Вот этим всем я и занимался в исполкоме. Надо было научиться спорить с директорами, которые стремились строить «хутора» при своих предприятиях, преодолевать ведомственные настроения, собирать силы и средства в один кулак, и я хорошо помню первые наши успехи, пусть скромные, но так необходимые людям.

В Наркомтяжпроме мне удалось получить ассигнования, и мы проложили трамвайную линию от Баглея до площади Ленина — настоящее торжество было, когда красные вагоны побежали через весь город. Помню, как возвели (за шестьдесят два дня) красивое здание, в котором и сегодня помещается Дворец пионеров, как комсомольцы строили стадион, как появились у нас «высокие» дома в четыре этажа, с балконами, широкими окнами. И хотя масштабы строительства были далеко не сегодняшние, однако сотни семей справили новоселье. Мостились в городе улицы, закладывались скверы, больше стало товаров в магазинах, народ приоделся, жизнь становилась лучше — этим и памятно мне время работы в Днепродзержинске.

В городском Совете Днепродзержинска я был более года, потом меня выдвинули на партийную работу. Вначале заведовал отделом, а в феврале 1939 года был избран секретарем по пропаганде Днепропетровского областного комитета КП(б)У. О сложной и многообразной работе обкома — штаба партийной организации всей области — я подробно рассказал в книге «Возрождение». Первым секретарем был у нас тогда Семен Борисович Задионченко, человек опытный, умный, сильный, у которого многому можно было научиться. Отношения у нас сложились деловые, товарищеские. Я нес ответственность за один из важ-

нейших участков партийной работы — за работу в области идеологии. Круг моих обязанностей резко возрос, масштабы дел расширились, мне приходилось теперь часто ездить по городам и селам, встречаться с сотнями людей.

Считаю очень важным обстоятельством то, что я прошел эту школу. Существует, как известно, три основных направления партийного руководства — политическое, идеологическое, организационное. Разговора о том, какое из них важнее, быть не может — все они необходимы партии, все в равной степени важны. Умение сочетать все стороны партийной деятельности — это искусство, и надо этому искусству учиться всю жизнь.

Идеологическая работа всегда была и остается одной из первостепенных задач Коммунистической партии. Эта работа многообразна: она требует научного анализа процессов, которые происходят в обществе, и постоянного решения возникающих в связи с этим проблем.

Опасно даже на время, даже на отдельных участках забывать об идейном начале в государственной и общественной жизни, мириться с идейными ошибками. На первый взгляд они бывают не так заметны, как, скажем, ошибки технические. Если неверно спроектирован какой-то агрегат, то он не даст ожидаемой мощности или вовсе не будет работать — это сразу видно, понесенный убыток просто подсчитать. А ошибка в идеологии, как правило, скрыта, замаскирована одеждами из красивых слов, но тем более чревата последствиями, ибо она скажется непременно и принесет гигантский вред, если ее вовремя не исправить. Вакуума в современном мире нет: там, где благодушествуем мы, там действуют наши идеологические противники. «Поэтому, — учил В. И. Ленин, — всякое умаление социалистической идеологии, всякое отстранение от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной».

Это с особой остротой ощущал я в те годы, о которых веду рассказ: на западе уже началась вторая мировая война, она приближалась к нашим границам, идейно-политическое противоборство двух систем подходило к своей крайней форме — открытому военному столкновению. В этой обстановке повысились требования к идейно-политическому воспитанию кадров, к укреплению связи партии с массами. Необходимо было вести активную, наступательную пропагандистскую работу, давать своевременный отпор враждебной идеологии, укреплять в советских людях высокую политическую сознательность, воспитывать их в духе социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма, в духе преданности идеалам коммунизма.

Ко всему этому должен быть вкус у каждого руководителя, у каждого коммуниста, не говоря уж о самой, казалось бы, простой, но требующей постоянных усилий задаче — доводить до народа цели, какие мы ставим перед собой, объяснять, чего конкретно добивается на данном этапе Центральный Комитет нашей партии. Другими словами, надо выступать в различных аудиториях, встречаться с людьми. Тогда, в Днепропетровской области, я впервые столкнулся с этой необходимостью, в связи с чем хочу высказать некоторые соображения, которые начали складываться у меня еще в те годы.

Партийное страстное слово было и остается острым оружием партии, и относиться к этому надо очень серьезно.

Советские люди одобряют политику партии, поддерживают ее. И тем не менее мы всегда уделяли и уделяем большое внимание идеологической работе. Главное оружие в этой работе — правда. И об успехах и о недочетах, мы считаем, необходимо говорить честно. Открытый разговор люди всегда поймут. В. И. Ленин подчеркивал, что сила социализма в сознательности масс.

Нет ничего бесплоднее, чем пропаганда без адреса, оторванная от интересов аудитории, от потребностей дня. Если оратор уходит от ответов на острые вопросы, то он внушает людям недоверие. Если лектор мямлит на трибуне, повторяет общеизвестное, то пользы от этого ни на грош, более того, такой оратор может отучить людей вообще слушать лекции. Формализм в этом деле противопоказан, обязательно нужен творческий подход. Хочу под-

черкнуть: не в ловких ораторских приемах, на которые горазды буржуазные политики, не в рассчитанном пафосе и не в силе голосовых связок секрет успеха. В. И. Ленин, как известно, не обладал громким голосом, а ведь его слышали все. Вся страна, все человечество. Слышали потому, что сл у ш а л и. А слушали потому, что в речах его были идеи и мысли, близкие массам, в защиту этих идей он находил неотразимые доводы, был логичен, делал глубоко научные, смелые выводы, задачи ставил всегда конкретные и значительные.

Предвоенные годы в Днепропетровске вспоминаются как время напряженнейшей работы. Внешне все было спокойно: в кино шли комедии «Волга-Волга» и «Светлый путь», в обычном трудовом ритме протекала жизнь в городах и деревнях, зрел на полях урожай. Но все мы чувствовали: угроза войны нарастает. В 1940 году Днепропетровский обком получил ответственное задание ЦК ВКП(б) — перевести часть предприятий области на выпуск военной техники. Из Москвы пришла шифровка, предлагавшая нам учредить должность секретаря обкома по оборонной промышленности. Заседание бюро проводил Задионченко. Он сказал, что, учитывая особую важность этой работы и значение, которое ей придает Политбюро Центрального Комитета, надо на этот пост выдвинуть не только технически подготовленного, знающего металлургию специалиста, но и дельного организатора, умеющего работать с людьми. Вот так примерно он говорил и предложил мою кандидатуру. Проголосовали единогласно.

Учитывали ли мы реальную опасность войны, готовились ли к этому? Безусловно, учитывали, готовились. В том, что угроза войны нарастает, что фашизм — главный наш враг, сомнений не было.

Страна остро нуждалась в металле. В июне 1940 года Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О мероприятиях, обеспечивающих выполнение установленного плана выплавки чугуна, стали и производства проката». Развернулось всесоюзное соревнование металлургов за лучшее использование мощности агрегатов, и мои земляки добились в этом соревновании заметных успехов. Предприятия, изготовлявшие сугубо мирную продукцию, стали теперь работать на армию: завод имени Артема выпускал детали к боевым самолетам, завод имени Коминтерна — минометы, Днепровский металлургический имени Дзержинского — артиллерийские снаряды...

Ко мне на стол в обкоме поступали сводки, которые не могли не радовать. И хотя я нес ответственность уже за сотни предприятий, вести с родного завода, не скрою, принимал особенно близко к сердцу. В 1941 году Днепровскому заводу имени Ф. Э. Дзержинского было присвоено звание «лучший металлургический завод Советского Союза» и передано переходящее Красное знамя Наркомчермета и ЦК профсоюза металлургов.

* * *

Чувство родины у каждого из нас начинается с памяти детства, со своего дома, своей улицы, своего города или села. И вместе с тем живо в нас ощущение большой, великой Родины, которая в дни опасностей и больших испытаний вся от края и до края становится вдруг до боли близка и дорога.

Мне повезло увидеть воочию просторы родной страны, узнать близко многих сограждан, и я знал, что планы, мечты, замыслы народа под стать земле, на которой нам посчастливилось жить, которую получили мы от отцов и должны оставить детям еще более богатой и цветущей.

Мы доказали это великими свершениями первых пятилеток.

Но вот настало мучительное, горькое и вместе с тем исполненное высокой веры и невиданного героизма время в жизни нашего народа. Началась Великая Отечественная война. Пришла пора отстаивать великие завоевания социализма, защищать все, что сумели мы сделать и построить, встать грудью за дорогую нам землю. И я вместе с миллионами советских солдат и офицеров прошел многотрудный путь войны от начала до конца, от первого ее дня до светлого дня Победы.

Но об этом периоде — речь особая.

Сергей ЛЫКОШИН

Положительная сила творческого наследия Федора Михайловича Достоевского огромна. Такие titаны мысли, как Пушкин, Достоевский, Толстой, способны влиять на развитие культуры не только в свое время, но и определять ее строй и развитие спустя столетия после смерти. В мировоззрении этих классиков отразился весь многовековой нравственный и практический уклад народной жизни. И потому-то, несмотря на разницу в психологии, на особенности творческого начала каждого, мы всегда должны смотреть на них как на нечто единое по духу, не разделяя и не противопоставляя эти три мощнейших, неиссякаемых источника нашего познания человека и народа, помня о том, что понимание народной сути творчества Пушкина, Достоевского, Толстого — это наш путь к самопознанию.

Нет, пожалуй, в отечественной литературе после пушкинского времени такого писателя, который, подобно Достоевскому, настолько полно показал в своем творчестве как высокое, так и низкое состояние человеческого духа, сумел бы выразить с такой силой острую суть наболевшего и выстрадавшего русским человеком, открыл бы зияющие бездны нравственного падения тех, кто отказался от законов народной морали, и при всем этом, как Достоевский, оставил бы и человеку и народу мечту о великом возрождении. Всем опытом жизни, всем чутьем великого сердца Ф. М. Достоевский служил одному — предостережению мира от бед, которые может принести ему неверие в собственные духовные силы. Достоевский, мучимый и сжигаемый идеей спасения мира, был далек от переоценки собственных возможностей, но, как и подобает художнику — вечному труженику и борцу за истину, со всей мощью гения отстаивал не только будущее своего народа, но и будущее человечества.

«...Русская душа... гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия», — писал он в «Дневнике писателя» в 1880 году. Говоря о своем народе, Достоевский отстаивал идею будущего процветания всех народов.

Исчерпать мир Достоевского, очевидно, так же невозможно, как невозможно с законченной полнотой описать жизнь человека, даже при наличии полной хронологической записи всех его поступков и начинаний. Идеей жизни Ф. М. Достоевского было служение человеку, сопереживание его страданиям, посильное споспешествование ему во всех добрых делах, стремление помочь обратиться к Истине.

Принято считать Достоевского мучеником. Писатель действительно пережил много такого, чего не пришлось испытать его современникам, собратьям по перу.

Мучительная болезнь, изнурявшая Достоевского многие годы, каторга в омской крепости, путь к которой лежал через максимально приближенную к действительности сцену смертной казни на Семеновском плацу и каторжные кандалы, военная служба в Семипалатинске, потери близких и измены друзей — через все это прошел великий художник, не потеряв силы дарования и писательской страсти, укрепляемых в нем одним неизменным свойством души — любовью к ближнему. Любовью самоотреченной, истовой, ко многому обязывающей... В сознании Достоевского су-

ществовал идеал человека страдающего и всепрощающего во имя спасения ближних. Как бы ни менялось, ни развивалось философское отношение Достоевского к жизни, как бы ни разрастались и ни ветвились его идеи — все подчинялось этому идеалу, созданному опытом, сознанием и чувствами художника, укрепляющегося в нем с годами испытаний.

Уже в первом романе, «Бедные люди», мы встречаем величайшего страстотерпца и нежнейшего человека, Макара Девушкина, боль за судьбу которого благодарно отзывается в читательском нашем сердце. «Многие могут подумать, что в лице Девушкина автор хотел изобразить человека, у которого ум и способности приделаны, приплюснуты жизнью. Была бы большая ошибка думать так. Мысль автора гораздо глубже и гуманнее: он в лице Макара Алексеевича показал нам, как много прекрасного, благородного и святого лежит в самой ограниченной человеческой натуре... Честь и слава молодому поэту, муза которого любит людей на чердаках и в подвалах и говорит о них обитателям раззолоченных палат: «Ведь, это тоже люди, ваши братья!» Восторженная оценка В. Г. Белинским первых повестей начинающего писателя, громкое заявление известного критика о том, «что так еще никто не начинал из русских писателей», сразу поставили Достоевского на подобающее место в русской литературе, создали ему недюжинный литературный авторитет, который надлежало подтверждать.

«Неточка Незванова», «Господин Прохарчин», «Белые ночи», «Хозяйка» — все эти произведения поддерживали репутацию писателя талантливого и незаурядного, но некоторое их однообразие уже насторожило и читающую публику и Белинского. От Достоевского ждали большего, а он все не мог выговориться в слове сочувствия и сострадания к обитателям петербургских трущоб. Герои его произведений этого времени — люди мечущиеся, рефлексирющие, только лишь чистотой сердечных помыслов противостоящие страданию и угнетению.

Исцеление общества сопереживанием несчастному человеку из народа — вот пафос первых произведений Достоевского, та положительная идея, следование которой привело к увлечению социалистической теорией на пятицах Буташевича — Петрашевского. Незамедлительная расправа — смертный приговор, ожидание его исполнения на Семеновском плацу и замена смерти каторгой — привела Достоевского к новому восприятию народной идеи. Художник из сочувствующего стал страдающим, насильно приобщенным к кругу людей из социальных низов. Расплата дала в конечном итоге новое, более высокое качество всему писательскому труду Достоевского. Качество единения с народом и народной жизнью.

Т Н О Е С Л О В О

«Записки из мертвого дома» стоят особняком в творчестве Достоевского. Исследователи давно уже заметили, что здесь «нашли первое воплощение зародыши многих идей, тем, сюжетных линий, конфликтов и прообразов героев его будущих произведений»¹.

Слова авторитетного знатока творчества Ф. М. Достоевского точно характеризуют значение, нет, не только «Записок из мертвого дома», но и того жизненного этапа, который открыл художнику новые грани познания мира. Каторга с ее жуткими, нереальными картинками тюремного быта, с противоречивой сутью человеческого естества, с искаженными судьбами и той главной надеждой на «волю», которую держали в душе заключенные, широко открыла Достоевскому мир в незнакомой и ужасной ипостаси народного страдания. Знание это дало Достоевскому право говорить впоследствии: «Мы не общество. Простой народ общество, а мы — публика...» Мысль о народе, о его жизни и исторической роли стала едва ли не главной в творческой жизни писателя. Убежденный в великом призвании своего народа, Достоевский много места уделяет этой теме в рассуждениях героев и в собственных публицистических выступлениях. Народ стал для него носителем идеала земного братства, носителем той самой, в самом писателе жившей идеи взаимной любви и поддержки, которая не только давала силы для творчества, но и поселяла надежду на лучшее будущее, на возможное человеческое единение.

«Вопрос о народе и о взгляде на него, о понимании его, теперь у нас самый важный вопрос, в котором заключается все наше будущее, даже, так сказать, самый практический вопрос наш теперь! ...Назначено ли нашему народу непременно пройти еще новый фазис разврата и лжи, как прошли и мы его с прививкой цивилизации? ...Я бы желал услышать на этот счет что-нибудь утешительное. Я очень наивно уверовал, что наш народ такая огромность, что в ней уничтожатся, сами собой, все новые мутные потоки, если только они откуда-нибудь выскочат и потечут». Вера в народ помогла Достоевскому с еще большей истовостью отстаивать и нести в мир идеи человеколюбия и общности целей, стоящих перед соотечественниками. В романах, наполненных людским страданием и несчастьем, Достоевский неуклонно ставит один и тот же вопрос: имеет ли право человек забывать о всех традициях и нормах, отрицать их, поступать вопреки законам многовековой морали, полагаясь целиком и полностью на собственный опыт и рассуждения? Романы Достоевского вызывают жгучий общественный интерес, подвергаются критике и осуждению. Достоверность многого берется под сомнение, но главное уже становится ясным. В лице Достоевского русская литература получила еще одного «великого народного заступника». Мучительные рассуждения и самооправдание Раскольникова, метание страстей Рогожина и Настасьи Филипповны, желание нажить ротшильдовский миллион, сжигающее душу подростка Долгорукова, разложение все дозволившего себе Ставрогина и карикатурно мерзкий нигилизм Смердякова — вот плевеи зла, разбросанные в мире. Утверждение алчной идеи, своего желания любой ценой вопреки всем нормам и устоям — вот то, что способно погубить общественную мораль, что, разлагаясь само, разлагает и общество. Все это становится предметом самого пристального внимания художника. Численно велики силы зла, но добро при всей его наивности и простоте способно этому злу противостоять. Только добро, по Достоевскому, должно быть кристальной, незамутненной чистоты. Обличая эгоизм и сребролюбие, жестокость и распущенность, алчность и стяжательство, Достоевский оставлял надежду на возрождение своим, как он был глубоко убежден, несчастным героям, поселяя рядом с Раскольником и Свидригайловым Соню Мармеладову, а рядом с Дмитрием и Иваном — их брата Алексея Карамазова. Идеальные по доброте и самоотверженности, эти герои Достоевского стали в мировой литературе символом исполнения и нравственной чистоты. Положительная сила гениально дарованного писателя давала обществу образцы, достойные подражания.

С особым вниманием и пристрастием относился Достоевский к событиям текущей жизни. В публицистических выступлениях и издательской деятельности все внимание обращает он на материал повседневности.

Для писателя, похоже, не существует мелочей. Политическая и уголовная хроника, незначительные на первый взгляд события и происшествия дают повод для скрупулезного анализа, служат материалом для обобщающих размышлений о России и судьбе ее народа. «Дневник писателя», регулярно печатавшийся

на страницах «Гражданина», становится своего рода творческой лабораторией, широко открытой читательскому вниманию. Для Достоевского нет тайного. Он, как художник, увлеченно и не всегда безошибочно и справедливо оценивает события истории и политики, рассуждает о судьбах мира, возражает своим оппонентам, публикует фрагменты воспоминаний и небольшие рассказы, сопровождаемые тут же комментариями, перекапывает и перебирает на страницах «Дневника писателя» пестрый жизненный материал, дающий повод для размышлений, и дарит читателю истинно великие прозрения. Уникальность подобного издания в нашей и мировой литературе общепризнана. В настоящее время она подтверждается большим интересом современного читателя к начавшейся в очередных томах полного собрания сочинений публикации «Дневника писателя».

Тема народа и народности разрастается в творчестве писателя. Достоевского волнуют проблемы народной общности, к ним он все чаще обращается в публицистических выступлениях. Национальные, характерные черты — свидетельство зрелости народа. «Народ, ставший нацией, вышел из детства». Эта формула становится нравственным основанием всего, что делает Достоевский-писатель. Убежденность в великом будущем своего народа никогда и ничем не была поколеблена в творческом сознании гения. На убежденности этой, как на фундаменте, выстраивалась вера художника в спасительные силы, природную нравственность, предохраняющие русский народ от посягательств на чужое достоинство. Подобное отношение к народу было свойственно не только Достоевскому, но и многим представителям русской культуры. Так, вспоминаются слова И. А. Гончарова в «Необыкновенной истории»: «...Всякий отщепенец от своего народа и своей почвы, своего дела у себя, от своей земли и сограждан — есть преступник, даже и с космополитической точки зрения! Он то же, что беглый солдат! Вот почему патриотизм — не только высокое, священное и т. д. чувство и долг, но он есть — и практический принцип, который должен быть присущ... каждому члену благоустроенного общества, народа, государства!»

Надо прежде делать для своего народа, потом для человечества и во имя человечества!»

С годами идея спасения мира силой русского братства перерастает у Достоевского в великую общечеловеческую идею братства всемирного.

Три даты, связанные с именем Ф. М. Достоевского, пришлось на последние два года. Столетие со дня смерти писателя, столетие со дня его рождения и, наконец, отмеченное летом прошлого года столетие со дня произнесения Достоевским его знаменитой «Пушкинской речи».

Последнее событие стало замечательным историческим явлением отечественной культуры. «Пушкинская речь» была произнесена Ф. М. Достоевским 8 июня (по старому стилю) 1880 года, за полгода до его смерти, на торжественном заседании, проводимом Обществом любителей российской словесности в Москве по случаю открытия памятника А. С. Пушкину. Речь эта была отмечена не только глубоким и емким размышлением о роли и значении А. С. Пушкина в русской культуре, но и прозвучала как выражение кредо самого Достоевского, своего рода обобщенным выражением его мировоззрения.

Напечатанная впоследствии в «Дневнике писателя за 1880 г.» и снабженная пояснениями автора, «Пушкинская речь» предстала перед читателем как программа единения культурных сил народа во имя будущего процветания. В ней особо подчеркивалось общемировое значение русской культуры, по-своему подво-

дился итог литературного столетия, справедливо отмеченного потомками, как «золотой век русской литературы». «Пушкинская речь» стала высшей, кульминационной точкой прозрения Достоевского, теоретическим воплощением его положительной идеи народного и национального. Слова о том, что «назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное», что «для настоящего русского Европа» так же дорога, «как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей», стали истинным проявлением общечеловечности гения Достоевского. Столетие спустя слова «Пушкинской речи» Достоевского читаются как слова гениального воспреемника Пушкина, давшего разгадать «великую тайну» русской культуры, по его собственным словам, унесенную Пушкиным в гроб.

«Известно, что любой из нас, обращаясь к Пушкину, Толстому, Достоевскому в разную пору собственной жизни, каждый раз извлекает из них новое для себя, постигает всевозрастающую глубину их творений.

Общество в целом, вглядываясь в великое духовное наследие прошлого, воспринимает его в зависимости от собственной зрелости, нового социального опыта и конкретных исторических задач. Процесс этот не есть прямая, кратчайшая между двумя точками, но путь сложный, противоречивый, отмеченный подчас мучительными отступлениями и ошибками, сшибками мнений, борьбой идей. И он идет постоянно, он неукротим и необратим, этот процесс»².

Особое место в творческом наследии Ф. М. Достоевского занял роман «Бесы». И по сей день он вызывает споры и противоречивые литературоведческие оценки. Однако уже ясно, «Бесы» и имевшая в нем место критика некоторых анархических и псевдореволюционных группировок — впоследствии оформившихся в левотроцкистские, маоистские и им подобные течения — был обращен к обществу как предостережение и предостережение стремлением писателя уберечь общественное сознание от разлагающего действия «шигалевины» и вульгарного нигилизма. (Известно, что достойную отповедь последнему дал В. И. Ленин.) В примечании к академическому изданию собрания сочинений Ф. М. Достоевского точно сказано о значении «Бесов»: «История... показала, что уроки нечуждыны, критический анализ ее Достоевским в его романе-предостережении... важны не только для прошлого, но и для настоящего, ибо дают возможность глубже понять многие явления общественного распада, характеризующие империалистическую эпоху, помогают в наше время провести раздельную черту между научным социализмом и различными формами мелко-буржуазно-анархических идей и настроений...»

В опыте современности значение романа «Бесы» отзывается и в словах одного из членов Политического руководства Компартии Чили В. Тейтельбойма: «Это роман, понимание которого растет вместе с повзрослением человечества. В наше время стали слишком очевидны как прерассудки гениального художника, так, главное и непреходящие духовно-эстетические открытия его. Но сегодня «Бесы» являются для меня и настольной политической книгой, где дан непревзойденный художественный анализ социально-психологического механизма, управляющего действиями тех, кого называют ныне ультраправыми или ультраправыми, то есть тех сил, которые сыграли свою роковую (и провокаторскую) роль в трагической судьбе чилийской революции».

Значение художественного и публицистического слова Ф. М. Достоевского остается непреходящим. Мы еще только подходим к пониманию истинного идейного и философского содержания творческого наследия классика. Впереди и у литературной науки и у читателя многие открытия, связанные с великим именем Федора Михайловича Достоевского, ибо слово, им сказанное, не имеет временных границ, а огромная мера сочувствия человеку и помощь ему в нравственном становлении будут все более приближать к нам Достоевского. А потому-то будем благодарны нашей отечественной культуре, давшей миру бессмертное и немолкнущее слово гения.

¹ Ю. Селезнев. «Писатель и время». М., 1974 г., с. 119.

² Феликс Кузнецов. «Истина истории», «Москва» № 1, 1981 г.

Дом Достоевских в Старой Руссе.
Фотография конца XIX века.

В этой столовой трижды в день собиралась вся семья.

«МЫ ОЧЕНЬ ПОЛЮБИЛИ СТАРУЮ РУССУ...»

«Так как вопрос о даче для нас слишком важен... кажется, наверно найдем в Старой Руссе, тем более, что уж очень много удобств — дешевизна, скорость и простота переезда и, наконец, дом с мебелью, с кухонной даже посудой, воксал с газетами и журналами...»

Это строки письма Федора Михайловича к сестре от 20 апреля 1872 года. А в мае колесный пароход «Алис» доставил из Новгорода семью Достоевских на пристань Красного берега.

Сегодня каждый второй житель Старой Руссы без труда укажет вам, где находился дом Грушеньки Светловой, трактир «Столичный город», проведет вас к мостику через «Малашку», у которого Алеша Карамазов повстречал Илюшечку Снегирева. При желании можно съездить и в Мокрое — село Буреге, некогда почтовую станцию по дороге на Новгород, с постоянным двором и большой церковью Воскресения. А в соседних Устриках, названных в «Бесах» Устьевом, протекало «Последнее странствие Степана Трофимовича».

Продолжают также обнаруживаться и все новые старорусские прототипы героев этих романов. Писатель досконально изучил город и его обитателей, сроднился с тихими улочками, сонными набережными Перерытицы, со своим домом.

«...Мы очень полюбили Старую Руссу, — вспоминала Анна Григорьевна, — и оценили ту пользу, которую минеральные воды и грязи принесли нашим детям... у нас, по словам мужа, образовалось свое гнездо, — нуда мы с радостью ехали ранней весной и откуда так не хотелось нам уезжать поздней осенью».

Аллея на берегу реки Перерытицы помнит Достоевского.

Рабочий стол в кабинете писателя.

Фото из архива Дома-музея Ф. М. Достоевского в Старой Руссе и Г. Каланьяна, А. Овчинникова [ТАСС]

Дом отставного подполковника А. К. Грибе, купленный Достоевскими в 1876 году после смерти владельца, строили, как пишет дочь писателя Любовь Федоровна, «во вкусе немцев прибалтийских губерний». Он «был полон неожиданных сюрпризов, потайных стеленных шкафов, подъемных дверей, ведущих к пыльным винтовым лестницам».

Сравним это описание с домом отца — Карамазова, в котором тоже «много было разных чуланчиков, разных прятков и неожиданных лесенок».

Сейчас их, конечно, не осталось. В войну Старая Русса свихе двух лет простояла на линии огня. От дома Достоевского, объявленного революцией «неприкосновенным историко-литературным памятником», сохранились одни стены. Все пришлось начинать сызнова... Десятилетиями возрождался дом, накапливалась обстановка, свозились личные вещи.

Стараниями местного энтузиаста Г. Смирнова удалось сперва открыть две мемориальные комнаты. Музея как такового еще не существовало. Отстроенный дом занимали различные учреждения. Последнее из них освободило помещение лишь в 1975 году, и с того момента пошла планомерная научная работа по восстановлению мемориального комплекса. Возник штат постоянных сотрудников, получил одобрение проект реставрации, авторами которого выступили Г. Смирнов, Н. Тимофеева, С. Санкина и ведущая музей В. Богданова. Оформил экспозицию ленинградский художник В. Наливайко.

В нынешнем году состоялось долгожданное открытие дома. Шесть комнат вернули из небытия волнующую атмосферу подвиги человеческого труда и жизни гения в этих дорогах нашему сердцу стенах, одухотворенное воображением взаимодействие предметов и реликвий.

Они здесь есть. Цилиндр с лайковой перчаткой под высоким зеркалом в прихожей. Фисгармония в гостиной. Любимые книги, прибрегавшиеся до приезда в Старую Руссу.

Порой незначительная вещь способна сказать многое. Как вот склянка с сигнатурой из старорусской аптеки на столике в кабинете, где родились «Бесы», «Подрасток», главы «Дневника писателя», «Братья Карамазовы», «Пушкинская речь». Или портфель для бумаг, украшенный монограммой Анны Григорьевны, в углу дивана ее спальни и вышитое ею полотенце.

Необычен порядок в музее. Никаких ограничительных табличек, назойливых указателей. Но и посещение — только группами, не более 15 человек. Чтобы сберечь дом. Люди понимают необходимость подобной меры. Дом ведь и впрямь совсем как живой, тогдашний, в своем естественном и почти не изменившемся природном окружении. Его охранная зона распространяется на близлежащие улицы, «Малашку», знаменитые мостки.

В городе гордятся молодым филиалом Новгородского историко-культурного заповедника, и нет ни одного предприятия, которое бы не распахнуло двери при словах: «Это нужно для музея Достоевского». Так, на заводе «Старорусприбор» увлеченно колдовали над точной копией старинного уличного фонаря, что отчетливо виден на фотографии 1881 года перед воротами усадьбы.

Теперь это завершающий штрих ее лицевого фасада. А во дворе, уже тщательно замощенном горбатым булыжником, размечают будущий каретник, детские качели («...особенно понравились качели. Фома тотчас вбил винты и повесил, и дети принялись качаться» — из письма А. Г. Достоевской мужу в Эмс, 7 июля 1876 года). В струганом туеске рядом с музейными папками перекачиваются невзрачные с виду, но ароматные на вкус яблоки — те самые, какие предпочитал Федор Михайлович. И несколько уцелевших от зимних морозов раскидистых груш в саду — такие же, что росли при нем.

Скоро их станет больше, и вокруг появятся все остальное. Помните, в «Карамазовых»:

«Дмитрий Федорович вел гостя в один самый отдаленный от дома угол сада. Там вдруг, среди густо стоявших лип и старых кустов смородины и бузины, калины и сирени, открылось что-то вроде развалин стариннейшей зеленой беседки...»

Ее прежнее место в саду Достоевских пока только обозначено на макете, но рубленая банька, которой писатель отдавал неизменное предпочтение и возле которой Дмитрий в ночь убийства отца перелез через забор и направился к дому, уже смотрит на свет подслеповатыми оконцами.

...В цветных стеклах веранды, доставлявших огромное удовольствие всей семье, причудливо дробится неяркое осеннее солнце. Синее за рекой, дымно-прозрачный северный лес. И невольно приходит на память одно из последних сообщений отсюда хозяина дома:

«Я здесь, как в каторжной работе и, несмотря на постоянно прекрасные дни, которыми надо бы пользоваться, сижу день и ночь за работой — кончаю Карамазовых».

Он уезжал в Петербург 6 октября 1880 года, увозя с собой заключительную часть рукописи романа, весь во власти новых замыслов, надеясь следующей весной вновь вернуться сюда.

Спустя четыре месяца его не стало.

Юрий ОСИПОВ

АВТОПОРТРЕТ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Д

остоевский — художник. Это выражение можно понимать и буквально: творческие рукописи великого романиста хранят в себе целый мир рисунков, выполненных пером или карандашом. Они открывают нам новые факты, явления, представляя совершенно уникальную возможность взглянуть на творческий мир писателя как бы «изнутри» (выражение самого Достоевского). Профессиональный навык рисования, полученный в стенах Главного инженерного училища, необычайная живость воображения и творческая необходимость зримо представить себе образ интересующего лица — все это обусловило многочисленные рисунки, которыми буквально испещрены его «записные тетради». Изучение этих рисунков открыло нам портреты И. С. Тургенева, М. Сервантеса, М. Д. Достоевской, Петра I, Наполеона, многих писателей и исторических деятелей, а также героев произведений

чения, придававшего собственной внешности, обратить на нее столь пристальное внимание? Можно ли объяснить причины возникновения этого рисунка, исходя из жизни и творчества писателя в эти годы?

Г. К. Градовский, бывший редактором «Гражданина» до того, как им стал Ф. М. Достоевский, вспоминает: «Осенью 1872 года я предложил князю Мещерскому или передать мне вполне право на «Гражданина», или освободить меня от выполнения заключенного нами на два года контракта. Переговоры по этому поводу длились до конца года, когда Ф. М. Достоевский согласился занять мое место. Какие причины побудили Достоевского принять на себя ту роль, от которой я отказывался — мне неизвестно». А вот как описывает это же событие сам владелец издания В. П. Мещерский: «Положение было критическим, и в эту-то трудную минуту, в одну из сред, когда за чашкой чая мы говорили об этом вопросе, никогда не забуду, с каким добродушным и в то же время вдохновенным лицом Ф. М. Достоевский обратился ко мне и говорит мне: хотите, я пойду в редакторы? В первый миг мы подумали, что он шутит, но затем явилась минута серьезной радости, ибо оказалось, что Достоевский решился на это из сочувствия и цели издания... Но этого мало, решимость Достоевского имела свою духовную красоту. Достоевский был, невзирая на то, что он был Достоевский, — беден, он знал, что мои личные и издательские средства ограничены, и потому сказал мне, что желает для себя только самого нужного гонорара как средств к жизни... Горизонт «Гражданина», потускневший к концу года, прояснился с этим отрядным фактом, и, понятно, явились надежды на успех «Гражданина» благодаря имени Достоевского».

Рисуя автопортрет, Достоевский задумывается о своем писательском и журналистском будуще, столь важном для него.

Вглядываясь в изображение, трудно отделить от впечатления, что видишь перед собой что-то уже ранее встречавшееся, знакомое. Действительно, уместно вспомнить, что в том же 1872 году братья Третьяковы обратились к Достоевскому с просьбой позировать для написания портрета, необходимого для экспозиции «Портреты русских писателей», задуманной ими.

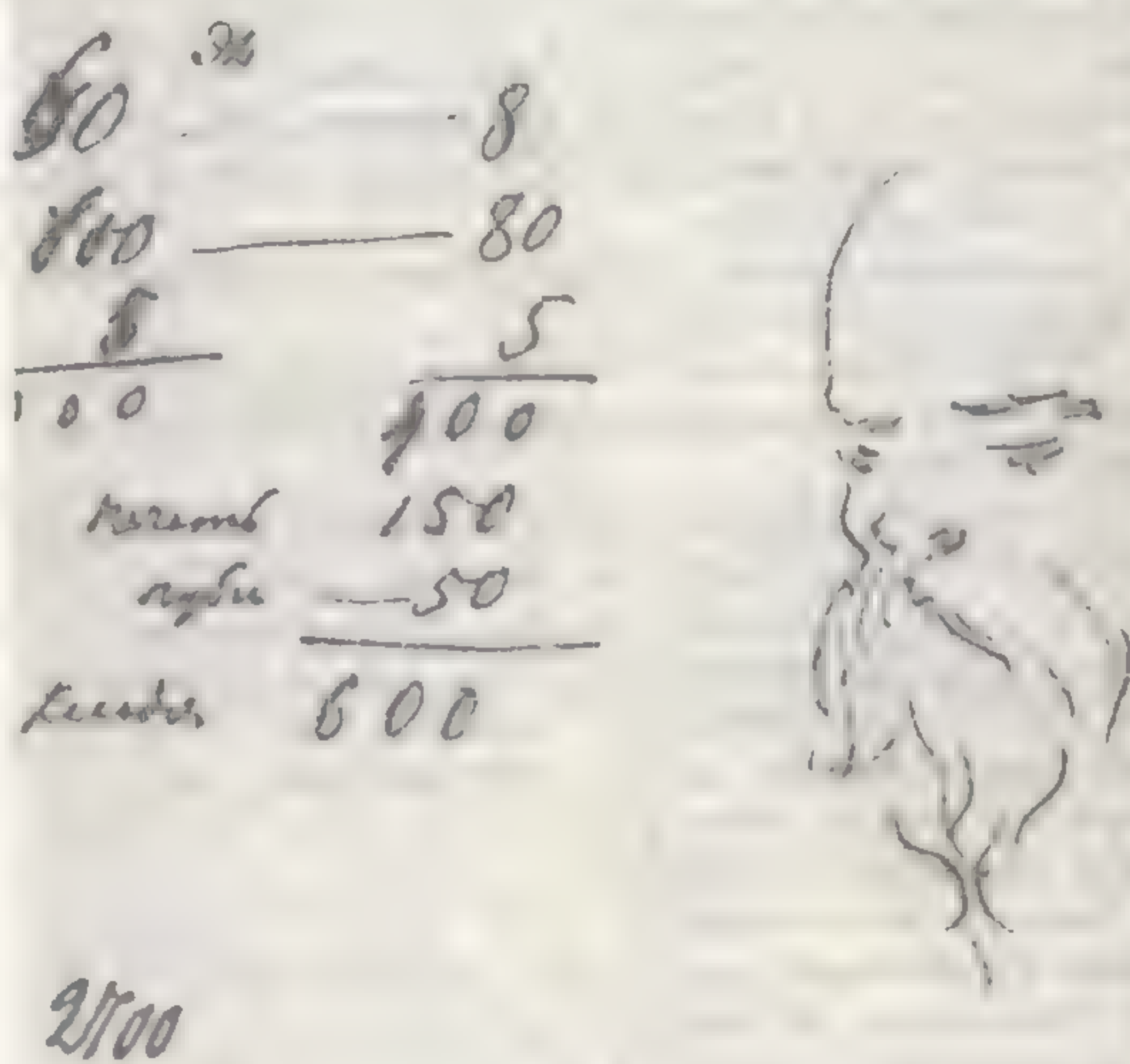
Федор Михайлович, преодолев свою известную нелюбовь к этому, согласился позировать художнику В. Г. Перову, однако было условлено, что способ работы будет следующий: Достоевский трудится за письменным столом, а Перов, не отвлекая писателя, делает свою работу. Достоевский тогда заканчивал роман «Бесы» и очень торопился. Перов сделал много эскизов и набросков. Картина, созданная им, заняла свое почетное место в Третьяковской галерее, где находится и поныне. Анна Григорьевна Достоевская говорила об этой картине, что художнику удалось схватить «момент творчества».

За время работы они очень подружились. Находясь осенью того же 1872 года в Москве, Достоевский был в гостях у Перова, познакомился с его женой, «молчаливой и улыбающейся», как охарактеризовал он ее в письме Анне Григорьевне.

Скорее всего Достоевский совсем не случайно изобразил себя именно в том ранурсе, в каком написал его в своей картине Перов, — три четверти влево, голова чуть опущена, лицо задумчивое, сосредоточенное, глаза только обозначены (характерная манера рисования Достоевским лиц, распространяющаяся на многие его рисунки). Кажется, что писатель рисовал себя только до того момента, когда можно узнать лицо, и остановился, не прорисовывая, не заканчивая рисунка.

Цифровые записи вокруг и слева — расчеты объема будущего номера «Гражданина», подсчеты времени и затрат на каждый номер. Все это как бы обрамляет портрет, придавая ему особый смысл и значение.

К. БАРШТ,
Ленинград

Достоевского. Характерна в этом отношении «Записная тетрадь 1872—1875 гг.». В ней — всего три рисунка, но один из них сразу же останавливает внимание. На странице 127 тетради среди фивовых подсчетов, связанных с изданием журнала «Гражданин», мы внезапно видим перед собой знакомое лицо. Да, перед нами явный автопортрет: мощный «сократовский» лоб, характерный, слегка вздернутый нос и небольшие снулы, обрамленные негустой бородой, — облик самого Достоевского.

Хотя это единственный автопортрет Достоевского из известных нам рисунков писателя, однако можно предположить, что Достоевский рисовал себя не впервые. Очень уж точно подмечен характер его лица — двумя-тремя линиями. Что же заставило Достоевского, мало зна-

«Я ВИДЕЛ ИСТИНУ»

Юрий КАРЯКИН,
литературовед

— Знаете ли вы, сколь силен может быть один человек?

Ф. Достоевский.

Прочитайте, перечитайте «Сон смешного человека». Одно из самых таинственных и солнечных творений Достоевского и всего мирового искусства.

I

Прежде всего — невероятен масштаб. Под масштабом подразумевается теперь почему-то размер абсолютный. Но ведь это же отношение: сколько, скажем, реальных километров вмещается условно в реальный же миллиметр. Здесь — миллионы. Время исчисляется здесь в световых годах. Маленькая карта звездного неба — вот масштаб (как и в «Маленьких трагедиях» Пушкина).

Но как при таком масштабе усмотрены здесь, изображены такие «детали», которых и на верстовой-то карте не углядишь, а разве только вживе, воочию, вплотную? Откуда такая широта дыхания, такая свобода художественного полета, такой необозримый простор?

И написан-проговорен он, этот рассказ, единым духом. И читаешь-слушаешь его — будто время исчезает.

Голубая звездочка — и мрачные петербургские улицы с газовыми фонарями.

Вся история человечества на многие тысячелетия назад, на века вперед — и мизерная история какого-то «русского прогрессиста, гнусного петербуржца».

Будто перед тобой огромная фреска «Страшного суда» Микеланджело и ты попеременно смотришь на нее то издали, то вблизи.

Мириады персонажей далеких, едва различимых «планом», и тут же «план» крупный, близкий: девочка, молящая о помощи, «лет восьми, в платочке и в одном платьишке, вся мокрая, но я запомнил особенно ее мокрые разорванные башмачки и теперь помню...».

Где-то, на далекой планете, живут «дети солнца»: «О, как они были прекрасны... Они любили слагать песни друг о друге, и хвалили друг друга, как дети...» А тут, на пятом этаже, маленькая комнатенка с чердачным окном. За перегородкой — драки; вечно пьяный капитан, которого до обморока бьют «маленькая ростом и худенькая дама, из полковых, приезжая, с тремя маленькими и заболевшими уже у нас в номерах детьми».

Там люди любят деревья и животных так, как любят друг друга, и разговаривают с природой, и она понимает их! А тут: «какой-то даже грозный дождь с явной враждебностью к людям...».

Там тысячелетия. А тут всего одна ночь, с одиннадцати до шести.

Начинаем читать и сразу же, с первых слов, подпадаем под обаяние предельной, невозможной, непостижимой искренности, подпадаем под власть голоса, под власть музыки этой открытой настежь, израненной и милой души: «Я смешной человек. Они меня называют теперь сумасшедшим. Это было бы повышение в чине, если б я все еще не оставался для них таким же смешным, как и прежде. Но теперь я уже не сержусь, теперь они все мне милы, и даже когда они смеются надо мной — и тогда чем-то даже особенно милы. Я бы сам смеялся с ними, — не то что над собой, а их любя, если б мне не было так грустно, на них глядя. Грустно потому, что они не знают истины, а

я знаю истину. Ох, как тяжело одному знать истину!..»

Услышь эти слова (именно услышь) человек, ничего не понимающий по-русски, он и то подпадет под обаяние их музыки, он и то поймет, что случилось здесь что-то небывалое.

Мы узнаём, что Смешного постигло одно леденящее убеждение: «убеждение в том, что на свете везде все равно... мне стало все равно, и вопросы все удалились».

Он сидел в тот вечер у приятелей. «Они говорили об чем-то вызывающем и вдруг даже разгорячились. Но им было все равно, я это видел, и они горячились только так...» (сколько таких «горячих споров» на памяти, на совести у каждого).

Он выходит. В разрыве облаков видит вдруг звездочку: «эта звездочка дала мне мысль: я положил в эту ночь убить себя... И вот, когда я смотрел на небо, меня вдруг схватила за локоть эта девочка...»

И он... прогоняет ее! Мало того — топает, кричит и — уходит к себе на пятый этаж, стреляться.

«И уж, конечно бы, застрелился, если б не та девочка».

На него нападает один вопрос: почему он все-таки жалеет девочку, если ему все равно, а сейчас, перед смертью, особенно? Значит, не все равно?

И еще один вопрос: а соверши он какой-либо срамной поступок и очутись на другой планете, где никто об этом не знает, было бы ему все равно?

«Одним словом, эта девочка спасла меня, потому что я вопросами отдалил выстрел... Да, мне приснился тогда этот сон, мой сон третьего ноября! Они дразнят меня теперь тем, что ведь это был только сон. Но неужели не все равно, сон или нет, если этот сон возвестил мне истину?»

Здесь уже — другое, новое «все равно». Сон о звезде и девочка — спасли.

Девочка и звезда — предельно конкретный и предельно обобщенный образ совести. Спасла совесть: весть о беде девочки, о беде людей, весть о том, как бы сделать так, чтобы все были счастливы, весть о своей вине, о своей ответственности.

То, старое, «все равно» было затуханием, умиранием совести.

Может быть, самое странное в снах — это то, что во сне просыпается совесть, спящая, обманутая наяву.

И вот, он попадает (во сне, после своего самоубийства во сне) на другую планету, где живут «дети солнца». И он... развратил их всех! «Да, да, кончилось тем, что я развратил их всех!.. Как скверная трихина, как атом чумы, заражающий целые государства, так и я заразил собой всю эту счастливую, безгрешную до меня землю...»

Где он рассказывает это? Кому? Наверное, всем встречным, случайным людям, где-нибудь на площади, на дороге (он ведь уже бродячий человек, странник), в придорожном трактире...

«Заразил собой...» Заразил ложью, «красотой лжи». Но и ложь лишь средство самоутверждения, самовозвышения за счет унижения других. Заразил самолюбием, провоцируя самолюбие же. А точнее, быть может: умолюбием. Ведь такой «петербуржец», как его тысячу раз изображал Достоевский, это человек, который — при всем своем гигантском самолюбии — готов простить, проглотить любые упреки, любые обвинения в свой адрес (в нечестности, в бессовестности, в жестокости, в недоброте), но не простит только одного: малейшего сомнения в его уме. А уж обвинение-то в недоброте склонен или вовсе не замечать, или даже в заслугу себе поставить и умно объяснить, что недоброта необходима, а главное, что она, дескать, умнее доброты,

стало быть, лучше, нужнее, правее. Хотя в самой глубине души его живет убеждение противоположное — то, о котором проговаривается вдруг Раскольников Разумихину: «Ты всех их добрее, то есть умнее».

Одна из центральных идей-образов «Сна»: «Знание выше чувства, сознание жизни — выше жизни. Наука даст нам премудрость, премудрость откроет законы, а знание законов счастья — выше счастья». Вот что говорили они, и после слов таких каждый возлюбил себя больше всех...» (Конечно, здесь образ не знания вообще, а образ того омертвляющего смертоносного знания, которому Гете в «Фаусте» противопоставляет «вечное древо жизни».)

А вот художественный образ (это же не исторический, не социологический трактат) самой истории, совпавший бы, вероятно, с тем представлением об этой истории, которое создавалось бы у какого-нибудь инопланетянина, наблюдающего нашу Землю со стороны: «...чувство самосохранения стало быстро ослабевать, явились гордецы и сладострастники, которые прямо потребовали всего или ничего. Для приобретения всего прибегалось к злодейству, а если оно не удавалось — к самоубийству. Явились религии с культом небытия и саморазрушения ради вечного успокоения в ничтожестве...»

«...стали появляться люди, которые начали придумывать: как бы всем вновь так соединиться, чтобы каждому, не переставая любить себя больше всех, в то же время не мешать никому другому, и жить таким образом всем вместе, как бы и в согласном обществе. Целые войны поднялись из-за этой идеи. Все воюющие твердо верили в то же время, что наука, премудрость и чувство самосохранения заставят, наконец, человека соединиться в согласное и разумное общество, а потому пока, для ускорения дела, «премудрые» старались поскорее истребить всех «непремудрых» и не понимающих их идею, чтобы они не мешали торжеству ее...»

Поразительно, что даже христианство в этой всемирной панораме — лишь одно из вероучений (что, конечно, навлекло на Достоевского обвинение в «ереси»).

А Смешной? Он пытается их остановить, обвиняет во всем себя, но в нем видят юродивого, грозят сумасшедшим домом. И он проснулся от невыносимой скорби.

Прочь, револьвер! «О, теперь жизни и жизни! Да, жизнь и — проповедь».

И вот она, наконец, идея идей, мысль мыслей, истина истин: «Я видел истину, я видел и знаю, что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле. Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей. А ведь они все только над этой верой-то моей и смеются. О, как мне не верить: я видел истину, — не то, что изобрел умом, а видел, видел, и живой образ ее наполнил душу мою навеки...»

Прислушаемся к его голосу: то стон, лепет, жалкая, сбивающаяся речь юродивого, то крепнущая, звучащая, с металлом в голосе, вдохновенная и величаящая даже речь пророка. Да, весь рассказ держится личностью, судьбой, словом, голосом, музыкой голоса самого Смешного. Перебивы, переходы, тон, интонации этого голоса — такое действительно бывает только в поэзии и в музыке. Да это и есть, может быть, одно из самых поэтических и музыкальных (а еще и живописных) произведений всей мировой прозы.

Но главное в «Сне» — это, конечно, светлосность, это положительный исход, как бы к нему ни относиться. Достоевский так писал о задаче «изобразить положительно прекрасного человека»: «Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь. Все писатели, не только наши, но даже все европейские, кто только ни брался за изображение положительно прекрасного — всегда пасовал...» В литературе, продолжает он, «стоит всего законченнее Дон-Кихот. Но он прекрасен единственно потому, что в то же время и смешон... Является сострадание к осмеянному и не знающему себе цены прекрасному — а стало быть является симпатия и в читателе. Это возбуждение сострадания и есть тайна юмора...»

Не правда ли, здесь как будто наметка образа и нашего Смешного?

Он утопист? Конечно. А все-таки не совсем. Во-первых, нет у него никаких иллюзий насчет страшной реальности мира. Скажут: тем более утопист. Да, но, во-вторых, он ведь с себя начинает. Он все дурное о себе признал и — вытравил. Он будет искать и найдет ту девочку. Не так уж мало для начала. И еще одно, может быть, самое важное. Утопия, утопия — привыкли мы повторять. Но, в-третьих, ведь и самая немислимая утопия не раз становилась реальностью перед лицом смерти. Может быть, время и самой острой, смертельной угрозы роду человеческому и станет временем небывалых еще подвигов людей? «Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей» — что здесь утопического? Признайте это утопией и — что же останется? Вмг человеческого обесценился и растлится. Нет, идеал не утопия.

И еще одна прекрасная вещь: он не фанатик. Он, главное, терпим в своей истине. Но вот последняя — самая последняя — пронзительная, гениальная строчка. Только вначале о том, как она подготовлена. «Сознание жизни — выше жизни, знание законов счастья — выше счастья» — вот с чем бороться надо! И буду! Если только все захотят, то сейчас все устроится».

И здесь Достоевский делает какое-то отступление, какую-то отбивку, что ли (посмотрите!), как будто недостает ему всех привычных знаков, приемов, средств, чтобы выразить паузу, долгую-долгую и тихую-тихую, паузу, в которой слышится, однако, прерывистое, лихорадочное дыхание Смешного и чувствуется, как колотится его сердце, готовое выпрыгнуть из груди. Здесь слово как бы прямо переходит в музыку:

«А ту маленькую девочку я отыскал... И пойду! И пойду!»

И надолго она остается звучать, эта фраза, в душе, надолго врезается в память сердца, как стон-всхлип Юродивого в «Борисе Годунове».

Нет, быть может, во всей мировой прозе строки выразительнее этой.

Она вобрала, впитала в себя всю судьбу, весь живой образ Смешного.

Как ее встретили те неведомые слушатели, те случайные дорожные люди? Ведь слушали его, наверное, затаив дыхание, не прерывали, а может быть, верили — почти верили, хотели верить. Неужели насмеялись в глаза? Неужели плюнули в душу (себе, себе прежде всего)? Или уж потом насмеялись, потом плюнули, когда он побрел дальше? И так было, наверное, и так. А он все равно пошел, их любя.

II

Здесь — все основные идеи, темы, образы, все голоса всех основных героев Достоевского. Почти сплошные раскавыченные «самоцитаты». Но как при такой невероятной концентрации, при такой «тесноте» вышла не «опись», а создана настоящая поэма? Почему не задыхаешься в этой тесноте, а чувствуешь себя так, будто находишься на вершинах поэзии и музыки? Одной судьбой, одним голосом, одной музыкой голоса Смешного этого не объяснить.

«Сон смешного человека» — апрель 1877-го. Жить Достоевскому оставалось три года и девять месяцев. Эти двадцать страничек делались в сущности, всю жизнь (а писались, вероятно, в считанные дни).

Сколько у Достоевского таких комнаток в таких домах («наморков», «шкафов», «гробов»). Сколько таких штабс-капитанов, таких женщин с выводком забитых детей (вспомним только Катерину Ивановну из «Преступления и наказания»).

И девочка здесь — не просто эта девочка, а живой образ, заставляющий вспомнить десятки других, таких же, на улицах Лондона («Зимние заметки о летних впечатлениях») или Петербурга. А еще — ту девочку, из-за которой стреляется Свидригайлов, или ту, Матрешу с нулачком, из-за которой вешается Ставрогин («Бесы»). И Сонечку Мармеладову...

Черточки Смешного есть и в Макаре Девушкине («Бедные люди»), и в Алеше Карамазове, и, конечно, в князе Мышкине...

И тот же вопрос — назово будет человеку на

другой планете, совершившему грех на Земле? — и у Свидригайлова и у Ставрогина... И сколько было снов о прекрасном потерянном рае и о превращении рая в ад...

О «премудрых» и «непремудрых» говорил и Мармеладов в трантире, а «сверная трихина» была еще в последних раскольниковских снах. «Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные... Все были в тревоге и не понимали друг друга; всякий думал, что в нем одном и заключается истина...» И здесь, как и в «Сне смешного человека», барахтаются, копошатся и «Петруши» Верховенские из «Бесов», и «Великие инквизиторы» из «Братьев Карамазовых», мнящие себя господами, хозяевами жизни, а являющиеся на деле жалкими и страшными кровавыми шутами...

«Сон смешного человека» — как бы мозаика из всех прежних произведений Достоевского (и даже отчасти — из будущих). Но нет здесь ни одного «шва», ни одного «завора» между этими «кусочками». Все переплавлено в новое, цельное, самостоятельное.

Но «Сон» этот еще живет и в контексте русской и мировой культуры («Иванушка-дурачок», «мудрый дурак» — об этом прекрасно писал М. Бахтин). И если каждый великий художник как бы строит свой храм (художественную модель мира), то Достоевский строит его, используя в качестве «кирпичей», «блоков», и подручный материал «текущей действительности», но часто и свои собственные творения и как бы целые храмы предшественников, а здесь, в «Сне», он строит уже из целых мировоззрений, из целых эпох, даже будущих. И как это сделано!

Перечитываешь «Сон» еще и еще раз. Перечитываешь о страданиях как красоте, о любви к оскверненной земле... Опять что-то знакомое, но уже не из художественных произведений Достоевского. Он и сам, прямо, думал, говорил, писал: «Покупается счастье страданием. Таков закон нашей планеты... Великое дело любви и настоящего просвещения. Вот моя утопия!.. Я православие определяю не мистической верой, а человеколюбием, и этому радуюсь... Эта жалость — драгоценность наша, и искоренять ее из общества страшно... Простить из идеала только свято, а простить из цинизма, из срама, из цинизма эгоизма, т.е. трусости, — подло... Ведь я знаю, что выше этой мысли обняться с ничем нет...»

И еще: «...я всего только хотел бы, чтоб все мы стали немного лучше. Желание самое скромное, но, увы, и самое идеальное.

Я несправимый идеалист; я ищу святынь, я люблю их, мое сердце их жаждет, потому что я так создан, что не могу жить без святынь, но все же я хотел бы святынь хоть капельку по-святее; не то стоит ли им поклоняться!»

И сколько раз за это его самого объявляли смешным, больным, юродивым и, повышая в чине, — сумасшедшим.

Но еще и еще прислушаемся к Смешному: «Знаете, я хотел даже скрыть вначале, что я развратил их всех... Но как устроить рай — я не знаю, потому что не умею передать словами. После сна моего потерял слова...»

Старыми словами новую истину передать и нельзя.

Не напоминает ли это пушкинское:

И вырвал грешный мой язык,
И празднословный, и лукавый...

Не напоминает ли:

Как труп, в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал...

Когда Микеланджело изобразил себя в «Страшном суде», это было настоящее открытие. Он изобразил себя не так, как многие делали это до него и после: где-нибудь в углу, за спинами, в стороне, с ручным мольбертом (именно сторонним). Нет, он здесь — в виде собственной выпотрошенной кожи, шкуры, корсету, как ветшь, держит в левой руке фари-сей-наряд, его заклтый враг, а правой — выдавливает тюбик с красной, как кровь, выпускает... (Не так ли хотел выпотрошить Достоевского его «меценат» Победоносцев?)... Микеланджело осмелился представить себя в качестве персонажа мировой трагедии, трагического персонажа мировой истории, и не здесь ли, не в его ли именно фигуре и находится истинный духовно-нравственный, художественный центр всей картины?

Не решился ли и Достоевский на такое? Не мерцают ли в «Сне» черты и его духовного облика? Не является ли «Сон» опытом беспримерной духовной исповеди, духовной автобиографии, конечно, художественно преображенной? Именно — преображенной: не о тождестве я, конечно, говорю, а лишь о точках, о штри-

хах пронзительного сходства. И не эта ли могучая, но невидимая, сила, воля художника и является в конечном счете истинным центром и этой картины?

III

А теперь от апреля 1877-го вернемся к октябрю — ноябрю 1866-го.

С 4 по 29 октября он диктует юной «стенографке» Анне Григорьевне Сниткиной десять листов «Игрока». Момент высшего творческого вдохновения, а еще и момент зарождения любви. Тайное тайных (вдвойне).

8 ноября Анна Григорьевна навещает его. Он крайне возбужден и радостен.

— Не случилось ли с вами чего-либо хорошего?

— Да, случилось! Сегодня ночью я видел чудесный сон! Я придаю снам большое значение. Мои сны всегда бывают вещими...

И он рассказывает, как, перебирая (во сне) свой палисандровый ящик, где хранились его рукописи, письма и дорогие по воспоминаниям вещи, он увидел вдруг, как что-то там блеснуло — «какая-то светлая звездочка», оказавшаяся маленьким бриллиантом.

— Что же вы с ним сделали?

— В том-то и горе, что не помню. Тут пошли другие сны... Но это был хороший сон...

А потом было их объяснение в любви...

Когда Анна Григорьевна уходила, он остановил ее.

— А ведь я теперь знаю, куда девался бриллиант.

— Неужели припомнили сон?

— Нет, сна не припомнил. Но я, наконец, нашел его и намерен сохранить на всю жизнь... Не эта ли искорка счастливого мгновения и залетела в «Сон смешного человека»?

И всегда-то Достоевский искупал «свои грехи огромные» работой, главным образом работой, творчеством.

«Мое житие, конечно — работа... Одно убежище, одно лекарство — искусство и творчество... Трудно было быть более в гибели, но работа меня вынесла...»

Искупал, а все равно — страдал, все равно — корил себя за то, что мало дает, мало спешит дать непосредственного добра людям, близким, родным.

Но тут все сошлось, как никогда.

Накануне свадьбы с Анной Григорьевной он писал ей: «Ты мое будущее всё и надежда и вера и счастье, блаженство всё... Мне Бог тебя вручил, чтоб ничего из задатков и богатств твоей души и твоего сердца не пропало, а напротив, чтоб богато и роскошно возросло и расцвело; дал мне тебя, чтоб я свои грехи огромные тобою искупил...»

И еще сильнее чудится, что в той картине, в картине «Сна смешного человека», мерцает, живет и не стирается уже облик самого художника, и убитого и воскресшего.

«А ту маленькую девочку я отыскал... И пойду! И пойду!»

И еще об одном сне.

Достоевский — неизвестному: «Объясните мне мой сон, я у всех спрашивал; никто не знает: на Востоке видна была полная луна, которая расходилась на три части и сходилась три раза... Потом из луны вышел щит (на щите два раза написано «да-да» старинными церковными буквами), который прошел все небо, от востока на запад, и скрылся за горизонтом. Щит и меч осиянные.

Что это? Сон о призвании?

IV

Достоевский словно первый из людей посмотрел — сумел посмотреть — на Землю оттуда и первый увидел то, о чем мы узнали только сейчас, сто лет спустя, от людей, физически побывавших там и поразившихся (все одинаково): как прекрасна и мала эта изумрудная голубая звездочка и как страшно представить, что она потухнет в самоубийстве, и как легко ей потухнуть. А что, если с нее во вселенную, в бездонный черный космос, будет доноситься какой-то чудовищной «азбукой Морзе»: «бо-бок... бо-бок...» Самоубийство последнего шанса, саморастление последней надежды...

Но для того он и пишет «Бобок», чтобы его не было. Для того и создает «Сон смешного человека», чтобы идеал не угасал.

Он много разглядел оттуда (и своих петербуржцев, и новых будущих, и нас, и себя) и — вернулся: «О, теперь жизни и жизни!» И он пошел, пошел, говорил, кричал, но мало кто его слушал тогда, мало кто слышал. «Сон» рассказал не только о прежнем Достоевском, но и о будущем, о Достоевском, произнесшем Пушкинскую речь. Тогда, 8 июня 1880-го, люди замерли на секунду, слушая эту речь, оторопели, осветились и — ни ему, ни себе долго не могли простить этой секунды. Опять: больной, юродивый, смешной, сумасшедший... Оказалось: гениальный.

В Л И В И И

А. СОФРОНОВ

Уже давно в ночной темноте осталась Одесса, где наш самолет, летящий в столицу Ливии — Триполи, заправлялся, уже слева можно было разглядеть почти незаметную желто-серую полосу среди горных вершин и темных облаков, а все казалось, что мы летим слишком медленно, а потом даже почувствовалось, что самолет не то идет по кругу, не то меняет маршрут, ибо желто-алая полоска вдруг начала медленно перемещаться с левого на правое окошко. Стюардессы спокойно ходили по салону, и лица их были невозмутимыми. Конечно, у нас возникала мысль, что в Триполи что-то происходит. Неужели американцы совершили новую агрессию против Ливии? Кто-то даже пошутил:

— Наверно, в нашу честь.

За окнами стало совсем светло.

— Придется садиться или в Тунисе, или в Алжире. Триполи не принимает.

Через несколько минут из уст одного из летчиков мы узнали причину задержки самолета в воздухе.

— На взлетной полосе в Триполи находится пакистанский самолет, что-то с ним случилось.

Вскоре самолет пошел вдоль берега моря. Небольшие острова. Тина у берегов. Лодки и даже виднеющиеся в них сети.

— Аллаху было угодно, чтобы мы сели здесь.

Самолет коснулся посадочной полосы. Вдали виднелись желтеющие пальмы. Здание с несколькими белыми куполами.

Аэропорт был пуст.

Вскоре нас выпустили из самолета. Это был аэропорт Джерба Джарис, расположенный неподалеку от столицы. Нас проводили в здание. Чисто. Спокойно. Постепенно появлялись служащие. Ушел стоявший у здания аэропорта самолет.

Более двух часов мы пользовались гостеприимством тунисской земли. Затем поднялись в воздух. И вот снова видна желто-коричневая земля. Одинокие пальмы и хижинки.

...Был уже полдень, когда мы оказались в новом, современном здании аэропорта Триполи.

Международная конференция солидарности с Ливийской Джамахирией открывалась вечером во Дворце народов. В это время дня Триполи не очень многолюден. Весь он какой-то светло-желтый, протянувшийся вдоль берега Средиземного моря. С аэродрома мы отправились в отель «Бич», расположенный на побережье. Нас ждали. Знакомые и незнакомые люди тепло здоровались с нами. Вестибюль отеля был наполнен делегатами. Они брали литературу, выпущенную к конференции. Смотрели телевизионные программы, в которых показывалась Ливия. Обсуждали последние события, связанные с маневрами 6-го американского флота, и разбойничье нападение на ливийские самолеты. Обсуждались результаты переговоров Садата с Рейганом, во время которых Рейган дал согласие на полную координацию деятельности специальных служб США и Египта против Ливии.

Ливийские газеты уделяли много места международной политике США. Они писали:

«Международная политика, проводимая администрацией Рейгана, представляет собой проявление терроризма и насилия по отношению к народам, борющимся за свою национальную независимость и прогресс» («Аль-Фаджр аль-Джадид»).

Другая ливийская газета, «Аз-Захф аль-Ахдар», подчеркивала стремление США к установлению своего полного господства, и прежде всего в богатых нефтью странах Персидского залива. С этой целью США опутывают регион сетью своих военных баз, размещают силы «быстрого развертывания», главная задача которых — подготовка агрессии против прогрессивных арабских государств и национально-освободительных сил региона.

Газета выражала серьезное беспокойство в связи с развернутой на Западе злобной кампанией против Ливии и одновременно происходящим вооружением Израиля, а также проамериканских режимов в Египте и Судане, выступающих с призывами к агрессии против Ливии и плетущих заговоры против руководителей ливийской революции.

Сразу же после американской провокации в Средиземном море марокканская газета «Опиньон» писала:

«Юридические соображения и условия, в которых имел место воздушный инцидент между США и Ливией, не идут ни в какое сравнение с его политическими последствиями. Даже ухудшение ливийско-американских отношений не может служить оправданием этого инцидента. Его истинный смысл следует искать в маневрах 6-го американского флота, которые были задуманы как своеобразный вызов Ливии с тем, чтобы испытать ее возможную реакцию.

Кроме того, как показывают факты, Вашингтон хотел «наказать Ливию» и сделать жест, адресованный не только ей. Инцидент с ливий-

скими самолетами произошел сразу же после подписания договора о дружбе между Ливией, НДРЙ и Эфиопией, чья политика не устраивает США. Он произошел также после решения президента Рейгана о производстве нейтронного оружия, которое было решительно осуждено Советским Союзом и вызвало протесты в Западной Европе», — пишет газета.

Появлялись все новые и новые подробности, сопутствовавшие так называемым военно-морским учениям США в Средиземном море. Конечно, в сообщениях американских газет не обошлось и без «бытовых подробностей». Газета «Нью-Йорк таймс» сообщила: «Заместитель министра обороны Фрэнк Карлуччи сказал сегодня, что «предложение о проведении этих учений было выдвинуто в связи с запуском ракет, что маневры подобного характера проводились в том же районе и раньше и что мы, несомненно, оставались в пределах международных вод».

Ни Карлуччи, ни кто бы то ни было из других должностных лиц не говорил публично, что в свое время президент Дж. Картер отказался разрешить проход в залив Сидра, где произошел воздушный бой. Однако в Вашингтоне состоялось информационное совещание для членов сенатской комиссии по иностранным делам при закрытых дверях, на котором было сообщено об этом решении Картера.

Сенатор Лэрри Пресслер (республиканец от штата Южная Дакота) сказал в интервью, что, поскольку подобный «прецедент» невмешательства был создан, он требует проведения слушаний в соответствующей комиссии, чтобы выяснить, почему правительство Рейгана без какого бы то ни было заблаговременного публичного объяснения отдало приказ войти в залив Сидра.

Более серьезно и обоснованно оценивали это событие серьезные люди Америки.

Один бывший официальный представитель заявил, что у всякого правительства бывает первый «момент истины». Далее он сказал, что правительство Рейгана, судя по всему, при этом первом испытании сумело избежать серьезных затруднений. «Представьте себе, — сказал он, — что было бы, если бы один из наших «F-14» был сбит. Это вызвало бы кризис».

Он сказал, что, насколько ему известно, самое большое упущение Белого дома состояло в том, что президента не разбудили раньше, и корреспондентам сказали, что его поставили в известность только по истечении шести часов после случившегося, на два часа позднее, чем проинформировала печать.

«Я предсказываю, что отныне президента будут будить всякий раз, даже при малейшем намеке на кризис, только ради того, чтобы избежать впечатления, будто президент в решающий момент спит», — сказал этот бывший официальный представитель.

«Откровенной провокацией» назвал проведение военных маневров ВМС США у берегов Ливии профессор Гарвардского университета Фишер. «Как можно иначе расценить тот факт, что США посылают свою армаду за тысячи миль к чужим берегам и начинают бряцать оружием. Когда же страна, на чьем пороге ведутся опасные игры, посылает самолеты, чтобы предупредить незваных «гостей» и попросить их удалиться, эти самолеты хладнокровно уничтожаются».

«Откровенно говоря, я считаю, что мы послали флот туда затем, чтобы спровоцировать инцидент, и мы его спровоцировали», — признал сенатор Б. Джонстон (демократ от штата Луизиана).

...Во Дворце народов в вечер открытия конференции, казалось, встретились люди буквально со всех континентов. Впрочем, это так и было. Хозяева конференции — ливийцы — открыли, что называется сердцем и душой своим гостям, сделали все, чтобы люди, родственные по духу, могли полностью высказать все, что хотели. Поэтому так горячо принимались выступления делегатов конференции, выходивших на трибуну.

Демонстрация за независимость Ливии * Будущее страны * Старый фонтан * Верблюжий базар * Девушки тоже служат в армии.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

На улицах Триполи * Возле музея.

Разные люди произносили речи, но все они, как выразился один из участников конференции, находились в одном окопе борцов с империализмом, сионизмом и реакцией.

Один из ливийцев, с которым мы познакомились во дворце, предполагая, что мы могли и не знать об этом символическом совпадении, сказал мне:

— А вы знаете, что было 19 августа, в этот памятный для ливийцев день? В этот день в порт Триполи вошел ваш теплоход «Дмитрий Шостакович» и привез первую партию советских туристов. Почти в то самое время, когда авиация 6-го флота Америки сбивала два наших самолета, капитан теплохода устроил пресс-конференцию по поводу регулярного обмена туристами между революционной Ливией и Советским Союзом.

...Люди в белой одежде, в чалмах сидели рядом с европейцами, южноамериканцами и, не зная языка друг друга, как-то находили общий язык, понимали друг друга. В перерыве после глубоко эмоционального выступления лидера ливийской революции Каддафи делегаты обменивались мнениями. Впереди еще предстояло несколько дней работы конференции, но уже и сейчас сразу почувствовалось ее направление. Горячо было принято выступление делегации Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, в котором говорилось:

«Администрацию Рейгана и ее пособников не устраивает решительный антиимпериалистический курс Ливийской Джамахирии, ее последовательная борьба вместе с другими участниками Фронта стойкости и противодействия против израильской агрессии и предательства жизненных интересов арабских народов, за срыв антиарабского кэмп-дэвидского сговора. Злобу и негодование милитаристских кругов США вызывает твердая решимость народа и руководства Ливийской Джамахирии давать отпор попыткам Пентагона навязать свое военно-стратегическое господство странам Ближнего и Среднего Востока.

Нельзя сегодня не высказать гневного осуждения в адрес Израиля, который при активной поддержке США ведет фактически необъявленную войну против арабских народов, грубо попирает права палестинцев и ливанцев, использует методы расовой ненависти и геноцида в Ливане и на оккупированных землях Палестины. С этим не может мириться ни один честный человек на земле».

С трибуны произносила речь невысокая черноволосая женщина:

— От имени революционных сил Сальвадора я приветствую всех, кто находится в этом зале. Наш народ ведет кровавую борьбу с теми, кто хочет поставить нас на колени. Многие тысячи сальвадорцев погибли в этой борьбе. Но мы не сдаемся и никогда не сдадимся. Я хочу сказать, что народ Сальвадора от всей души поддерживает борьбу народа революционной Ливии. Весь мир видит, что Рейган ведет борьбу не только против Ливии, но и против всех честных людей в мире. Вы знаете, что Никарагуа также подвергается провокациям со стороны Рейгана и его пособников. Наша конференция выражает волю народов против империализма. Мы стоим рядом, борьба у нас общая. Мы никогда не отступим от солидарности друг с другом.

Сальвадорке долго аплодировали.

Выступала англичанка Ванесса Реугрин:

— Западные банки знают, что их ждет трагедия. Америка напала на Ливию из-за внутреннего кризиса. Америка в кризисе, поэтому хочет захватить нефть в арабских странах. Это стратегия американского империализма. Мы, британские рабочие, знаем, что такое сионизм и что такое политика Садата. Мы от всей души поддерживаем идеи Советского Союза о сохранении мира.

Антонио Градо из Португалии сказал:

— В двадцатом веке изменилось соотношение сил в пользу борющихся народов. Будущее принадлежит нам!

Часов в десять вечера делегаты обычно собирались в ресторане на ужин. Здесь не было постоянных мест. Едва мы сели, как за наш стол подседа с переводчиком-ливийцем Марисоль Галиндо из Сальвадора. Мы поздравили ее с прекрасным выступлением и попросили написать для нашего журнала. Утром я встретил ее возле отеля. Фотоаппарат помог мне запечатлеть Марисоль. Еще через день я получил ее статью «Верим в победу нашего народа», которую мы публикуем в этом номере.

В один из дней палестинская делегация пригласила нас на обед. Возглавлял этот дружеский стол Самир Гаши. В окна ресторана виднелось синее море. День был солнечный, яркий. Казалось, в мире все спокойно. Палестинцы сидели с нами за столом, глаза их излучали дружеское тепло.

— Когда мы вместе, то не замечаем тех колючек, которые вечно нацелены на нас.

— Кто сражается за дело арабов или поддерживает их, против них всегда направлены колючки, — сказал Самир Гаши.

— Да, но мы сильнее. Это, кстати, доказывает и эта конференция в Триполи, которая является символом единства всех арабских народов. Да и всех борющихся народов. Я был в Египте более двадцати пяти раз. Всякий раз по делам Советского комитета солидарности стран

Азии и Африки или нашей писательской ассоциации. Более четверти века назад делегация, представлявшая страны Азии, посетила Гамаль Абдель Насера. После трехчасовой беседы мы услышали из его уст: «Каир в вашем распоряжении». Ныне никто из нас не отождествляет египетский народ с Садатом, который стал на черный путь измены и предательства борьбы арабских народов. Как известно, история не прощает предателей. Все больше появляется сил единства. Примером является Ливия — молодая мужественная республика, гостями которой мы являемся.

— Я с удовольствием вспоминаю время, которое провел в Советском Союзе. Мне надо было немного полечиться. К сожалению, долечиться не удалось, надо было возвращаться в Ливан...

— Надеемся, что время для лечения все же найдется.

Гаши улыбнулся:

— Я тоже надеюсь... Но мы рады, что встретились здесь, в Триполи, на этой конференции. Идет полезный обмен мнениями, особенно видна роль Советского Союза, который не просто помогает, а активно борется за освобождение пораженных народов. То, что наша встреча произошла на земле Ливии, особенно радует нас, так как Ливия активно сражается не только за свою свободу, но и за свободу всех арабских и африканских народов. Ливия отразила нападение США с чувством веры в свои силы, хотя силы эти неравны. Но когда у народа есть воля к победе — это главное. Мы считаем, что отражение американской агрессии показывает стойкость всех арабских народов. Находясь в Триполи, мы являемся свидетелями того, что Ливия, ее победа является стимулом для всех арабских народов. И эта конференция, ее единодушные говорят о том, что американцы никогда не смогут навязать свою волю, подчинить себе другие народы!

Мы внимательно слушали Самира Гаши...

В этот день кончалась конференция. Мы ожидали гостей на ее закрытие. И не ошиблись.

На вечернем заседании появились председатель Исполкома ООП Ясир Арафат, Президент Мадагаскара Дидье Рацирака, член Национального руководства Сандинистского фронта национального освобождения Никарагуа Даниэль Ортега и другие.

Гости выступили на закрытии конференции.

Президент Мадагаскара Дидье Рацирака указал, что причиной угроз в адрес Ливии является ее последовательная антиимпериалистическая политика, борьба против капитулянтских соглашений Кэмп-Дэвида, поддержка борьбы арабского народа Палестины и широкая помощь национально-освободительным движениям во всем мире, выступающим за свободу и национальный прогресс.

Агрессия ЮАР против Анголы совершена по прямому указанию Белого дома, заявил Рацирака. Он призвал к широкой солидарности с народами Ливии, Палестины, Анголы, отражающими пиратские действия США и их приспешников.

Соединенные Штаты Америки являются главным центром международного терроризма, заявил выступивший на заседании член Национального руководства Сандинистского фронта национального освобождения Никарагуа Даниэль Ортега. Однако террористическим действиям США противостоят силы сопротивления и борьбы за светлое будущее человечества.

Восторженно было принято выступление председателя Исполкома Организации освобождения Палестины Ясира Арафата. Он указал на актуальность и важность этой встречи, проходящей в момент, когда американский империализм перешел к открытому и грубому наступлению на прогрессивные силы во всем мире. Пиратское нападение американской авиации на самолеты Ливии в ее воздушном пространстве не случайно. В этом прослеживается заговор американского империализма и сионизма против независимых государств региона. Не случайны предшествовавшая этому грубая агрессия против народа Ливана и Палестинского движения сопротивления, пиратский налет на атомный центр в Ираке. Не случайны и маневры американских флотов в Индийском океане, в Северном море и в Карибском бассейне.

Арафат осудил принятое администрацией Рейгана решение о производстве нейтронной бомбы и размещении американских ракет средней дальности в Западной Европе. Он сказал, что эти решения несут реальную угрозу безопасности арабских стран и ведут к нагнетанию международной напряженности.

Арафат заявил, что опасным планам американского империализма все прогрессивные и демократические силы должны противопоставить свое единство и дать им решительный отпор. Арафат также заявил о солидарности с народом Ливии перед лицом непрекращающихся угроз.

Врагу удалось вырвать из рядов прогрессивных арабских государств Египет и превратить его в военную базу США, создать свои базы в Сомали и Омане. Однако, несмотря на этот заговор против арабской нации, сказал Арафат, несмотря на размещение в регионе «сил быстрого развёртывания» США, прогрессивные силы сплотят свои ряды и дадут отпор проидам американского империализма.

...На другой день Ливия праздновала 12-ю годовщину своей революции. На Зеленой площади более трех часов длился военный парад, показавший мощную военную технику — от ракет до тяжелых танков, грохотающих по асфальту. Был жаркий солнечный день. Мы сидели на трибуне среди африканцев, латиноамериканцев, азиатов, восторженно провожавших глазами колонну за колонной. Сама Зеленая площадь, видимо, не была еще приспособлена к такому количеству военной техники. Но мощь парада как бы нарастала от минуты к минуте. А когда уже все закончилось и были сняты все военные караулы, Зеленая площадь заполнилась и гражданским населением и военными, чувствовавшими себя действительно по-праздничному. Долго, кружными путями мы выбирались потом к своему отелю.

* * *

Через день мы улетали в Москву. Рано утром покинули отель, последний раз взглянули на морской берег. Город был тихим. Мы

* Новые дома *

В ожидании автобуса * Вход в музей * На зеленый свет * Делегаты конференции. Крайний слева — египетский революционный поэт аль-Хамиси, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» * Молодые ливийки.

ВЕРИМ В ПОБЕДУ НАШЕГО НАРОДА

Марисоль Галиндо.

В настоящее время реакция стремится столкнуть человечество на опасный путь «холодной войны» и гонки вооружений и оправдывает свою политику ссылками на вымышленный коммунистический заговор в странах Латинской Америки.

Этот же аргумент использует правительство Рейгана, чтобы оправдать прямое вмешательство в борьбу сальвадорского народа за свою подлинную свободу.

Военная и финансовая помощь администрации США военной хунте Сальвадора — в настоящий момент единственная опора, на которой держится этот режим геноцида, режим, который массовыми убийствами пытается помешать победе нашего народа.

Наша борьба имеет глубокие национальные корни. Она вызвана долгими годами репрессий и угнетения народа правящими классами. И эти причины, оправдывающие нашу борьбу, осознаются всеми народами мира. Это показывает, что аргументы североамериканских империалистов лживы, и обнаруживает, что их безумная, агрессивная политика во всем мире, и в частности в Центральной Америке, — единственный возможный для них ответ на наступление революционных сил, сторонников прогресса и мира.

Народы Центральной Америки борются за превращение региона в зону мира, основанного на справедливости и свободе.

Но мы сознаем, что кризис в нашем регионе — только один из очагов, спровоцирован-

ных империализмом, чтобы удержать свое господство в тех зонах, где народы сказали «баста!» и борются за свое самоопределение, и что только братский народ Советского Союза может в глобальном масштабе противостоять воинствующему империализму янки.

В настоящей международной обстановке мы сохраняем оптимизм, потому что знаем, что советский народ под руководством партии Ленина с первых дней существования первого государства трудящихся стремится к миру, с которым связаны надежды миллионов людей.

Мы одобряем и поддерживаем предложения Л. И. Брежнева о прекращении гонки вооружений, высказанные на XXVI съезде КПСС. Мы верим в мудрость и опыт руководителей советского народа, в их глубокое стремление к миру.

Наш народ там, в Сальвадоре, твердо идет к победе, веря, что имеет настоящих друзей в борьбе за мир и справедливость, которые делают все, чтобы не дать реакции разжечь новый мировой пожар.

Верим в победу нашего народа, а также в победу сил мира и прогресса во всем мире.

С братским приветом

Марисоль ГАЛИНДО,

член комиссии международных отношений Фронта национального освобождения имени Фарабундо Мартини.

ехали теперь уже знакомыми улицами, мимо старинных зданий и пушек, повидавших на своем веку так много драматических и радостных событий, последним из которых была ливийская революция, провозглашенная 12 лет назад. В почти безлюдном в это время суток городе были особенно заметны старые, разрушенные домики и новые, многоэтажные дома. Старые дома в Триполи сносили, чтобы построить для трудящихся новые. Некоторые из этих домов уже были заселены.

Шесть дней — небольшой срок, но и эти дни принесли нам много нового, а главное, помогли увидеть и узнать мужественную революционную Ливию, решительно вышедшую на дорогу новой жизни.

* * *

Прошло совсем немного времени после нашего возвращения из Триполи, и вдруг радио принесло весть о том, что в Египте во время военного парада было совершено покушение на Садата. Садат был убит. Уже всем известны подробности этого события. Я не хочу их пересказывать заново. Могу только вспомнить короткую цитату из газеты «Вашингтон пост», обращавшую внимание на «странную атмосферу», которая «скорее напоминает празднование, нежели траур по убитому президенту». Что же, американскому журналисту нельзя отказать в наблюдательности. Стоит, пожалуй, вспомнить сообщения газет и о том, как происходили похороны убитого на военном параде Садата. Гроб с телом президента был доставлен к месту похорон вертолетом. В результате строжайших полицейских мер на улицах Каира не было видно жителей. Судя по всему, ощущение боязни, что еще что-то может произойти, не покидало американских руководителей и покровителей Садата.

И невольно вспоминается неожиданная смерть человека, с чьим именем связаны лучшие страницы истории Египта, — Гамаль Абдель Насера.

Так случилось, что после одного из заседаний Ассоциации писателей стран Азии и Африки, созванного в Каире, мы вечером оказались в кинотеатре. На другой день предстоял отлет в Москву. И вдруг во время сеанса в зале зажегся свет. Перед экраном встал человек и срывающимся голосом сказал: «Умер Насер», — а потом помолчал и добавил: «Погиб Насер». И ушел со сцены. Все были ошеломлены. Раздались рыдания, крики... Но скоро все затихло. Подавленно все выходили из кинозала. На улицах Каира слышались рыдания...

Скорбь, всенародная скорбь по умершему Гамаль Абдель Насеру — вот что запомнилось мне тогда в Каире. В этом мы могли убедиться и на другой день, когда кружным путем добирались к аэропорту, уже зная, что для участия в похоронах Гамаль Абдель Насера летит в Каир Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

...Естественно, что не только египетская пресса, но и пресса всех арабских стран заполнена различными версиями и подробностями убийства Садата. Одна из центральных египетских газет, «Аль-Ахрам», поместила сообщение командующего республиканской гвардией бригадного генерала Махмуда аль-Масри:

«Покушавшихся было четверо. Только один из них являлся военнослужащим, брат которого был арестован в сентябре, во время кампании по борьбе с межобщинной рознью. Этот военнослужащий помог проникнуть на парад трем другим участникам покушения. Боеприпасы, которые, естественно, на парад не выдаются, были куплены в Верхнем Египте.

Когда три человека выскочили из остановившейся перед трибуной машины, президент Садат подумал, что они бегут к трибуне, чтобы приветствовать его. Он поднялся с места, и в этот момент четвертый

покушавшийся, который находился в машине, открыл автоматный огонь, и президент был ранен.

Национальные гвардейцы открыли ответный огонь. Хотя четвертый покушавшийся был ранен, он все же сумел выбраться из машины и побежал к трибуне. Двое террористов атаковали подковообразную трибуну по центру, а двое других наносили удар с флангов.

Когда началась перестрелка, один из офицеров национальной гвардии бросился на президента и накрыл его своим телом. Этот же офицер из пистолета застрелил одного из нападавших, который, как считает генерал аль-Масри, мог бы в противном случае уничтожить всех, кто находился рядом с Садатом.

Нападение и перестрелка продолжались около 30 секунд. Во время инцидента 2 офицера и 10 солдат национальной гвардии получили ранения.

Глубокое обобщение высказано алжирской газетой «Эль-Муджахид»:

«Убийство Садата — наглядное свидетельство того, как глубоко ошибался в своем собственном народе тот, кто взял на себя грязную роль защитника интересов империализма и сионизма в арабском мире. Со смертью Садата перевернута мрачная страница в истории арабской нации. Все это должно побудить арабов как можно быстрее покончить с авантюрой Садата. Смерть Садата должна стать концом политики предательства и капитуляции, антинародного курса служения интересам заклятых врагов арабской нации».

«Эль-Муджахид» призывает арабские страны проявлять бдительность перед лицом возможных вооруженных провокаций со стороны Соединенных Штатов, которые попытаются сделать все, чтобы Египет остался в орбите империалистического влияния.

Генеральный секретарь Египетского патристического фронта, бывший начальник генерального штаба египетских вооруженных сил генерал Саад эд-Дин аш-Шазли сделал заявление по алжирскому телевидению и радио:

«Садат предал Египет, предал арабское дело. Он вступил в союз с сионизмом и империализмом против арабской нации. То, что было предпринято некоторыми элементами египетских вооруженных сил с тем, чтобы ликвидировать Садата, является неизбежным результатом конфронтации с предательским режимом».

Можно было бы бесконечно продолжать высказывания международных деятелей по поводу убийства Садата. Корреспондент «Вашингтон пост» говорил, что на первых порах переполох в связи с этим событием был больше в США, чем в Египте. Надо же искать виновного. Все грозные слова обращены к Ливии. Это, дескать, она, ее лидер Каддафи виноваты во всем. Угрозы посыпались в адрес Ливии, — все вплоть до очередных «месячных» (!!) маневров. Как же, Ливия с ее трехмиллионным населением угрожает Египту, население которого превышает 40 миллионов, и Судану с его 18-миллионным населением?! Сказки для детей дошкольного возраста!

Ливия, ее друзья в арабском мире, на всей планете понимают, почему так американский империализм, сионисты Израиля заинтересованы в запугивании тех, кто ведет мужественную, бескомпромиссную борьбу за свою свободу и независимость. Конференция в Триполи, в которой участвовала и советская делегация, еще и еще раз показала силу и мощь единства людей во всем мире, показала единство друзей арабских народов.

Триполи — Москва.

ЗАГОВОР ВАМПИРОВ

Из письма АНТОНА ПАВЛОВИЧА ЧЕХОВА редактору петербургского журнала «Осколки» Николаю Александровичу Лейкину от 27 июня 1884 года:

«Сейчас я приехал с судебно-медицинского вскрытия, бывшего в 10 верстах от В(оскресенска)... Вскрывал я вместе с уездным врачом на поле, под зеленью молодого дуба, на проселочной дороге... Встревоженная деревушка, понятые, десятский с бляшкой, баба-вдова, голосящая в 200 шагах от места вскрытия, и два мужика в роли кустодиев около трупа... Стеречь труп днем и ночью до прибытия начальства — мужицкая, никем не оплачиваемая повинность... Вскрытие дает в результате перелом 20 ребер, отек легкого и спиртной запах желудка. Смерть насильственная, происшедшая от задушения...»

Врач и писатель А. П. Чехов показал в описании этой нерадостной процедуры, что секционные исследования — вскрытия могут производиться при самых различных обстоятельствах, даже на проселочной дороге. Но главное, как нам кажется, в этом отрывке — совет и требование соблюдать правило — «СТЕРЕЧЬ ТРУП ДНЕМ И НОЧЬЮ». Лучше не выразить мысль о необходимости сохранить все, что связано с насильственной

В начале нынешнего года американцы узнали многие неизвестные им доселе подробности заговора против президента Джона Ф. Кеннеди. Приоткрылась завеса над событиями, которые по прихоти сильных мира американского стали во многом совершенно уникальными в анналах всемирной истории.

...Перенесемся мысленно в центральный госпиталь ВМС США, расположенный в местечке Бетесда (штат Мэриленд). В него сразу попадаешь, выехав за официальную черту округа Колумбия, то есть столичного града Вашингтона. Здесь происходила процедура вскрытия тела 35-го президента Соединенных Штатов, убитого в далеком техасском городе Далласе. Здесь над трупом колдовал с двумя ассистентами капитан 3-го ранга ВМС США Джеймс Хьюмс. Эти патологоанатомы были назначены произвести вскрытие и исследовать мертвого. Их заключение о том, что президент был поражен двумя пулями сзади, расценивалось как краугольный камень доклада комиссии Уоррена. Оно легло в основу вывода, что Джон Кеннеди — жертва убийцы-одиночки Ли Харви Освальда.

В тот день и вечер мы, советские журналисты в США, как и американцы, были прикованы к те-

гроб, купленный в Далласе за 3 900 долларов, в серого цвета легковую карету «Скорой помощи» ВМС, поданную к самолету «BBC-1» на Эндрюс, и т. д. Примерно около 19 часов 22 ноября телевидение показало, как Жаклин вышла из этой кареты и на глазах у нескольких тысяч людей, собравшихся на лужайке перед госпиталем, вошла в вестибюль. Ей сказали, что вскоре приступят к вскрытию трупа.

В вестибюле госпиталя, имеющего вид цокольной залы с балконом, опоясывающим ее на уровне второго этажа, было довольно много народу, в основном военных, журналистов, операторов телевидения. Агенты секретной службы с трудом прокладывали путь Жаклин, на которую были устремлены взоры всех присутствующих. С нескрываемым любопытством рассматривал ее и стоявший неподалеку невысокого роста молодой человек в белом больничном халате. Спустя много лет его впечатления звучали так: «Она вошла через центральную дверь, направляясь в башенную часть здания. Ее окружали репортеры. Агенты секретной службы распахивали журналистов, прокладывая ей дорогу. Когда они оттолкнули репортеров, я явственно увидел ее. Не помню, какого цвета была ее одежда, но я помню на ней пятна крови».

Кастер, — агент секретной службы не хотел, чтобы люди знали, что мы с ним делали в тот момент».

Секретная служба (СС) создана в 1860 году для борьбы с подделкой американских денег. Находится в ведении министерства финансов. На СС возложена охрана президента, членов его семьи, вице-президента, основных кандидатов в президенты и вице-президенты, бывших президентов и их жен на протяжении всей их жизни, несовершеннолетних детей бывшего президента, а также приезжающих с визитом глав иностранных государств. К моменту покушения в Далласе число агентов секретной службы составляло 389 человек, в 1981 году их насчитывается около 1500.

Еще был в руках Кастера были непроявленные пленки рентгеновских снимков трупа ее покойного мужа. Вот так Кастер, скажет читатель. Невидимкой проник в карету «Скорой помощи», пустил в ход новое гениальное изобретение центрального госпиталя ВМС США и под носом ничего не подозревавших вдовы и брата президента сделал ему рентгенограмму!

Но агент секретной службы был приставлен охранять не новое гениальное изобретение американской науки и техники. Они с Кастером направлялись уже в третий (!) раз с непроявленной пленкой в верхнюю башенную часть госпиталя. В расположенной там лаборатории она проявлялась.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ВЕКА:

РОЗЫСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

смертью, в «первозданном» виде. Последнее обстоятельство по делам об убийствах, подчеркивал А. П. Чехов, особенно важно для последующих следствий и судебных разбирательств.

Эта прописанная гениальным чеховским пером аксиома патологической анатомии и судебно-медицинской экспертизы позволила нам, авторам, осмыслить те сложные и разноречивые материалы, с которыми мы хотим познакомить читателя.

Сложные медицинские вопросы нам помогли понять и уточнить московские медики — патологоанатом Владимир Васильевич Вещь и нейрохирург Анатолий Константинович Умрихин. Они сделали немало заметок на полях нашей рукописи. С их разрешения мы будем воспроизводить некоторые из них.

лезкрану. Глубоко в память врезались передававшиеся тогда телевидением сцены прибытия к центральному подъезду госпиталя ВМС в Бетесде кортежа машин, появление вдовы Кеннеди — Жаклин, вышедшей вместе с братом убитого — министром юстиции США Робертом Кеннеди и самым доверенным адъютантом покойного президента генералом Годфри Макхью из автомобиля, в котором подвезли гроб с покойным.

Позднее вышла книга Уильяма Манчестера «Смерть президента» (в русском переводе «Убийство президента Кеннеди», издательство «Прогресс», 1969 год), написанная по заказу клана Кеннеди. В ней рассказано о том, как Жаклин и другие летели с гробом из Далласа, как на военном столичном аэродроме Эндрюс их встретил Роберт Кеннеди, кто и как грузил тяжелейший бронзовый

Прежде чем вернуться к воспоминаниям этого случайного свидетеля, посмотрим на карету «Скорой помощи», оставшуюся у входа. Она все еще стояла там, пробыв в общей сложности у центрального подъезда около четверти часа, и отъехала от него лишь тогда, когда Жаклин уже поднялась вверх в имевшиеся там «президентские апартаменты» госпиталя. У человека в белом больничном халате был, ну, скажем, спутник. Здоровенный ребенок, который в тот момент, когда они почти столкнулись с эскортом Жаклин, тронул молодого человека за плечо и проговорил: «Ну, хватит глазеть, пошли...» Немного словным детиной был агент секретной службы, его подопечным — рентгенотехник госпиталя ВМС в Бетесде Джеррол Кастер. «По какой-то причине, — продолжает свои воспоминания того вечера

Следовательно, первая и вторая съемки совершались еще до прибытия кортежа с телом президента к центральному подъезду госпиталя. Да, да, они уже снимали мертвого Джона Кеннеди.

Разумеется, неуместно звучат в этой ситуации слова «Фигаро здесь, Фигаро там», но они приходят невольно и не оставляют вас до того, пока, наконец, не поймешь, что бронзовый далласский гроб, который сопровождали Жаклин и Роберт Кеннеди из Эндрюса в Бетесду, был... пуст. Пуст уже хотя бы потому, что, пока они ехали, рентгенотехник Джеррол Кастер под неусыпным наблюдением секретной службы делал снимки трупа Джона Кеннеди и таскал пленку для проявления в другую часть госпиталя.

Кастер и его напарник рентгенотехник Эдвард Рид, а также фотограф Джон Стрингер начали рабо-

тать в морге примерно в 18 часов 35 минут — 18 часов 40 минут. Буквально каждый их шаг, каждое движение регистрировались агентами секретной службы. Фото-снимки секретная служба проявляла сама. Иными словами, она отбирала у Стрингера цветные и черно-белые негативы. Стрингер был опытным медицинским фотографом, специализировавшимся на съемках при вскрытиях. Но ему не дали показать свое умение и искусство. Ему приказывали фотографировать на таких расстояниях и под такими углами, которые не позволяли создать необходимо четкие и объективные документальные свидетельства для будущих экспертиз. Стрингер ахнул, когда через несколько лет увидит качество отпечатанных снимков — бледные, трудноразличимые и т. д. Позднее он убедится, что некоторые из снимков вообще исчезли. «Пропали», в частности, снимки продольного разреза правого легкого, которое имело «кровоподтек» или «отек». В морге делался и кинофильм, но почему-то агенты секретной службы засветили его там же, на виду у присутствовавших.

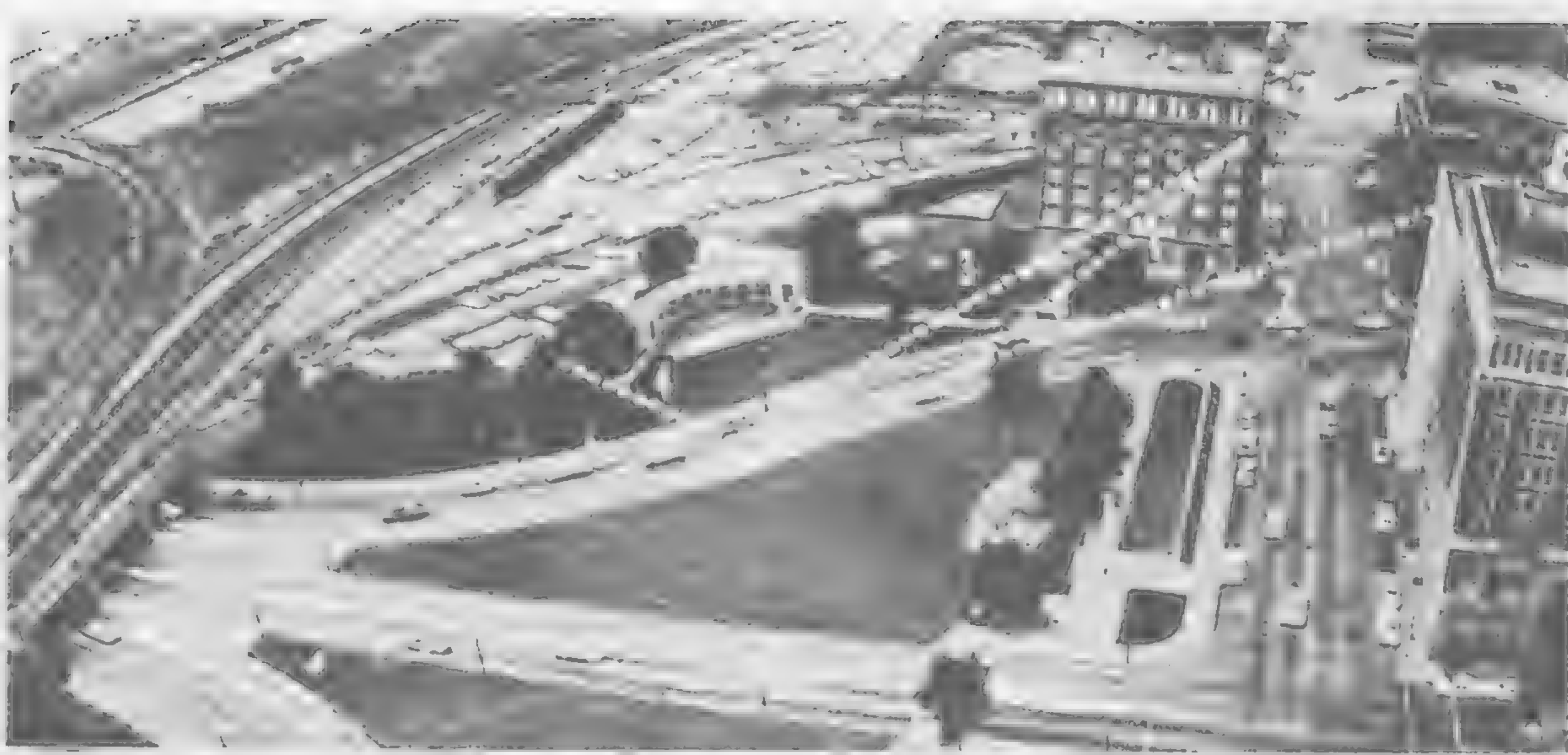
Заметки на полях

В. В. ВЕЦЬ. Абстрагируясь от этих выглядящих просто неправдоподобно и нереалистически происшествий, следует обратить внимание на следующее. При наличии у патологоанатомов и судебно-медицинских экспертов мертвого тела, которое, как подчеркивал Антон Павлович Чехов, должно быть сохранено до прибытия врачей в «первозданном» виде, все полученные при секционном исследовании — вскрытии — данные должны компоноваться, чтобы создать объективное представление об истинных причинах насильственной смерти.

Специалисты, которые, занимаясь своим делом, внимательно присматривались к тому, что же сделали с их президентом в Далласе. При этом их пожирала профессиональная пылкость медиков и чисто человеческое любопытство.

Один из них сказал, что его первым впечатлением было: президента привезли с поля боя.

А Джеррол Кастер, переходя к описанию виденного, сказал: «Рана на голове была колоссальна. Я

Даллас. Место покушения на президента Кеннеди. Пунктирными линиями обозначены предполагаемые направления полета пуль. Цифрой «4» отмечен травянистый бугор — впереди справа по ходу президентского кортежа.

мог просунуть в нее обе мои руки сразу». Далее он выразил мнение, что выстрел в голову пришелся спереди. «Если вы когда-либо участвовали в охоте, вы, как и я, знаете, что когда пуля проходит через тело, она проделывает маленькое входное и большое выходное отверстие. Вот точно так выглядела его голова».

Без подробностей, но такую же мысль высказали Рид и Стрингер: пуля вошла в голову спереди.

У рентгеновских снимков и фотографий, сделанных в таких необычных обстоятельствах, был тернистый путь, которого мы еще коснемся ниже. Здесь же хотелось бы отметить, что Кастер, Рид, Стрингер и все другие присутствовавшие на вскрытии дали подписку никогда и никому не разглашать все, что они видели и слышали в тот день в госпитале Бетесды. Подписку с них по указанию секретной службы брало начальство госпиталя, в случае ее нарушения виновному грозил суд военного трибунала. И они молчали 15 лет, хотя то, что они узнали, когда появился доклад комиссии Уоррена, явно не вязалось с ре-

альными событиями, очевидцами и участниками которых им пришлось стать.

Под нажимом специальной комиссии по расследованию убийства конгресса США (СКРУ), которая в 1976—1978 годах занималась расследованием убийств Джона Кеннеди и Мартина Лютера Кинга, министр обороны Гарольд Браун отменил в 1978 году запрет, содержащийся в подписках, что и объясняет появление на свет многих (но еще далеко не всех) сведений, касающихся возникновения ситуации «Фигаро здесь, Фигаро там».

Многие дававшие подписку верили, хотя им этого официально не говорили, что ситуация «Фигаро здесь, Фигаро там» возникла из-за необходимости обеспечения сохранности тела убитого. Они воспринимали появление пустого гроба как один из маневров в хитрой маскировке с целью гарантировать сохранность трупа в «первозданном» виде. Они перешептывались между собой о каком-то ложном санитарном автомобиле-кадете, идентичном тому, который прибыл с Эндрюса, о ложном маскировоч-

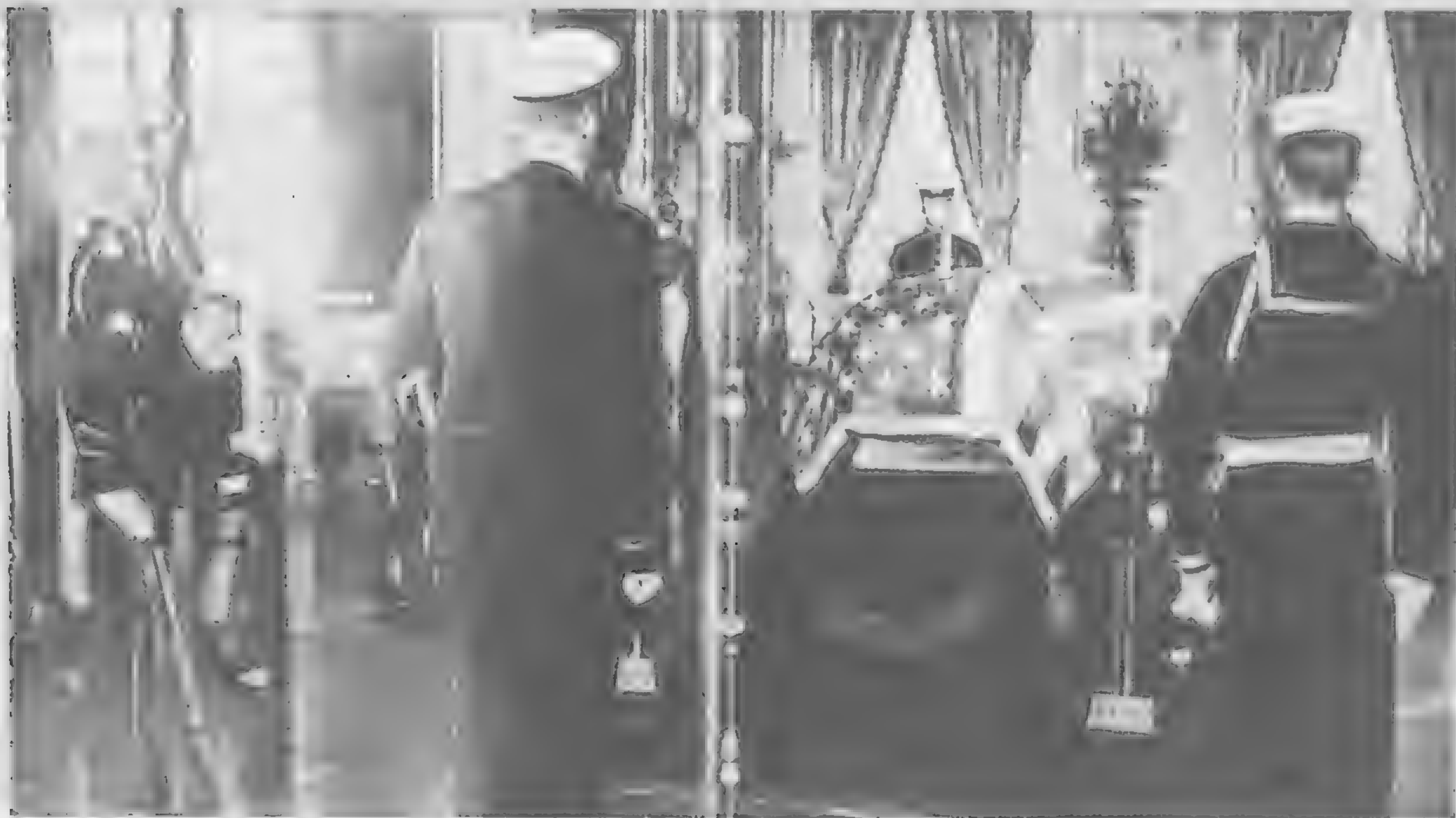
ном гробе, об использовании разных ворот для въезда на территорию госпиталя, о каких-то трех (!) ложных вертолетах, участвовавших в операции по доставке ложного маскировочного гроба, и т. д. и т. п.

Были, однако, среди свидетелей скептики. Они не могли принять на веру слухи о том, что использование ложного гроба было продиктовано какой-то особой, в том числе судебно-медицинской, необходимостью. Весьма таинственно был внесен в морг госпиталя этот гроб на глазах у врачей, прозекторов и других. Это был простой гроб. «Мы их называем «жестянками», так как ими пользуются самые бедные люди для перевозки трупов», — сказал один из медицинских работников, вынимавший труп президента из «жестянки». Скептики уже тогда заподозрили что-то неладное в «маскировке». Они сомневались, что она была вызвана соображениями безопасности, хотя это слово и было на устах у всех сотрудников секретной службы.

К скептикам в известной степени можно отнести двух агентов Федерального бюро расследований (ФБР) — Джеймса Сайберта и Фрэнсиса О'Нейла. В отличие, однако, от Кастера, Рида, Стрингера и других они не видели прибытия «жестянки». Не видели по той простой причине, что в момент внесения «жестянки» в морг они ехали в кортеже, сопровождавшем бронзовый далласский гроб с эндрюсского аэродрома в Бетесду. Нет никаких данных, устанавливающих факт то ли официального, то ли неофициального посвящения двух агентов ФБР в то, что тело убитого президента было доставлено раньше. Скорее всего им об этом никто прямо не сказал, и они либо услышали какие-то наводящие на эту мысль слова, либо почувствовали что-то неладное. При них в морг внесли бронзовый далласский гроб. Вносили гроб члены военного эскорта — представители всех родов войск. «Жестянку» вносили ранее люди в штатском, предположительно сотрудники секретной службы. Это Сайберту и О'Нейлу, видимо, не было известно. И вообще их пребывание в районе морга вызывало почему-то явное раздражение секретной службы.

Кто бы они ни были, секретной

Бронзовый гроб с телом Кеннеди в Восточном зале Белого дома.

службе не нужны были лишние свидетели. Однако все же надо было соблюдать мало-мальские формальности. Ведь тогда еще мало кто мог предсказать убийство «убийцы» президента — Освальда, впереди маячил суд над ним. «Поэтому,— пишет независимый исследователь Джошуа Томпсон,— представители ФБР и секретной службы находились в Бетесде, чтобы наблюдать за вскрытием с точки зрения судебной перспективы, получить пулю, которую могли извлечь из трупа, и доложить в свои ведомства о сделанных заключениях».

Сайберт и О'Нейл состояли в штате маленького отделения ФБР в мэрилендском городке Хайтсвилл близ Балтимора. Неясно, почему именно на них пал выбор (может быть, из-за тайной надежды на их неопытность). Но им дали задание встречать самолет «ВВС-1», присутствовать на вскрытии, получить пулю или пули, которые могли быть извлечены из тела убитого президента. На следующий день после вскрытия они составили докладную записку о том, что видели и слышали накануне. Обычно со своих рабочих заметок агент или агенты тут же диктуют докладную записку стенографистке, а немного спустя заходят к ней, берут текст, визируют и сдают начальству. На этот раз диктовку и визирование (26 ноября) разделяло три дня. Но и этот текст, судя по оригиналу, был основательно изменен и подчищен, правда, когда, неизвестно, но не позднее осени 1966 года — времени получения с него в архиве фотокопии. Как ни «работали» в ФБР над «усовершенствованием» текста докладной, все же из нее не вытравивли тех нескольких слов, которые послужили толчком для многолетнего кропотливого исследования, приведшего в конечном итоге к отысканию свидетелей событий, не зафиксированных ни в документах комиссии Уоррена, ни в книге Уильяма Манчестера, ни в десятках и сотнях других статей и книг на эту тему.

Но прежде чем повести рассказ об этих ключевых словах и о том, кто их нашел, посмотрим на подозрения, которые были у Сайберта и О'Нейла по поводу чего-то закулисного, происходившего в тот вечер в госпитале Бетесды. Признания этого (а судить о них можно только по фразеологии составленных ими докладных) еле приметны.

Так, 27 ноября Сайберт и О'Нейл допрашивают (!) нескольких агентов секретной службы. Причем — неслыханное в истории взаимоотношений этих двух спецслужб дело! — они снимают и записывают физические данные Уильяма Грейра, который сидел за рулем лимузина Джона Кеннеди в Далласе. Допросили они и Роя Келлермана, который возглавлял группу секретной службы в Далласе. Самое интересное, что эта пара — Грейр и Келлерман — была на вскрытии трупа Кеннеди в морге Бетесды 22 ноября и, как явствует из слов очевидцев, не отходила ни на шаг от Сайберта и О'Нейла.

Из докладной Сайберта и О'Нейла явствует, что в беседе с начальником отдела секретной службы, несущим охрану Белого дома, Джеральдом Беном, агентам ФБР было объяснено, по какой системе летели в Техас во время рокового для Джона Кеннеди визита туда самолеты «ВВС-1» и «ВВС-2».

Бен сообщил, что «ВВС-1» с президентом Кеннеди поднялся в воздух первым, а вслед за ним взлетел «ВВС-2» с вице-президентом Линдоном Джонсоном. В полете «ВВС-2» обогнал «ВВС-1» и приземлился первым с тем, чтобы вместе со своими земляками-техасцами Линдон Джонсон мог встретить президента. Есть основания считать, что отнюдь не из праздного любопытства или желания отомстить за недружелюбие в Бетесде Сайберт и О'Нейл потрошили Бена. Они, видимо, подозревали, что обратным рейсом из Далласа в Вашингтон в одном из двух самолетов летел пустой бронзовый гроб, а в другом — тело президента. Короче говоря, они решали ребус, как могло тело опередить их.

Это не могло быть их личным любопытством, как не могли остаться лишь при них их подозрения. С них подписки не брали, обо всех подозрениях — даже малейших — в такой ситуации, когда прошли считанные часы с момента убийства президента, не доложить они не могли. А это значит, что о них немедленно докладывали директору ФБР Эдгару Гуверу или его заместителям. Известно и другое — Гувер докладывал обо всем, включая сплетни личного, интимного характера, хозяину Белого дома. С новым же хозяином — Линдоном Джонсоном он жил по соседству в Вашингтоне и вообще был на короткой ноге. Даже если руководители секретной службы и не сочли нужным ставить в известность Линдона Джонсона о предпринятых ими действиях, новый президент немедленно узнал бы от Гувера все, что пронюхал бы последний.

Оказавшись таким образом на mine замедленного действия колоссальной взрывной силы (утечка информации — пусть даже «в руки» агентов ФБР о тайных делах в Бетесде), Линдон Джонсон получил дополнительный стимул для создания комиссии Уоррена с целью похоронить все неприятные для правительства слухи и возможные подозрения, в том числе и те, что просочились бы из-за кулис военно-морского госпиталя.

В докладе комиссии Уоррена и в 26 томах документов слушаний, которые проводились членами и сотрудниками комиссии, не нашлось места для наблюдений и сомнений Сайберта и О'Нейла. В документы не попала и их докладная записка от 26 ноября с довольно подробным описанием того, что происходило в секционном зале Бетесды позже восьми часов вечера 22 ноября. Не включены были в собрание документов и доклад ФБР о вскрытии трупа президента, датированный 9 декабря 1963 года, и дополнительный доклад ФБР на эту же тему от 13 января 1964 года. Почему? Сайберт и О'Нейл писали, что в теле президента (не считая головы) нет сквозной раны, что таково было мнение всех врачей, обследовавших и вскрывавших труп. Лишь на основе этого донесения Сайберта и О'Нейла (по телефону из госпиталя в штаб-квартиру ФБР) могла родиться телеграмма, отправленная в ночь с 22 на 23 ноября из штаб-квартиры ФБР в Вашингтоне в отделение ФБР в Далласе. В ней, в частности, сообщалось: «Общее вскрытие и общая рентгенография обнаружили одно пулевое отверстие чуть

ниже плеча вправо от позвоночника... Отверстие неглубокое, без выхода. Пули в теле не обнаружено... Патологоанатом в национальном медицинском центре ВМС высказывает мнение, что пуля сама выбралась из спины во время закрытого массажа сердца в Далласе до перевозки тела в Вашингтон». Сходная констатация содержится в основном и в дополнительном докладе ФБР о вскрытии.

Но позднее патологоанатомы «переосмыслили» раны, и в частности определили сквозной характер раны в верхней части спины. Разумеется, такого рода документы, вышедшие из недр ФБР, как теперь очевидно, по межведомственной неувязке, и не подогнанные к последующей официальной версии, рождавшейся в мучительных поисках вразумительного объяснения убийства Кеннеди, ни к одному из 26 томов не подходили.

Но независимый исследователь убийства Джона Кеннеди Пол Хоч обнаружил факт присутствия при вскрытии двух агентов ФБР. Это была осень 1966 года. По-видимому, в Вашингтоне решили, что, поскольку доклад комиссии Уоррена «выдержал» двухлетнее испытание, можно постепенно выпускать из архивов материалы, как-то с ним связанные. Кому в голову могло прийти, что доклады ФБР о вскрытии и докладная Сайберта и О'Нейла могли заключать в себе мину замедленного действия? По просьбе Хоча, уважаемого ученого, архивариусы нашли и выдали ему фотокопию этой докладной, которая хранилась не в центральном, а в далласском архиве ФБР.

У наиболее серьезных независимых исследователей сложилась к тому времени традиция: как только им в руки попадал важный документ, относящийся к убийству Джона Кеннеди, они тут же его размножали и рассылали «братьям по оружию». Один экземпляр пришел по почте и Дэвиду Лифтону — студенту инженерного факультета Калифорнийского университета. Пришел в довольно неприятный для Дэвида час. Его вышибали из университета за «хвосты». Действительно, два года перед этим он был настолько захвачен исследованием «темных пятен» Далласа, что совсем запустил учебу. «Вы окончательно свихнулись на почве убийства Кеннеди», — сказал ему декан факультета на прощание.

Прошло много дней, много дискуссий с товарищами вокруг докладной двух агентов ФБР, и, наконец, Лифтон заметил поразительный смысл слов, на которые он раньше не обращал внимания, которые не вызвали подозрений у других независимых исследователей, в том числе у Пола Хоча.

«Тело президента было вынуто из гроба, в котором он был доставлен¹, — сообщала докладная агентов ФБР Сайберта и О'Нейла, — и положено на стол для анатомического вскрытия. В

¹ Обращают на себя внимание слова «гроб, в котором он был доставлен». Спрашивается, из какого другого гроба мог быть извлечен мертвый президент? Специалисты легко обнаружили, что строка с этими словами в оригинале докладной подчищалась и исправлялась. Сайберт и О'Нейл, возможно, узнав о «жестянке», решили лишний раз перестраховаться, указав, что речь шла лишь об официально известном им далласском гробе.

тот момент тело было полностью завернуто в простыню, а на голове была к тому же дополнительная повязка, пропитанная кровью. Вслед за удалением этих покрытий было установлено, что на президенте не было никакой одежды и белья. Стало также очевидно, что ранее была произведена как трахеотомия, так и хирургическая операция в районе головы, а именно в верхней части черепа». Нейрохирурги в США и других странах говорят теперь по поводу последней части докладной двух агентов ФБР, что хотя сделанное ими описание выглядит весьма непрофессионально, в общем, оно понятно: было предпринято какое-то вмешательство после черепно-мозгового ранения.

В Далласе, пытаясь спасти жизнь президенту, сделали трахеотомию. Как впоследствии объяснили далласские врачи, она была произведена на месте обнаруженного ими пулевого отверстия в нижней части горла под кадыком. Они слегка расширили отверстие и вставили трубку, обеспечивающую дыхание. Это и была трахеотомия, о которой сообщали агенты ФБР в своей докладной.

Заметки на полях
А. К. УМРИХИН. Трахеотомия — это довольно несложная и быстро выполняемая операция по спасению человека от развивающегося удушья, при которой производится рассечение небольшого участка трахеи и вводится в ее просвет специальная трубка, обеспечивающая не только дыхание, но и создающая возможность отсасывать мокроту, кровь или рвотные массы, которые может аспирировать больной в бессознательном состоянии.

Ни в Далласе, ни на пути из Далласа, ни в Бетесде, согласно докладу комиссии Уоррена и всем другим показаниям, никаких хирургических операций на голове никто не производил. О чем же тогда писали Сайберт и О'Нейл? Каким образом могла родиться подобная констатация? Что за ней скрывается?

Эти вопросы всецело поглотили Дэвида Лифтона. Да, его декан как в воду глядел, отказывая ему в еще одной отсрочке на сдачу четырех экзаменов. Он ушел с головой в доказывание сложившейся у него в конце октября 1966 года гипотезы: в Далласе с травянистого бугра, к которому приближался лимузин Джона Кеннеди, в него был произведен выстрел; пуля спереди вошла в голову президента; тайно эта пуля была извлечена; пулевые каналы нарушены, чтобы скрыть истинные направления полетов пуль и вместо них «положить» новые, «доказывающие», будто стрелял один человек сзади. В изданной в конце 1980 года книге «Лучшее свидетельство. Скрытие фактов и обман в деле об убийстве Джона Ф. Кеннеди»² Лифтон описывает ощущения, охватившие его в тот момент, когда у него сложилась эта гипотеза.

«Я колебался, верить ли в то, что я обнаружил. Это была модель заговора вампиров... До этого момента мое исследование убийства Кеннеди напоминало туристское путешествие по дому, в котором якобы завелись призраки.

² Книга объемом в 747 страниц выпущена одновременно в США издательством «Макмиллан Паблшерс и К°» и в Англии — «Колльер Макмиллан Паблшерс».

Туристам ведомо, что дом, конечно же, свободен от призраков. Некоторые из них могут поволноваться и даже вскрикнуть, а то и возопить, но они больше прикидываются. Все эти возникающие в доме опасности и страхи — кажущиеся. Но в тот вечер, когда я натолкнулся на докладную ФБР, я будто попал в такой коридор дома, который до этого никто никогда не обследовал, и, увидев кровь, струящуюся из-под двери, открыл дверь и нашел труп. Я бы вздохнул с облегчением в тот вечер, если бы мне сказали, что это открытие, каким бы ужасным оно ни было, известно властям и что что-то было сделано пусть даже и за кулисами... Но я был уверен, что я гляжу на что-то новое и ранее неизвестное, на механизм, с помощью которого заговор на высоком уровне замаскировал свои собственные следы...

На слова двух агентов ФБР о хирургической операции на голове мертвого президента обратили внимание и калифорнийские журналисты Перри Эдамс и Фред Ньюкоум. Они также начали большую исследовательскую работу по сравнению описания ран далласскими врачами, пытавшимися спасти Дж. Кеннеди, и военными патологоанатомами. Разница двух описаний была существенной. Не зная о гипотезе Лифтона, калифорнийские журналисты в начале 70-х годов пришли к сходному с ним мнению, выразив его так: «Должен был существовать сговор с преступной целью — изменить единственный в своем роде самый важный элемент свидетельства — тело президента — и таким образом замаскировать характер и происхождение его ран».

В подтверждение своего вывода Эдамс и Ньюкоум ссылались на существовавшее и в американских медицинских кругах мнение, что состояние трупа, описанное военными патологоанатомами, вряд ли могло возникнуть, если бы к трупу не прикасались после его отправки из Далласа. В концентрированном виде подозрения американских медиков были выражены журналом «Джорнэл оф форенсик сайенсиз» («Журнал судебных наук»), который писал, что серьезнейшей ошибкой комиссии Уоррена было отсутствие с ее стороны «попыток установить, доставлен ли был труп в госпиталь ВМС в Бетесде в том же состоянии, в каком его отправили из Далласа, или же нет».

Журнал многозначительно продолжал, что «при любом судебном разбирательстве потребовалось бы это сделать», то есть удостовериться в отсутствии следов фальсификации ран. В 1974 году калифорнийские журналисты закончили рукопись «Убийство изнутри», показав несоответствие описаний ран в Далласе и Бетесде. Эдамс и Ньюкоум отвергали мысль о том, что если две группы медиков изучали один и тот же труп, то они могли бы прийти к различным оценкам. Значит, раны были изменены. Журналисты писали, что после того, как «предполагаемые изменения ран были сделаны, характер ран (то есть были ли они входными или выходными) стал достаточно неясным и двусмысленным, чтобы позволить представить дело так, как если бы президент был застрелен выстрелами сзади».

(Продолжение следует).

Михаил ГОРБУНОВ

ПОЭМА

Посвящается
Киеву

1

А кто ты? С какого двора?
Творец на земле иль прохожий?
Так долго — уж вынуть пора —
Блуждал тот осколок под кожей.

Так долго давался рывок
Вернуться в свое пепелище.
Прости мне, степной островок,
Что дудочка утром не свищет.

Вот вскинусь над всей мишурой,
Над горечью давних развилки —
То я ли, сморенный жарой,
Стою, как полынный обломок?

Стою, опьяненный светом,
На дымку степную глазею...
А солнце все небо сожгло —
Золу осыпает на землю.

Так мир проступал пред тобой,
Судьбою дарован во благо,
Как пламень картинки сводной,
Когда отслоится бумага.

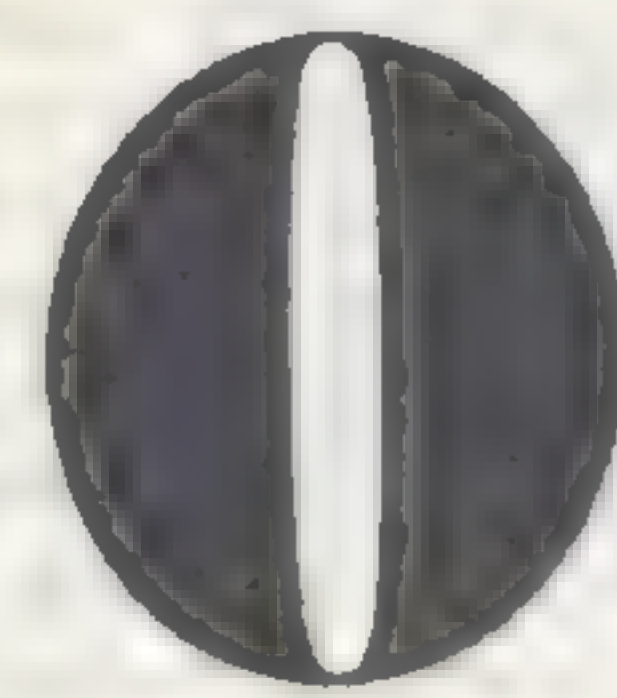
И — с твердой эпохой в ладу —
Ты выпытал мало-помалу,
Что здесь вот, в полынном чаду
Чапаев гулял по Уралу.

(Сперва из кино. Будто вор,
Ты — истины той не нарушу —
Раз двадцать проник — сквозь забор! —
На фильм, вынимающий душу.)

Здесь шел Емельян напрямик
Противу царева закона,
И, с Дона попав на Яик,
Взял нашу, яицкую, в жены...

Нас в жизнь не толкали силком.
Стяжала ребячья орава,
Чтоб быть — не голик-голиком,
Святое наследное право

На отчую твердь, где впервой
Души запульсировал ключик...

А в черной ночи снеговой
Лихой пугачевский тулупчик

Витал.
И, толкуя впросак
Присловье, не скажешь иначе:
Мой дед был по корню казак,
Отец — тот уж сын был казачий...

А дед, хоть носил посошок,
В дому, как в возу был тот шкворень...

А мир, будто степь, был огромен,
И соль по степи — как снежок...

Ах дед...
Был за дедом грешок,
Свой давший глубоконый корень.

2

То время — во мгле голубой,
Когда с бережка, будто с крыши,
По пушке, с казачьей гурьбой
Слетал он на лед с багровищем.

Ах, багренье *! С той уж в ладу
Эпохой, так и повеет:
Застыли
Белуги на льду —
Горбы от багров багровеют.

Ах, тот вожденный искус.
Всесилье точеной заструги...
Уж в Питер пошел «царский кус» —
Трезвонят почтовые дуги,

А багренье — ветер гонисы! —
Хмельное от фarta и крови,
До Каспия катится вниз,
Летит от ятови к ятови **.

Да к сыну спешит от отца,
От века да к веку другому,—
Урал еще просит певца,
Завидует тихому Дону...

Мой дед — он не лез на рожон,
Но в Питер тот —
За што ли, про што —
На лекаря был отряжен
Учиться с казачьего кошта...

Возы были рыбой полны.
Долгонько обозы трусили.
Подобно посланцу Двины,
Возжегшему славу России,

Ушел он.
Но, младший двойник,
Не вспрыг до звезды иль медали,
И вот под Полтавой возник —
На практике, — мы бы сказали.

3

А там закипела весна,
Замлели сады вокруг лекарни,—
И нежно пропела струна,
Дотоле молчавшая в парне.

Девчонка в дыму золотом
Калитку ему отворяла...

* Багренье — зимний лов красной рыбы на Урале. Он начинался в определенный день и час с выстрела пушки.

** Ятовь — логвище рыбы, откуда ее достают баграми.

Ч

Ш

Н

А

И только потом уж, потом —
Ударила пушка с Урала.

И, душу сомкнув добела,
Как в пытку, побрел он в дорогу...
Такая-то слава пришла
За дедом к родному порогу.

И был он судим посреди
Родимого круга честного,
И знал, что хоть терем клади —
Так прочно казацкое слово:

Езжать, не показывать глаз
Без той золотой украинки...
И тянется ниточка в нас
Прекрасной и сродной кровинки.

В степи, где земля, как зола,
Где зимы лютуют сурово,
Сквозь годы текла и текла
Певучая бабкина мова.

И, в лекарях сделав свой след,
В известных масштабах светило,
Всё в ножки ей кланялся дед —
Да было за что, да и было.

Росли мировые сыны,
Да внуки тянулись к ним вровень...
В крови прогудевшей войны
Светится та нитка их крови.

О доблестях, о подвигах, о славе —
Так память непогасшая велит...
И вот весна и Киев светлоглавый
В свечах каштанов, в звездах братских плит.

Да юбилеем Рады той былинной
Соединивший вместе даль и близь...
В который раз Россия с Украиной,
Как две сестры родные, обнялись.

В который раз не гости никакие,
Браты в братах — читаем ту главу:
У Лавры замираем, у Софии,
К Владимиру приходим по родству...

Та даль Днепра, смягченная туманом,
Тот ранний пробрызг солнца по траве...
И добрый конь танцует под Богданом,
И булава протянута к Москве.

Все было так, как было, не иначе,
Уж как бы то не нравилось врагу...
Вот Переяслав, стольный град казачий,
Кипит котлом артельным на снегу.

Под пение литавр и колоколен,
С червонным бунчуком над головой,
Речет Богдан, речет народ весь: — Волим!
Есми вовек едино быть с Москвой!

И он живет три века с добрым гаком,
Тот вещий вымах гетманской руки...
Уже давно раскрыт могучий атом,
И в звездный рой земные светляки

Вплелись.
А мы (не ради черствой склоки
С прекрасной новью — слава ей тройне!)
Все ищем те — всему свои — истоки
В иной, как бы обратной глубине.

И видится в том ищущем прищуре —
Да тронь еще народную молву, —
Как Киевский — долга рука! — князь Юрий,
Великий вправду, ставил град Москву.

И Русь в веках свое сказала слово,
Выхватывая грозы из ножен:
Мамай повержен в поле Куликовом,
Карл под Полтавой в бегство обращен.

Вот там еще — в веках — зажжен впервые,
Как луч строки, раздвинувшей тома,
Пройдя сквозь все эпохи межевые,
Сквозь революций чистые грома;

Сквозь юный мир, живой, как древа завязь,
Сквозь грозный ад, разверзнутый войной,
В глуби народной выросши и сплавясь
В гранит под сенью вечности самой, —

Тот луч прошел с земли — до самой выси,
Как будто незакатно и светло
Единое полеглих тысяч, тысяч
Единой ветвью сердце проросло.

Нет выше и прекрасней обелиска
В неслышных крыльях Вечного огня.
Нет горше —
Плиты, плиты, плиты — списка
Моих друзей, глядящих на меня.

В цветах гранит. Печаль к душе прильнула,
С цветка к цветку летят, летят шмели.
Гудит в груди тем выстрадавшим гулом,
Идущим от войны и от земли.

И мы, когда-то вышедши из боя
Живыми — что там выпало, не в счет, —
Плечами слышим небо грозовое —
То вечность неподкупная течет.

И видим, как, проросшие из тигля
Войны, прочней египетских громад,
В Смоленске, и в Хатыни, и в Путивле
Те ветви сердца гордые стоят.

Их никогда ничто не поколышет,
А те, кто здесь нашел себе приют, —
Великие собратьев кровных тыщи
Сынам своим оружие отдают.

Те тысячи броней веков одеты,
Да тысячи сынов — стена к стене —
Как торжество пророчества поэта
О вольной, новой — все сбылось! — семье...

И все опять в заявье первозданном.
Каштан цветет. Шмели гудят. Весна.
И добрый конь танцует под Богданом.
И булава к Москве обращена.

А кто ты? Какими разим
Страстями на судбище строгом?..
Сквозь самую зиму из зим,
Греховно забытую богом;

Сквозь тысячу тусклых «увы»,
Сквозь тихие двери и лица,
Сквозь тот переулок Москвы,
Где грозно царила больница;

Сквозь лютые те холода,
Сквозь бой неминуемого часа,
Ведь вправду, беда не дуда:
Сыгравши, не кинешь за прясла;

Сквозь вмерзшие в глину цветы,
Сквозь тошную видевшей виды —
Еще у могильной черты —
Отраву дворовой Фемиды, —

Да в грохот вагонный, в зарю,
Когда, как спасенье, помнилась
Того января к январю
Другому сошедшая милость...

Едва зачиналось в стволах
Дневное движенье, скольженье,
И Киев в литых куполах
Таинственно шел на сближенье.

Он шел, как другая звезда,
Одетый в мерцающий иней.
И что там? Живая вода?
Иль нету ее и в помине?

Ах, эти скупые твои —
В горсти поместились — осколки:
Щемящая свежесть хвои —
Еще не малеевской елки;

Чужой караван из печи,
Чужие на елке игрушки...
Родная! Решенно почти
И мы шли навстречу друг дружке.

Как ясная просинь в грозу —
Другого от жизни не требуй, —
Та боль — на одном полозу —
И праздник. Тот жребий и жребий.

Пока в том, другом январе
С рассветной теплинкой кануна
Всю рваную брешь на коре
Живою смолой затянуло.

Пока, будто добрый залог,
У самого края обрыва
Занялся огнем уголек —
То доброе было огниво!

7

Мело по чашобам. Мело.
За самой метелицей следом
Со все очищающим снегом
Прекрасное утро взошло.

Пусть все повторится потом,
Как свет зоревое причала:
И — нам осенивший начало —
Владимир с высоким крестом;

И тишь оснеженной земли,
И синие линии зданий,
И легонький проштрих вдали
Моста меж двумя городами.

Нам жить-поживать на веку.
Мы этого долго просили.
Летали ножонки босые
Твои на сухом берегу.

И я, полынок голубой,
Тянулся в грядущее чудо...
Я все позабуду с тобой —
Я только оттуда, оттуда.

От сути на малый вершок,
Почту ль за особое диво,
Что дедов давнишний грешок
Во мне повторился счастливо.

И, значит, не в толк и не в счет
Паденья, смятенья, морщины.
И снег миротворно идет
С дарованной жизнью вершины.

И та подоспела пора,
Как малому — буки да веды:

Вершить уж свои купола
На этой отеческой тверди.

8

С годами год и век с веками в сплаве.
Ничто не канет в даях и громах.
И доблестям, и подвигам, и славе —
Венец к венцу в тех отчих теремах.

Что ни венец — своей сверкает гранью,
С другими вшит в нервующую связь...

Браты в братах, мы всю прошли Украину,
По-братски сострадая и дивясь;

Перемещались, в добрый гурт построясь,
По вишенному майскому теплу
От древней хаты, кланяясь ей в пояс,
К новейшему бетону и стеклу.

И — в гору, в гору — есть и наши Римы, —
К Тарасу — а высок тот пьедестал, —
Зато поля и впрямь необозримы,
И Днепр ревет — как он заповидал.

И снова шли, уже пред ним в ответе,
Кладя свои отличья на весы.
Пришли. Молчим на той священной тверди,
С какой росли великие венцы.

О Переяслав! Воля и опора.
Богданова могучая рука.
Еще звучит в тиши твоих соборов
Народный клич: — С Россией на века!

Не вишен цвет, а будто иней, иней,
Бунчук державно высветил древко.
И — клич Москвы: — Россия с Украиной!
Славутич с Волгой — вон как широко!

И вот стоят, того согласно клика,
Над вишенью, забившею двory,
Две женщины — одной семьи великой
Во бронзе, тоже вечной, — две сестры.

И тоже здесь, где встал едино колос
И меч — нерукотворная стена,
О той семье поэта судный голос
Провозвестил. И вызрело сполна.

Вот этот кров, где он творил под сенью
Семилинейки, мучась у стола,
Гадая: ветер бьет иль Вознесенья
Гудят во теми-тьмущей купола?

Стоим. Молчим. Да былъ приемлем свято,
Да чтим, что нашим годам в унисон
Тот дивный храм (избегши доли склада)
Воистину и внове вознесен.

В стенах его как бы раздвинут полог.
И день войны как бы из праха поднят:
Здесь смерти смерч и жизни торжество...

Но то народ вершил свой правый подвиг —
Кисть лишь увековечила его.

Тот день войны, тот бой на отчей тверди,
Тот Днепр, весь ад держащий на груди...
И был сентябрь. И длился сорок третий.
Плацдарм Букринский. Киев впереди.

9

Горит диорамы стена.
Здесь властвует память одна.
Седины склоня перед нею...
В судьбу, будто клин, вклинена,
Тебя попытала война
Немного южнее, южнее...

Южнее да позднее притом —
Рабочая бронь «помешала»;
Уже за Днепром, за Днепром —
За ним головня задышала.

А здесь, как достигнуть своей
Траншеи, ты слышал счастливо:

Уже зазвенел соловей,
Запела, как звонница, ива.

Была тишина разлита,
И в травах, возрастающих внове,
Вставала земля и вода
Из дыма, железа и крови.

Солдатская мать у окна
Молчала — во взоре кручина...
И смутно точила вина, —
Не ведал за что, а точила.

Как будто, невнятно трубя,
Еще доносились мортиры
С полей, где — увы! — без тебя
Такие снопы молотили!

Как будто свершил ты прогул...
Но тот, что был гуще и гуще,
Другой несмолкающий гул
Еще надрывал твои уши.

Гремя вседержавной стопой,
Что тяжче была год от года,
Как будто бы шла за тобой
Ночная громада завода.

Шел голод, работа без сна,
Шли рвавшие душу перроны:
Три шкуры спустила война
С тебя по охранной той брони.

И вот уж смыкались в груди
Тот, сзади ступавший, блазило,
И тот, что дрожал впереди, —
Два гула — в одно — два призыва.

10

Отдумал свое. Оттужил.
Единое взвесил начало.
И твердо в патронник вложил
Тобой же востренное жало.

И шел ты, солдат-имярек,
Судьбу не кроя по бумаге.
Тех рек перешлепал, тех рек
Промерил! Дотопал до Праги.

Достигнул — стволы добела.
Достигнул — даешь рукопашный.
Европа к дороге пришла,
Цветы осыпая на башни.

А все ж — к той весенней поре —
Как вспомнится — дорого-милу:
Вода золотилась в Днепре,
Земля самого золотила...

Давно возвратясь из пути,
Стою пред тобой, как пред мамой,
Шепчу пред твоей диорамой:
— Прости, Украина, прости.

Твой Днепр былинный в огне,
Порушена хата-калика,
И стонет, спекаясь, во мне
Твоя золотая кровинка.

Магический этот экран.
Полет напряженного слуха.
Средь храма — воистину храм
Святого народного духа.

11

И — «Ой, Днипро...» — звучит в настильном свете.
И ожил холст — приникни и следи...

Стоит сентябрь. Грохочет сорок третий.
Плацдарм Букринский. Киев впереди.

Орел, и Курск, и Харьков — бреши, бреши
В броне врага, и, встроясь в тот смычок,
Вот пять фронтов пройдут Левобережье, —
Ах, как он нужен, этот пятачок.

Вот этот берег, кромка косогора,
Еще от турка выжившей земли

С двумя — как свечки — главами собора, —
То Переяслав светит издали.

Грудь в грудь врага матерого осилив,
Всея державой вставши у древка,
О, Переяслав, вот пришла Россия —
Как ты судил в веках — и на века!

И новый смысл в твоём набатном вече —
То поступь Революции слышна.
Вот пробил час. И всех народов плечи —
Одно в одно. Браты в братах. Война.

И тот собор уж с этого пригорка
Прочерчен — с боем пройдена река!
А начинала горстка, горстка, горстка
На утлой лодке местного дедка.

12

Был каждый — бог по части «белых пятен»
В траншеях вражеских — суша иль вода:
Семенов, Иванов, да Сысолятин,
Да Петухов (посмертная Звезда).

Всем Звезды им — ему поболее весом;
Он — грудью в дот. И, гневом опален,
Сенашкин с ротой в берег вражий въелся,
И Балоян впечатал батальон.

А вслед бригада бой сведет до толка.
Бомбят ее. Стригут ее строи.
Вода клокочет — брызги иль осколки
По каскам бьют? Понтон от тонн брони

Гудит. А тут, на этой кромке кровной,
Сомкнулись в рукопашной берега:
Дымят повозки, хаты, гильзы, бревна,
Глаза остекленели у врага,

В них страх и тлен — кто жив еще, кто там уж;
Земля горит под ними — не слова...

Земля! Ты вновь и вновь из пепла встанешь
И вишенки оденешь в кружева.

И жита звон сквозь зной прольется снова...

Пока ж, взглядишь, тут смерть царит черно:
Сестричка, дочка, Зинушка Смирнова
Полковнику Андриющенко чело

Бинтует. Он — ты слышишь, Украина? —
Погиб, Герой, среди грозных пепелищ,
И — летопись навечно сохранила —
Пал Балоян — Армения, услышь!

И он — Герой. Пойдут года со склона,
И вместе с ним привидятся, как сон,
Все тридцать два Героя батальона —
Созвездие народов и имен!

Пока же — бой. Атак череда сквозная.
И из дали — так мнится — в этот бой
Урал идет, Сибирь идет, сияя —
Царь и царица! — сталью огневой.

Не мнится — подтвердилось слово в слово
На этой кромке почвы и воды:
Все, что ни есть от века корневого,
Раскинуло победные плоды.

Здесь, на земле, где встали легендарно
Далекие и наши времена, —
На пятачке Букринского плацдарма
Вся истина глубинная видна.

Весь наш народ пошел на кручу кручей...

И я уже отвесьть не в силах глаз
От человека — тут ничуть не случай! —
Ведущего о битве той рассказ.

Он сам как будто вышел к нам из схватки,
И вот рисуют Дантовы круги
Уже не слово — рук его остатки
Да — скрип металла в дерево — шаги.

И самому дано на тропах века
Вершить свой кров, свой долг и подвиг свой...

Ах, Николай Данилович Шавейко —
Один из тысяч, равных пред судьбой.

В. Мешков. Род. 1919. ВСТУПЛЕНИЕ КРАСНОЙ ГВАРДИИ В КРЕМЛЬ. МОСКВА, 2 НОЯБРЯ 1917 Г.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50

Р. Барышников. Род. 1924. НАШ ПАРОВОЗ ЛЕТИТ ВПЕРЕД.

Москва, 6 ноября 1981 года. Кремлевский Дворец съездов. Торжественное заседание, посвященное 64-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

Во время встречи.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС).

Прием Л. И. Брежневым участников совещания секретарей ЦК коммунистических и рабочих партий социалистических стран

4 ноября Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев принял в Кремле участников совещания секретарей ЦК братских партий социалистических стран по международным и идеологическим вопросам.

Во встрече участвовали: член Политбюро, секретарь ЦК БКП А. Лиллов, секретари ЦК БКП Д. Станишев, С. Михайлов; член Политбюро, секретарь ЦК ВСРП М. Овари, секретарь ЦК ВСРП А. Денеш; член Политбюро, секретарь ЦК КПВ Нгуен Зуй Чинь; члены Политбюро, секретари ЦК СЕПГ К. Хагер, Г. Аксен, И. Герман; кандидат в члены Политбюро, член Секретариата ЦК КП Кубы А. Перес; член ЦК НРПЛ Ч. Дуонгбуди; член Политбюро, секретарь ЦК МНРП Д. Гомбожав, секретарь ЦК МНРП Г. Адья; члены Политбюро, секретари ЦК ПОРП С. Ольшовский, Ю. Чирек, секретарь ЦК ПОРП М. Ожеховский; кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК РКП П. Енаке; кандидат в члены

Политбюро, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, секретари ЦК КПСС М. В. Зимянин, К. В. Русаков; член Президиума, секретарь ЦК КПЧ В. Биляк, секретари ЦК КПЧ Я. Гавлин, Я. Фойтик.

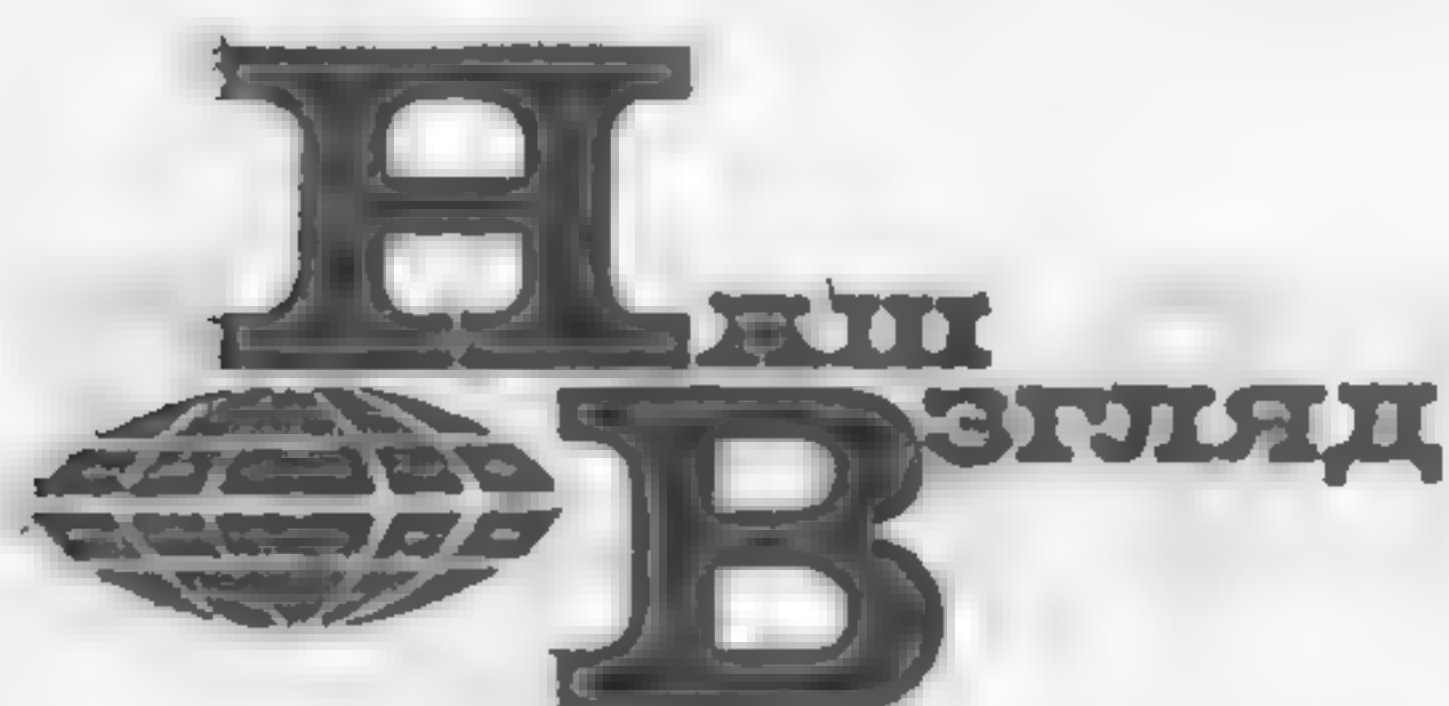
В ходе встречи Л. И. Брежнев остановился на проблемах, вставших перед социалистическими странами в связи с сохраняющимся обострением международной обстановки.

Товарищ Л. И. Брежнев подчеркнул: все, что происходит сегодня

на международной арене, так или иначе замыкается на коренной вопрос — устранение опасности мировой войны и обеспечение надежного мира.

Участники совещания с большим вниманием выслушали тов. Л. И. Брежнева и высоко оценили высказанные им соображения.

Встреча Л. И. Брежнева с секретарями Центральными Комитетов братских партий стран социализма прошла в сердечной, дружеской атмосфере.

ПРОГРАММА ДЕЙСТВИЙ

Владимир НИКОЛАЕВ

Приближается визит главы Советского государства в Федеративную Республику Германию. В ожидании этого важного события мировая общественность широко обсуждает и комментирует ответы Л. И. Брежнева на вопросы редакции западногерманского журнала «Шпигель». Из интервью следует, что наша страна считает самой неотложной задачей предотвращение ядерной катастрофы и создание условий для упрочения мира. «Советский Союз никому не угрожает, ни на кого не собирается нападать», — сказал Л. И. Брежнев. — И наша военная доктрина носит оборонительный характер. Она исключает превентивные войны и концепцию «первого удара».

Призывом к благоразумию и совести назвала эти высказывания Л. И. Брежнева по актуальным вопросам мировой политики берлинская газета «Нойес Дойчланд». Боннская газета «Генераль-анцайгер» отмечает, что в свете предстоящего визита Л. И. Брежнев подчеркнул особую роль Европы в деле обеспечения мира и резко осудил мнение, согласно которому ядерную войну можно было бы ограничить, например, рамками Европы. Заместитель председателя Социал-демократической партии Германии Ганс-Юрген Вишневский, комментируя интервью в «Шпигеле», заявил, что предстоящему визиту руководителя КПСС и Советского государства должно быть придано в ФРГ истинное решающее значение. Западногерманская пресса подчеркивает, что Советский Союз высказался за дальнейшее развитие отношений с ФРГ на основе доверия, охарактеризовав их «как важный элемент мировой политики».

Отклики на опубликованное в «Шпигеле» интервью и комментарии к предстоящему визиту Л. И. Брежнева в Бонн идут отовсюду. Американская пресса отмечает, что советский руководитель высказался за то, чтобы США и НАТО в целом мерили безопасность СССР и его союзников тем же масштабом, что и свою собственную. Мирным посланием СССР Западной Европе назвала ответы Л. И. Брежнева ток-ийская газета «Майнити».

В интервью «Шпигелю» ярко воплощена выдвинутая XXVI съездом КПСС Программа мира на 80-е годы. Она является жизненно важной в условиях резкого обострения международной обстановки, вызванного ростом агрессивности империализма. Как известно, США и НАТО взяли курс на подрыв сложившегося военно-стратегического равновесия с целью достичь военного превосходства над нами. Уже в первый год пребывания у власти новое американское правительство наметило израсходовать на ракетно-ядерные вооружения 180 миллиардов долларов. Мы являемся свидетелями происков милитаристских сил США в разных «горячих точках» планеты. Вашингтонские стратеги наращивают мощь НАТО, пытаются расширить сферы действия этого агрессивного блока. Соединенные Штаты поощряют возрождение японского империализма, содействуют усилению военного потенциала Китая.

Такая агрессивная политика обрела уже свою «философию», которая выражается в рассуждениях о том, что «есть вещи поважнее, чем мир» и что так называемая «ограниченная» ядерная война не только возможна, но даже приемлема. В интервью Л. И. Брежнева содержится новый призыв к американской администрации найти выход из тупика военного и ядерного безумия. И в то же время в нем говорится: «Если уж понадобится, советский народ найдет возможности предпринять любые дополнительные усилия, сделать все необходимое для обеспечения надежной обороны своей страны».

Многие обозреватели пишут о том, что Л. И. Брежнев высоко оценил усилия сторонников мира в Европе, их растущую решимость воспрепятствовать осуществлению ракетных планов США и НАТО. Как известно, недавно в Бонне состоялась манифестация в защиту мира, в которой приняло участие 300 тысяч человек. Один из лозунгов гласил: «1914 — пушечное мясо для Вильгельма. 1939 — пушечное мясо для Гитлера. Сегодня — ракетное мясо для Рейгана? Нет!» Такие же массовые демонстрации прошли во многих других городах Европы.

В ответах Л. И. Брежнева «Шпигелю» содержится ясная и четкая программа действий, борьбы за разрядку, против угрозы ядерной войны. Австрийская газета «Арбайтерцайтунг» указывает: «Любой, кто не предвзят оценивает мировое развитие, должен однозначно констатировать, что Советский Союз и лично Л. И. Брежнев делают все, чтобы устранить угрозу ядерной войны. В его высказываниях нет бражания оружием, зато очень много здравого смысла. Он прямо говорит, что он за продолжение курса на разрядку. Не только в Бонне, но прежде всего в Вашингтоне должны самым тщательным образом изучить высказывания советского руководителя и в интересах мира, в интересах всего человечества дать позитивный ответ на его предложения».

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ,

7 НОЯБРЯ 1981 ГОДА

Фоторепортаж
с Красной площади вели
Дм. БАЛТЕРМАНЦ, А. БОЧИНИН,
А. ГОСТЕВ, А. НАГРАЛЫАН.

Как рождается иллюстрация? Почему художник обращается именно к этому произведению? К этому автору?

Сегодня об этом говорит народный художник СССР, профессор Илья Сергеевич Глазунов.

— Илья Сергеевич, многие годы вы работаете над образным воплощением произведения Федора Михайловича Достоевского. Почему именно Достоевский? Что значит для вас этот гениальный писатель, его творчество, его личность?

— Сказать, что Федор Михайлович Достоевский — мой любимый писатель, это значит не сказать ничего или почти ничего. Достоевский стоит особняком во всей мировой литературе, более того, в мировой философии. Он индивидуален, неповторим во всей истории человеческой цивилизации. Всегда понимал жизнь как борьбу добра и зла. Его прежде всего интересовала жизнь определенной философской идеи и единоборство ее с душой, с совестью человека.

Раскольников... Определенная философская идея овладела сердцем этого юного человека, его разумом, его волей. И ведь идея-то — сделать доброе для людей: убить никому не нужную старуху процентщицу — паразита, а на эти деньги построить университеты, просветительные учреждения и тем облагодетельствовать многие поколения людей. А в результате страшное преступление, пусть даже и из высоких побуждений. Проблема совести — это и есть, с моей точки зрения, главное, что отличает Достоевского от многих писателей и философов. Для него человек — идееноситель.

Когда я работал над образами Достоевско-

художника и писателя в сфере творческого мировосприятия, то мне чрезвычайно близка гражданственность Достоевского. Он признавался, что писал «Бесов» руками, дрожащими от гнева. А это значит, что он никогда не был, просто не умел быть равнодушным. Он прежде всего страстный гражданин, обеспокоенный судьбой общества, анализирующий все возможные (для него — предсказуемые) тупики и зигзаги на путях его развития. По какому-то печальному недоразумению многие считают Достоевского пессимистом. Думаю, что это самый оптимистический писатель, потому что он верил в свет, верил в добро и в каждом человеке видел личность. Я глубоко разделяю эту веру.

— Федор Михайлович Достоевский создал удивительные по силе, ставшие символами типы: князь Мышкин, Рогожин, Настасья Филипповна, Мечтатель, братья Карамазовы. Каждый — личность незаурядная. Но ведь он писал и людей ничтожных, униженных, дошедших до последней ступени социального падения, и в них находил человеческое и благородное. Какие из героев Достоевского вам ближе?

— Желание увидеть в незаметном человеке — я не хочу употреблять ставшее в этом контексте привычным словосочетание «маленький человек»: нет маленьких людей, есть люди значительные и менее значительные, — так вот, желание проникнуть во внутренний мир такого вот незаметного человека и открыть в нем кладезь: нежность души, свет, добро — это прекрасно. Но если бы Достоевский создал только «Бедных людей» и «Униженных и оскорбленных», мир не говорил бы о нем как о великом русском пророке. Он остался бы просто большим писателем. Для меня «Бедные люди» — это еще не Достоев-

точки Незвановой? Не то что нелегко, это очень, очень трудно. Я долго искал, пока не встретил однажды на Арбате девочку. Грустная, с огромными печальными глазами, она стояла у магазина и ждала свою маму. Она меня поразила: была в ее внутренней жизни какая-то особая, петербургская психологическая окраска. Конкретные черты именно этой девочки и легли в основу моих иллюстраций к «Неточке Незвановой». Мне кажется, в каждом образе художник, в том числе и я, разумеется, всегда ищет созвучие с жизнью. Для меня и в этом смысле пример и урок — мой любимый художник Василий Иванович Суриков: он часами бродил по Москве, отыскивая то, что жило в его душе, но еще не воплотилось в конкретную форму. Именно от жизни ждал он того магического кристалла, через который можно увидеть образ, который носит в своей душе художник. Так были найдены Меншиков, Юродивый, боярыня Морозова и многие, многие другие. Найти зримое воплощение могучих образов-идей Федора Михайловича Достоевского — это и есть самое трудное, самое ответственное.

— Мы говорили до сих пор о воплощении образов героев Достоевского — людей-идееносителей. Но и в романах и в ваших работах есть еще один образ, может быть, главный и уж наверняка не менее важный — образ Петербурга, его настроения, его щемлящая, призрачная и вместе с тем холодная красота. Как вам удается передать это настроение Петербурга Достоевского, это ощущение мучительной тревоги и неповторимую красоту города?

— Я родился и вырос в тех же кварталах, что описывает Достоевский, где жили, страдали, боролись и гибли его герои. Меня до страсти воднут его описания горо-

ПОЛЕ БИТВЫ — СЕРДЦЕ ЧЕЛОВЕКА

го, мне хотелось в самой фактуре своих работ передать сумрачно-контрастную атмосферу духовного горения, которая, по моему глубоко убеждению, является родной стихией Достоевского.

— Но ведь, наверное, если берешься иллюстрировать произведения писателя любимого, да еще и столь великого, как Достоевский, нужно не просто хорошо знать, понимать эти произведения, нужно, наверное, жить, если можно так выразиться, «на одной волне» с автором, в общем, быть его единомышленником?

— Несомненно. Без душевной близости художника и писателя, которого художник берет за иллюстрировать (а такая близость возможна не только через годы — через века), никогда не возникнет на бумаге образительный эквивалент литературного образа. Кроме многого другого, о чем я только что говорил и о чем можно говорить бесконечно, — Достоевский неисчерпаем, и мне, я бы сказал, близко, созвучно стремление великого писателя изобразить все глубины человеческой души. Помните, он говорил о себе: «Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой».

Что означало для Достоевского «найти человека в человеке»? Найти свободную волю к добру. Это высший дар, в загадку которого так глубоко проникал его патетический гений.

И если уж мы заговорили о единомыслии

ский. А вот «Белые ночи» — Достоевский. С его удивительным пониманием человека, борьбой страстей и внутренних императивов, с его именно русским пониманием тайны жизни.

Я был еще студентом, это было в 1956 году, когда решился впервые прикоснуться к образам Достоевского. Решился потому, что не мог иначе — они жили во мне. Я сделал тогда три работы: «Князь Мышкин», «Настасья Филипповна» и «Рогожин». Они — это было для меня большой честью — были куплены музеем Достоевского в Москве. Потом были «Белые ночи», «Неточка Незванова». Уже много лет я работаю над «Братьями Карамазовыми», великим романом, ставшим литературным завещанием писателя. И чем дольше я пытаюсь заниматься воплощением образов Достоевского, тем больше понимаю, как безумно трудно найти форму, которая до конца выражала бы тот высокий накал горения духа, который он сумел выразить в конкретных образах, и как трудно добиться, чтобы, наконец, найденная тобою форма была узана и принята миллионами читателей.

— Илья Сергеевич, только ли литературный первоисточник служит основой портрета литературного героя или все-таки помогают, дополняют его и впечатления действительности, реально увиденный человек — натура?

— Как вы считаете, легко ли во всей необходимой художнику полноте, точности и определенности представить себе внешность Не-

да, я ощущаю старый Петербург точно так, как ощущал его Достоевский. Думаю, именно так его ощущают и миллионы людей, прочитавших, переживших, перестрадавших то, что написал о нем Достоевский.

Я прошел по всем квартирам, где жил писатель (он всегда почему-то поселялся на углу и чтобы из окна была видна церковь), прошел не сосчитать сколько раз по улицам, по которым ходил он, может быть, точно теми же маршрутами. И я увидел его город — Петербург Достоевского. Конечно, это не фон. Это образ. Бессмертный.

— И последний вопрос. Принято считать, и не без оснований, что все великие писатели оказывают влияние на художников, на живописцев. Как вы считаете, какое влияние оказал Достоевский на русскую живопись вообще и на ваше творчество в частности?

— Достоевский оказал огромное влияние на всю мировую культуру: на литературу, театр, кинематограф, на философию. Существует даже работа «Эйнштейн и Достоевский». Влиянию могучего ума гениального русского писателя-философа подвержены все общественные проявления человеческой мысли. Что касается живописи, то этот вопрос, пожалуй, наименее изучен. Относительно моей работы и влияния на нее творчества Достоевского говорить не буду: почти все, что было сказано раньше, в общем-то об этом.

Беседу вел А. БОНДАРЕНКО.

ВЕНЕРА — ДАЛЕКАЯ И БЛИЗКАЯ

Эти антенны Центра дальней космической связи получили немало сведений о полетах советских автоматических станций к Венере.

Фото Н. Акимов (ТАСС)

В соответствии с программой исследований космического пространства 30 октября и 4 ноября 1981 года в Советском Союзе осуществлены запуски автоматических межпланетных станций «Венера-13» и «Венера-14». Эти события — тема беседы корреспондента «Огонька» с лауреатом Ленинской премии академиком В. С. АВДУЕВСКИМ.

— Всеволод Сергеевич, не правда ли, знания о Венере до запуска автоматических станций были таковы, что кажутся теперь довольно наивными?

— Действительно, предполагалось, что атмосферу планеты составляет в основном азот, а давление и температура у поверхности примерно такие же, как на Земле. Думали, что есть и вода.

— В общем, жить можно? — Это не исключалось. Во всяком случае, допускались какие-то формы растительности или другой биологической жизни. И вот теперь налицо результаты совсем иного характера. На панорамах следы активной вулканической деятельности, причем совсем свежие, атмосфера — почти сплошь углекислый газ, температура по Цельсию в десять раз выше, чем в наших тропиках, давление у поверхности в сто раз больше, чем испытываем мы с вами.

— Значит, интерес к Венере в какой-то степени упал?

— Только у тех, кто надеялся обнаружить там жизнь. Правда, и сейчас есть ничем не опровергнутые гипотезы, допускающие существование каких-то форм биологической активности в атмосфере. Но важно другое. Венера оказалась интереснейшей, загадочной планетой. И какие загадки!

Прежде всего почему Венера и Земля столь разительно не похожи по природе? Причем появились обе на свет примерно в одно время, и находятся сравнительно недалеко друг от друга, и размерами схожи. Однако развитие этих планет пошло совершенно различными путями.

На высоте 60 километров над поверхностью там обнаружен стабильный облачный слой, который методично и быстро вращается. Полный оборот вокруг планеты он совершает за четверо суток, свыше ста метров в секунду его скорость. Что за феномен? Какие процессы его поддерживают?

Или другое. Атмосферы планет образовались из вулканических газов. Если первичная материя одинакова, то и вулканические газы тоже. В таком случае нужно выяснить, куда девался на Венере кислород, как вообще образовался его атмосфера, что произошло с водой, которая «обязана» была существовать на планете. Какова природа, каков механизм такого разогрева атмосферы?

— Но ведь парниковый эффект...

— Нет, не только парниковый эффект. Расчеты показывают, что причины и в чем-то еще. К тому же нужно понять, за счет чего парниковый эффект поддерживается. В общем, нужны новые данные.

— Которые помогут нам лучше узнать свою планету?

— Я бы сказал, что они помогут нам лучше узнать Солнечную систему, а значит, и Землю. Так, анализируя поверхностные структуры, вещество Луны и планет, мы получаем возможность заглянуть в ранний период истории развития Земли. Или пример другого свойства. Исследуя метеорологические процессы на Венере, взаимодействие атмосферы планеты с поверхностью, мы можем изучать влияние хозяйственной деятельности человека на земную атмосферу, а также изучать воз-

можные климатические изменения, связанные с ее загрязнением. Еще тема. На Земле содержание кислорода поддерживается постоянным в основном за счет растительности. Но не только. Я думаю, что в процессе поддержания этого постоянства участвуют и другие механизмы. В венерианской же атмосфере есть также важные для местной природы компоненты со своим механизмом поддержания. Сопоставление, анализ — все это очень интересно и важно.

Чем обеспечивается кругооборот вещества и энергии в природе нашей планеты? Водой. Есть предположение, что кругооборот солнечной энергии в венерианской атмосфере обеспечивается соединениями серы, в том числе серной кислотой, а также другими соединениями, которые там уже обнаружены. Пусть даже содержание их там ничтожно, но они, возможно, играют определяющую роль в природе планеты. Мне кажется, что очень здесь все похоже на процессы образования нашего земного... смога. Даже венерианские облака аналогичны ему по структуре. Опять нужно сопоставление. В общем, Венера притаилась.

— Всеволод Сергеевич, коль скоро Венера оказалась далеко не мертвой планетой, можно ли со временем ожидать каких-то коренных изменений в ее природе? Ну, скажем, снизится температура и давление в атмосфере, она станет менее плотной, более прозрачной для солнечных лучей и...

— И гостеприимной для инопланетян, то есть для нас с вами? Давайте на минуту обратим взор в другую сторону — к Марсу. На фотоснимках его поверхности обнаружены высохшие русла рек. Значит, текла вода, а теперь на поверхности ее нет, что-то произошло. Допускаю, что может произойти свое «что-то» и на Венере. Дальше: маловероятно, что сложные химические соединения в венерианских облаках устойчивы. А если они неустойчивы, стоит их лишь подтолкнуть, и все станет меняться. Возможно, все дело в малых химических присадках в атмосфере, которые просто нужно убрать.

— Стало быть, вы допускаете, что в перспективе возможно и искусственное воздействие на венерианскую атмосферу?

— Допускаю. Но потребуются такие затраты энергии, на которые люди пока неспособны. Однако со временем может измениться сам климат планеты — из-за изменения солнечной активности.

— Вспоминаю, как после ошеломляющих результатов «Венеры-4» на страницах печати не раз ставился вопрос, полетит ли когда-нибудь на Венеру человек. И ответ чаще всего был однозначным: «Нет, никогда, ни за что!»

— Обязательно полетит. В следующем тысячелетии. Сначала, конечно, с научными целями. А потом... Человечество непременно столкнется с необходимостью освоения новых территорий, новых планет. А Венера есть и будет ближе всех других. Солнца же там хватит.

А пока будем ждать результатов начавшихся новых венерианских экспедиций.

Беседу вел
Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ.

КРОССВОРД

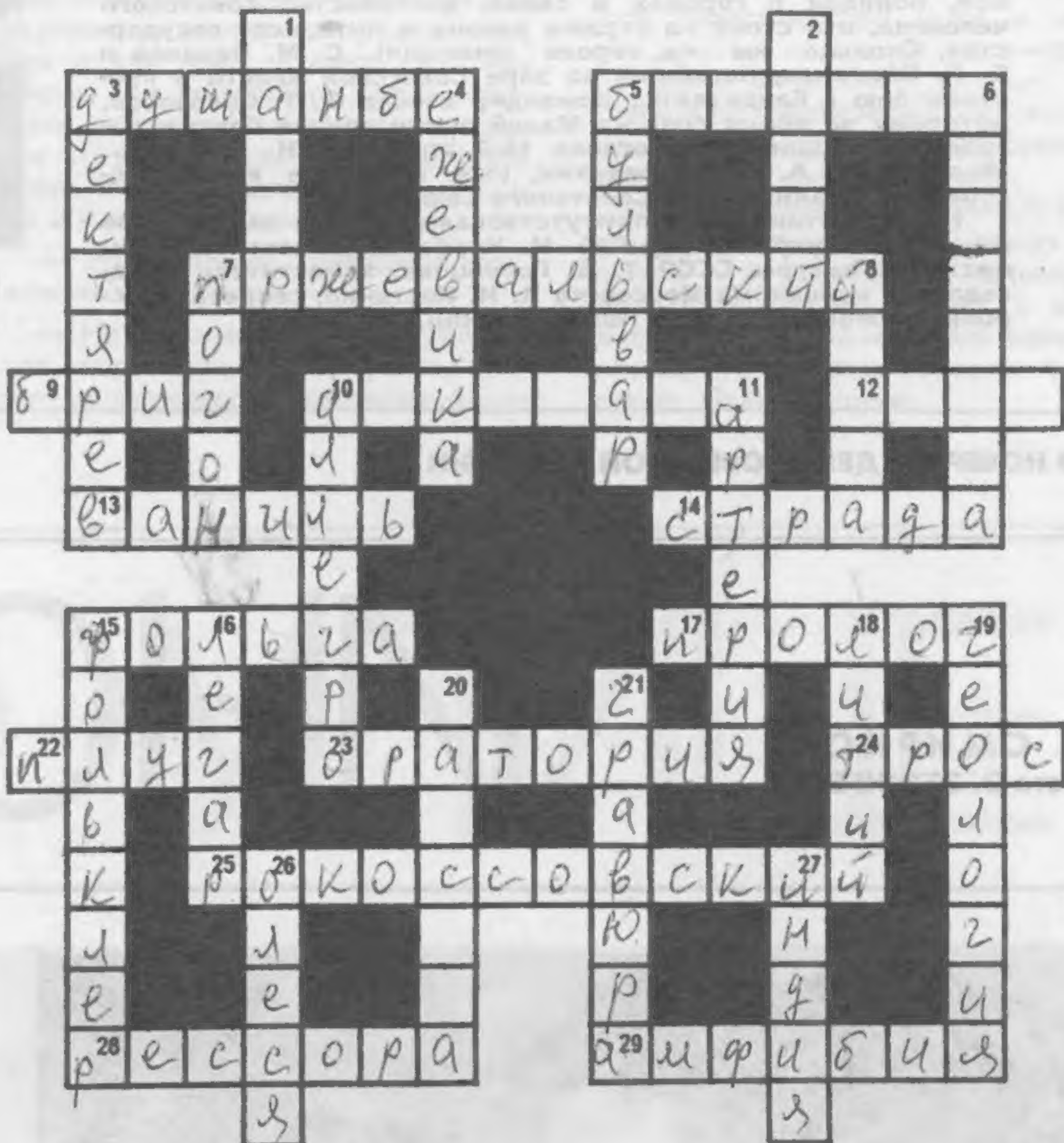
По горизонтали: 3. Столица союзной республики. 5. Народный артист СССР, актер Ленинградского театра имени Пушкина. 7. Русский путешественник, исследователь Центральной Азии. 9. Парусный корабль. 10. Испанский писатель, автор романа «Река Тахо». 12. Приток Оки. 13. Тропическое растение семейства орхидных. 14. Напряженная летняя сельскохозяйственная работа. 15. Тонкий лист металла. 17. Роман Н. Г. Чернышевского. 22. Сельскохозяйственное орудие для вспашки почвы. 23. Музыкальное произведение для солистов, хора и оркестра. 24. Канат. 25. Маршал Советского Союза. 28. Упругий элемент подвески транспортных машин. 29. Автомобиль, передвигающийся по суше и воде.

По вертикали: 1. Остров Филиппинского архипелага. 2. Действующее лицо балета Л. Ф. Минкуса «Дон-Кихот». 3. Конструктор стрелкового оружия, Герой Социалистического Труда. 4. Ягодный кустарник. 5. Аллея вдоль улицы. 6. Духовой инструмент. 7. Наплечный знак различия на форменной одежде. 8. Река во Франции. 10. Быстрый темп в музыке. 11. Кровеносный сосуд. 15. Народное творчество. 16. Венгерский композитор, автор оперетт. 18. Химический элемент, металл. 19. Комплекс наук о составе, строении и истории развития Земли. 20. Краткое изречение. 21. Оттиск рельефного рисунка. 26. Повесть А. И. Куприна. 27. Государство в Южной Азии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 45

По горизонтали: 3. Фейерверк. 7. «Галья». 8. Войнич. 10. Конференция. 13. Древко. 14. Вагнер. 15. Частица. 17. Колорадо. 18. Кантемир. 19. Комитас. 21. Белуга. 23. Иттрий. 25. Стенография. 28. Компас. 29. Овация. 30. Мельников.

По вертикали: 1. Мегафон. 2. Траверс. 4. Ректорат. 5. «Чапаев». 6. Митинг. 9. Трускавец. 10. Контрабас. 11. «Евпатория». 12. Федерация. 15. Чубук. 16. Аракс. 20. Иогансон. 22. Ушаков. 24. Турнир. 26. Елисей. 27. Федоров.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Известный молдавский кукурузовод, Герой Социалистического Труда С. М. Пармаки.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Иллюстрации к произведениям Ф. М. Достоевского.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патристический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 26.10.81. Подписано к печати 10.11.81. А 00459. Формат 70 × 108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7.0. Уч.-изд. л. 11.55. Усл. кр.-отт. 18.20. Тираж 1 790 000 экз. Изд. № 2839. Заказ № 1380.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

РАССКАЗ О ДОБЛЕСТИ

В канун 64-й годовщины Великого Октября к музеям нашей столицы прибавился еще один: в доме № 11 по Селезневской улице открылся Центральный музей МВД СССР.

Своих посетителей он встречает витражом, огненно-рдеющим на фоне белого мрамора стен. В центре мемориального зала — бюст Владимира Ильича Ленина. На стенах — имена героев, погибших в борьбе с врагами революции, с теми, кто нарушал советский правопорядок.

Более двух тысяч экспонатов зримо и вещно представляют историю славной советской милиции — с первых дней ее создания и вплоть до самого последнего времени. В восемнадцати залах разместились фотографии и документы, нередко хрупкие от времени, боевое оружие и газетные листы, награды и личные вещи героев. Есть и раздел, где показан современный технический уровень криминалистики. Экспонаты доносят до нас хронику раскрытия особо опасных преступлений, рассказывают об участии работников милиции в Великой Отечественной войне, о службе пожарной охраны и Государственной автомобильной инспекции, о других подразделениях Министерства внутренних дел. Но главное — это рассказ о людях, о тех, кто охраняет наш покой, порядок в городах и селах, достоинство советского человека, кто стоит на страже закона и интересов государства. Сколько же их, героев милиции!.. С. М. Пекалов и Е. П. Швырков, погибшие на заре Советской власти в яростном бою с бандитами... Командир взвода Ф. Т. Солозобов, которому во время боев на Малой земле вручал боевую награду начальник политотдела 18-й армии Л. И. Брежнев... Милиционер А. И. Попрядухин, уже в мирное время удостоенный звания Героя Советского Союза...

На открытии музея присутствовали первый заместитель министра внутренних дел Ю. М. Чурбанов, заместитель министра культуры СССР Т. В. Голубцова, заместитель председателя исполкома Моссовета А. И. Костенко, секретарь исполкома Моссовета Б. В. Понаржевский.

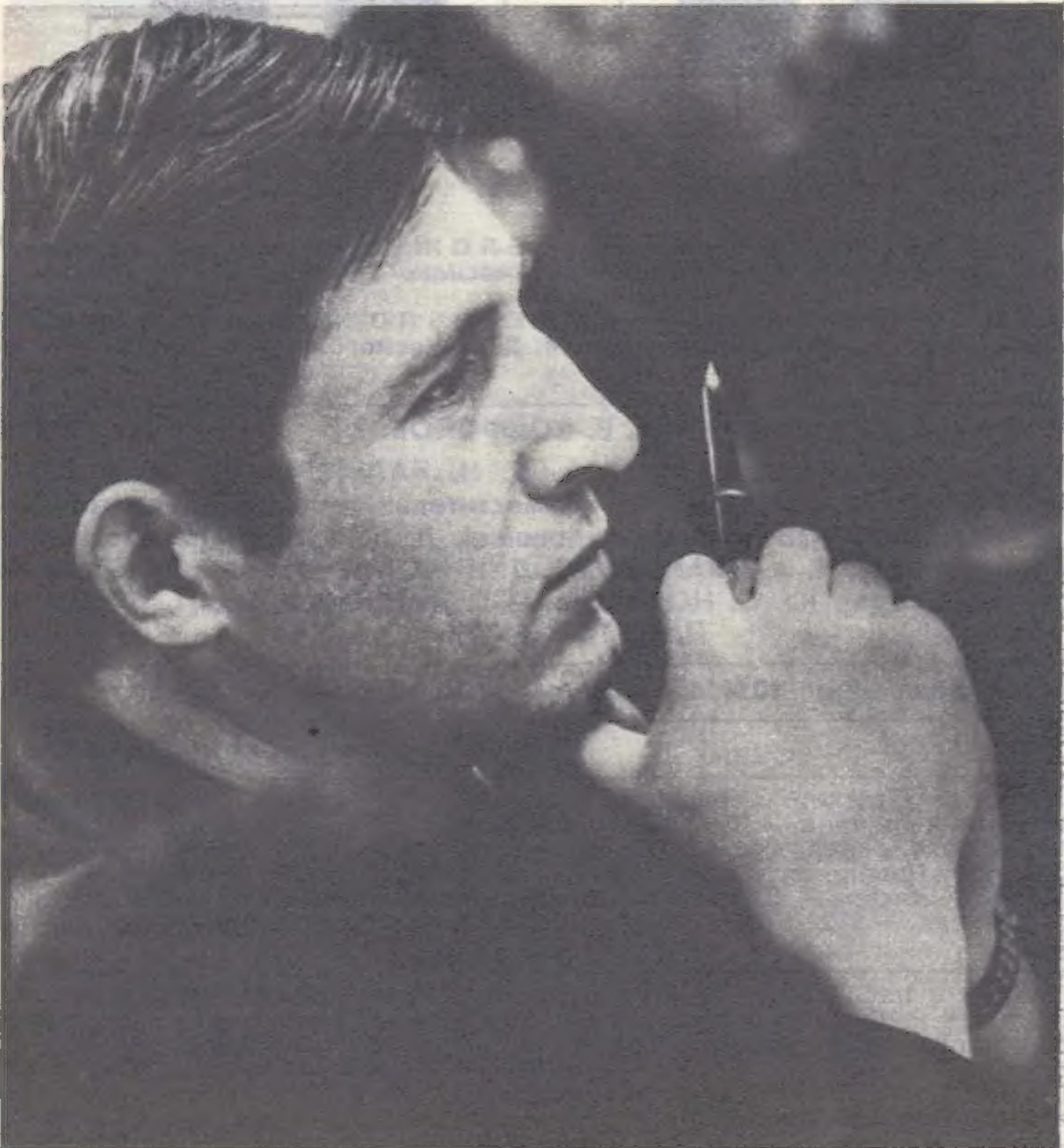
На открытии Центрального музея МВД СССР выступил первый заместитель министра внутренних дел СССР Ю. М. Чурбанов.

Фото А. Нагальяна

10 НОЯБРЯ — ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ

Б. СМЕРНОВ,
фото Э. ЭТТИНГЕРА

ИНСПЕКТОР

На занятиях в Академии МВД.

Это случилось несколько лет назад, поздним сентябрьским вечером, когда большинство москвичей уже давно разошлось по домам после работы. Сейчас старший лейтенант милиции Александр Поликарпович Сахаров не припоминает, почему именно он задержался в тот день в отделении — скорее всего оформлял, как обычно, свою бесконечную документацию. Он уже закончил дела, сдал оружие и спускался по лестнице к выходу, когда его окликнул дежурный по отделению:

— Сахаров, стой, кажется, сад Баумана — твой участок? Сейчас звонили из дома напротив сада, там, говорят, возле кафе у грота какой-то подозрительный шум...

Как назло, дежурной машины не было — должна появиться с минуты на минуту. А в такой ситуации минута — целая вечность. И Сахаров побежал. Вернее, они побежали вдвоем вместе с другим сотрудником, причем Сахаров решил даже не возвращаться наверх за оружием — сколько времени на это уйдет! От Новой Басманной улицы, где расположено 92-е отделение, до сада имени Баумана — всего три минуты хода.

Ворота, конечно, уже закрыты — ничего, он знает, где легко перескочить через забор, ведь это его участок. Вот и грот в конце темной аллеи... Сколько раз он говорил, что надо вон тот угол лучше осветить! Так и есть — вверх по небольшой искусственной горке метнулась тень. Звякнуло о камень что-то тяжелое, металлическое — по звуку, кажется, лом.

— Я прямо, а ты беги вон туда, там между складами проход есть, — составил на бегу несложную дислокацию Сахаров и бросился в темноту...

— Может, все-таки не надо об этом случае? — улыбается Сахаров, прерывая свой рассказ. — Я ведь предупреждал, ничего там такого особо занимательного не было. Ни погони, ни драки.

— Но ведь вы задержали кого-то? Было же там преступление? — пытаюсь я воодушевить своего собеседника. Мне так хочется услышать от него какую-нибудь героическую историю.

— Было. Задержали мы двоих, слесаря жэка и его дружка. Они взломали две двери склада, за одной ничего не нашли, за другой — остатки вина и какие-то продукты. Тут как раз мы нагрянули. Поставили их лицом к стене,

я напарника скорее за машиной отправил, а у самого-то у меня оружия нет. Но я виду не подаю, тычу задержанным в спину согнутым пальцем, словно бы дулом, покрикиваю: «Стоять у меня, не шевелиться!» — а другой рукой их одежду ощупываю, нет ли там чего. Хорошо, что минут через пять машина подошла, а то эти двое раскусили бы мою хитрость, убежали бы...

Честно говоря, я ждал какой-то другой истории. Более острой, что ли. Ведь меня заранее предупредили, что у старшего участкового инспектора Сахарова один из самых сложных в Москве участков — почти центр города, старые многонаселенные дома, с одной стороны — Курский вокзал, с другой — три вокзала Комсомольской площади. Не участок, а проходной двор, по словам самого Сахарова. Как тут не вспомнить кинофильмы, повести о запутанных делах в стиле двадцатых годов — о засадах, притонах, побоищах... И вот — два жулика с ломом, самое сложное дело участкового инспектора за десять лет службы.

Конечно, Москва изменилась. Изменился и город и люди, но делать поспешного вывода, что московская милиция остается без работы, пока что не следует. Просто работа эта в наше время стала, может быть, менее громкой, но зато более сложной. И более тонкой, потому что сама милиция тоже изменилась, выросла вместе с городом.

Мы идем вместе с Александром Поликарповичем по тихим,

сто. Дело даже не в привычке к торопливому столичному ритму, не во временной обособленности, которая всегда ждет нового человека в огромном, занятом своими делами городе. Чтобы понять город, надо понять его людей, надо впитать в себя весь уклад жизни, традиции, привычки, даже строй речи — а уж в Москве таких особенностей хоть отбавляй. Сахаров вспоминает, что ему с привычкой к армейской дисциплине не так уж сложно было сменить форму, но на улицах, в обыденной жизни он сначала здорово терялся. А тут еще с первых шагов — роль хозяина города. К кому, как не к милиционеру, подойдут с вопросом, кто постоянно должен представлять порядок, справедливость, закон? Одной лишь выправкой, исполнительностью всех проблем не решить, здесь нужны знания. И он стал учиться всюду и всему, в чем видел рациональное зерно. Перенимал стиль работы тех, кто считался в отделении лучшим, старательно следовал советам своего наставника Константина Тихоновича Чернова. Кстати, потом, когда Чернов уже вышел на пенсию, его участок достался именно Сахарову — может, случайно, а может, и нет. Константин Тихонович в своей работе всегда исходил из интересов людей, боялся формализма — и от нового участкового инспектора люди ждали того же, неформального внимания к своим заботам. Не только ждали — требовали.

— Общение с людьми — целая наука! — говорит Сахаров.

Чтобы постигнуть эту науку из наук, он уже здесь, в Москве, завершил свое среднее образование, окончил школу милиции, сейчас учится заочно в филиале Академии МВД. И все же, мне кажется, академических знаний было бы недостаточно без каких-то личных, быть может, воспитанных им самим в себе качеств. На улицах не раз старшего инспектора Сахарова останавливали какие-то люди, отводили в сторону, о чем-то говорили, спрашивали, советовались. Да и сам Александр Поликарпович не просто слушал — почти к каждому у него был какой-то вопрос, какое-то дело. «Неужели все они что-то там нарушили?» — удивлялся я, и Сахаров объяснил: совсем нет, почти все, кто нам встретился, — самые обычные, не вступавшие в конфликт с законом люди.

— Просто мы, участковые, должны быть мастерами на все руки. В вопросах правопорядка — само собой. Но надо знать и жилищное законодательство, разбираться в вопросах санитарного состояния, пожарного дела, хранения материальных ценностей, разъяснить, где и как надо ставить автомашины, как содержать собак и кошек, улаживать квартирные споры и так далее. Где поставить стол в коммунальной кухне — и то к нам обращаются.

— Эти мелочи, наверное, отвлекают...

— Нет, это не мелочи. Пустяковая ссора может обернуться серьезным скандалом, незнание зако-

на — правонарушением. Мелочи — это наша работа, а если говорить серьезно, — мелочей в ней вообще нет. Помните, ко мне вчера приходил человек, недавно отбывший заключение, жаловался, что соседи его домой не пускают? Я проверил, он все правильно говорил: работает, не пьет, прописку оформил. А отмахнись я, например, скажи: некогда, мол, разбейтесь сами — так он очень легко мог бы такое устроить... Напиться, скандал учинить, драку. И себя бы погубил и людям мог жизнь отравить. Какие уж тут мелочи...

Признаюсь, я до конца не представлял, какую роль в нашей жизни могут сыграть советы общественности. Они, оказывается, занимаются всем — от устройства ребенка в ясли до пенсионных вопросов. В опорном пункте, в крохотном кабинете Сахарова, я пересмотрел целую кипу отчетных документов общественников — и всей этой работой тоже должен заниматься участковый. Его забота — рейды народных дружинников, товарищеские суды и многое другое, с чем он один — даже не один, а втроем, потому что старшему участковому инспектору помогают еще два участковых, — никогда бы не справился.

— На нашем участке живет около восьми с половиной тысяч человек, и я уверен, что примерно на восемь тысяч из них я могу рассчитывать как на своих помощников, — убежденно говорит Александр Поликарпович.

ИДЕТ ПО УЛИЦЕ

присыпанным последней листвою переулкам, мимо старинных особняков и совсем новых корпусов, словно вживленных рукой хирурга в организм сложившихся за века кварталов. «Наступают?» — спросил я у Сахарова, кивнув на многоэтажки, и он как-то обрадованно подтвердил:

— Да, скорее бы! Для меня прямо праздник, когда очередной дом с коммунальными комнатками начинают перестраивать. Конечно, от условий быта очень, очень многое в жизни зависит, это аксиома. Но, с другой стороны, каждое такое переселение — прощание с прошлым, для кого-то целое горе! Знаете, сколько проблем! Наш район — как памятник, здесь в основном дома не сносятся, а капитально ремонтируются, чтобы не пострадал характерный московский облик.

— А вы коренной москвич или приезжий?

— Я родился на Волге, в Астрахани. Был, так сказать, потомственным речником, учился в речном техникуме, до службы в армии успел две навигации проработать рулевым. Служил под Москвой, и вот тут-то и предложили после увольнения в запас пойти в московскую милицию...

Стать москвичом не так-то про-

— Вы знаете, дело было так...

ISSN 0131—0097

Цена номера 35 коп.

Индекс 70663